

Книжный червь Переводы книг

ЖАЖДА ЖИЗНИ

САМАНТА ТОУЛ

Жизнь Индии Харрис началась несладко. Она и ее брат-близнец Кит, брошенные младенцами, проживали с приемными родителями, полагаясь лишь друг на друга. В юности же отношения не с тем мужчиной привели к беременности Индии. Желая дать сыну все то, чего не было у нее, она пошла в колледж и окончила его с отличием. В свои тридцать лет она уважаемый высококлассный психотерапевт. У находящегося в лучшей форме Леандро Сильвы, пилота Формулы-1, было все — до аварии, в которой он взглянул смерти в лицо. После длительной двенадцатимесячной физиотерапии Леандро способен продолжить участие в гонках физически, но что-то в голове не дает ему вернуться на трассу. Раздраженный и обозленный от бессилия, Леандро дни и ночи заполнял реками алкоголя и безликими женщинами. Согласно подписанному им в прошлом году контракту, он знает, что должен выехать на трек снова, либо лишится всего, к чему стремился и ради чего работал все эти годы. Вынужденно отправившись на сеанс психотерапии, чтобы вернуть прежнюю жизнь, Леандро обнаруживает себя в кабинете доктора Индии Харрис. Западать на его настороженного психотерапевта не входит в планы Леандро. Испытывать противоречащие профессиональной этике чувства к ее пациенту, озлобленному бразильскому пилоту, не входит в планы Индии. Но что, если неподходящий человек на самом деле подходит лучше остальных?

Саманта Тоул

Жажда жизни

Оригинальное название: Samantha Towle - Revived (Revved #2) 2015

Переведенное: Саманта Тоул — Жажда жизни (Заведенные #2) 2016

Перевод: Александра Журомская

Редактор и оформитель: Дарья Нефедьева

Обложка: Анастасия Токарева

ПРОЛОГ

ИНДИЯ

Тринадцать лет назад

+ МАНЧЕСТЕР, АНГЛИЯ

ДВЕ РОЗОВЫЕ ПОЛОСКИ.

Снова просматриваю инструкцию.

Две розовые полоски... беременна.

Нет. Боже, нет.

Я не могу быть беременной. Не могу. Мне всего семнадцать. Я живу в общежитии. Я не могу завести ребенка. Я едва могу присмотреть за собой.

Все в порядке, Индия. Пол будет знать, что делать.

Он старше, ответственнее. Он все исправит.

Но никто не должен узнать, что я беременна. Если кто-то выяснит, что мы с Полом спим вместе, у него будут проблемы. Большие проблемы.

Просто я боюсь рассказывать ему. *Вдруг он подумает, что я забеременела умышленно?*

Кит. Нужно рассказать Киту. Он мой брат-близнец и лучший друг. Ему будет ясно, как с этим справиться.

Но если Кит узнает обо мне и Поле, то убьет Пола. Мой брат серьезен, когда дело касается моей защиты. И, хотя ему только семнадцать, он довольно крупный для своего возраста.

О боже, ну и дела!

Раздается стук в дверь ванной в общежитии, где я живу. В этом месте не бывать покою.

— Минуту! — кричу я.

Трясущейся рукой убираю тест обратно в коробку, запихиваю его в карман куртки и застегиваю молнию. Мою руки, спускаю воду в туалете и открываю дверь.

Зара, шумнейшая корова в мире, стоит с другой стороны.

— Ты там уже вечность. Чем ты там занималась? — Она смотрит на меня с подозрением.

— Тем же, чем там собираешься заняться ты. — Я прохожу мимо нее без единого слова.

Я не могу пойти к себе в комнату. Нужно убираться отсюда.

Мне нужно поговорить с Полом.

Сегодня его здесь нет. Он должен быть дома.

Я отправляюсь к нему.

Наверное, прежде мне стоит написать ему, оповестить о визите. Мне всегда следует перед приходом к нему отправлять сообщение.

Он беспокоится, что люди могут узнать про нас, потому просит меня убеждаться, что ехать к нему безопасно.

Но теперь ничто не кажется безопасным.

У меня будет ребенок.

Уходя из общежития, я искусно избегаю Кита.

Сажусь в автобус, чтобы побыстрее добраться до квартиры Пола.

Выхожу из транспорта и на трясущихся ногах направляюсь к нему домой, до его двери мне приходится пройти два лестничных пролета.

Звоню в дверной звонок.

Нет ответа. Но я знаю, что он здесь, потому что в коридоре стоит его велосипед.

Снова звоню и снова ничего.

Может, он в душе и не слышит меня.

Решаю проверить дверь. Если он находится дома, то редко ее запирает.

Ручка повернулась.

Я захожу и прохожу в гостиную.

Не здесь.

И не на кухне.

Иду мимо ванной. Я не слышу звук бегущей воды.

Затем слышу голоса. Не один голос. Они раздаются из его спальни.

И мое сердце упало.

Нет. Прошу, нет.

Страх заполняет меня, словно яд. Я борюсь за воздух. Тело начинает трести, сердце

колотится о ребра.

Заставляя себя двигаться, я останавливаюсь у двери его спальни. Дрожащей рукой поворачиваю ручку.

Мое упавшее сердце проваливается подобно камню.

Пол на кровати. Лежит голый, а на нем сидит женщина. Голая женщина.

Совершенно очевидно, у них секс.

Иисусе.

Рукой я хватаюсь за живот. Боль настолько сильна, что растекается по всему моему телу.

Слезы застилают глаза.

Он сразу же видит меня и его лицо бледнеет. Шок и страх искажают его черты.

Он хватается женщину за руки и останавливает ее, прекращая ее старания.

Затем она поворачивается ко мне лицом.

Девочка.

Девочка, которую я знаю. Кэсси. Она живет в том же общежитии, что и я.

И ей четырнадцать.

К горлу подступает желчь.

Спотыкаясь, я ухожу из квартиры Пола под аккомпанемент его вопящего голоса.

Я выбегаю из дома, направляясь прямо к автобусной остановке, которая, к счастью, пуста. Прячусь за задней стенкой крытой остановки, чтобы Пол не смог меня увидеть.

Утираю слезы на щеках.

Кэсси. Ей всего четырнадцать.

Но разве мне самой было не пятнадцать, когда Пол начал спать со мной? Тогда казалось романтичным, что меня хотел мужчина, но теперь, когда я увидела его с ней... это кажется неправильным.

Почему я не увидела этого раньше? Почему не увидела, что он за мужчина?

Теперь я беременна от мужчины, работающего в общежитии.

От мужчины, предпочитающего заниматься сексом с девочками-подростками.

Меня рвет, и я не могу остановиться.

Когда сильная тошнота дошла до финальной точки, я попыталась восстановить дыхание. Мозг работает со скоростью миля в минуту.

Отойдя прочь от собственных зловонных рвотных масс, я останавливаюсь в стороне, оставаясь вне поля зрения. С прижатой к животу рукой спиной прислоняюсь к автобусной остановке. Медленно достаю из кармана телефон и нажимаю на быстрый номер, звоня единственному человеку, что есть у меня в этом мире.

Кит отвечает после первого же гудка.

— В чем дело?

Интуиция близнеца. Мы с Китом всегда знаем, когда у другого возникают проблемы.

— У меня проблема. — По моим щекам стекают слезы.

— Какого рода проблема?

— Я-я... я беременна.

Тишина.

Но я слышу его дыхание на линии.

— Кит?

— Где ты? — Его голос пронизан разочарованием.

Это полоснуло меня сильнее всего.

Из меня вырывается всхлип. Делаю глубокий вдох.

— На автобусной остановке.

— На какой?

Прежде чем заговорить, я задерживаю дыхание.

— Которая рядом... с квартирой Пола.

Снова тишина.

Ему не нужно ничего говорить. Я слышу это в его молчании.

Так Кит воспринимает события. Не злится, не кричит. Его ярость в его молчании, и оттого кажется куда более оглушающей.

— Сейчас же еду за тобой. — По голосу слышно, что он едва сдерживается.

— Не злись на меня, Кит. Прошу, — всхлипываю я.

— Я не злюсь на тебя, Индия. — Его голос стал чуточку мягче.

Но он всегда зовет меня Инди. Он зовет меня Индией только когда злится на меня.

— Я зол на этого мудака. Нет, я больше, чем зол. Я в ярости. Я убью этого ублюдочного извращенца!

— Кит... нет! Прошу!

— Я сейчас приеду, Индия. И только, блядь, двинься с места. Я серьезно.

Затем он исчез, а я осталась стоять с телефоном в руке. С ощущением, что моя жизнь кончена, и моля Бога все исправить.

ПРОЛОГ

ЛЕАНДРО

Год назад

САН-ПАУЛУ, БРАЗИЛИЯ

ЗАКРЫВАЯ ГЛАЗА, я про себя повторяю слова моего героя, великого Айртона Сенны как делаю каждый раз перед гонкой.

«Быть вторым значит быть первым из проигравших».

Перед тем, как забраться в болид, я молюсь, чтобы в этот раз получилось.

Я не могу проиграть.

Мне необходимо победить в этой гонке.

Мои очки упали, но я на поул-позиции. Но никуда не делся Каррик Райан, заноза в моем заду, способный сделать меня снова, если сегодня я не выкину какой-то неожиданный финт.

(Здесь и далее прим. пер. Поул-позиция (поул-позишн) — первая позиция на стартовой решетке, которую получил гонщик, показавший лучший результат на квалификации, скоростном заезде пилотов перед гонкой для определения их стартовых позиций во время гонки.)

Я, черт подери, могу.

Я, мать его, Леандро Сильва.

Я тот, кем мужчины хотят быть.

Надевая шлем, я скольжу в кокпит.

Фокусировка — сейчас все.

Моя жизнь охеренна. И я могу сделать ее лучше, если сегодня увезу домой золото.

Если сегодня возьму первое место, Бразилия будет любить меня еще больше.

Мой механик передает мне руль. Я прилаживаю его на место.

Я готов.

Я киваю, чтобы дать знать моим механикам, что готов. В моем ухе начинают раздаваться голоса.

Я выезжаю на пит-лейн и начинаю прогревочный круг.

(Пит-лейн — часть гоночной трассы, на которой располагаются боксы команд (гаражи) и, где производятся пит-стопы (остановки для смены шин или других необходимых операций с болидом).

(Прогревочный круг — круг на квалификации или перед гонкой для прогрева шин болида.)

Теперь я на стартовой решетке вместе с другими пилотами.

Мотор ревет, я более чем готов.

Красный...

Красный...

Красный...

Красный...

Красный...

Вперед!

Я с силой давлую по акселератору и начинаю мчаться рядом с другими болидами, набирая обороты.

Довольно скоро я лидирую. Райан на хвосте, но если буду продолжать в том же духе — золото мое. Я уверенно иду к победе.

Заполучить победу в родной стране... нет ничего лучше. Ну, разве что заполучить чемпионство.

Я доезжаю до угла. Поворачиваю руль.

Какого хера? Он застрял. Не могу повернуть его.

Черт! Я дергаю руль, пытаюсь развернуться, но тот не поддается, а угол приближается слишком быстро.

В ухе слышатся паникующие голоса. Они знают, что что-то не так, но я не могу говорить, слишком сконцентрирован на том, что происходит в данный момент.

Давай, крошка. Поворачивайся.

Вне зависимости от моих действий, руль остается заклинившим, и я не смогу повернуть вовремя.

Ох, боже.

Я знаю, что ничего не могу поделать.

Вот и все. Мне конец.

Стена приближается слишком стремительно. Я закрываю глаза.

Столкновение жесткое настолько, насколько и ожидал. Чувствую, как тело дробится на части.

Боль... мучительная.

Кожа... горит.

В легких дым.

Не могу дышать...

Тьма.

Глава первая

ЛЕАНДРО

 ЛОНДОН, АНГЛИЯ

Бывало ли у вас ощущение, что вы знаете, почему вы там, где есть, но не уверены, то ли это место, где вы должны быть?

Именно так я себя чувствую, сидя в приемной моего нового психотерапевта, доктора Индии Харрис.

Ну, я говорю «нового», потому что это наша первая встреча.

Как я, черт побери, дошел до такого? Когда я стал вот этой версией самого себя? Мужчиной, нуждающимся во встрече с психотерапевтом.

Безусловно, я знаю ответ на этот вопрос.

В день аварии. В день, когда я почти умер.

То есть, технически, я умер, но доктора умудрились меня воскресить.

Досадно.

Иногда я думаю, что гораздо лучше было бы, если бы они не смогли этого сделать. Сейчас я и наполовину не тот мужчина, которым когда-то был. Лишь слабая и жалкая версия себя, неспособная забраться в обычную машину, что уж говорить о гоночной.

Я не могу водить. А без этого я — никто.

И теперь мне нужно встретиться с проклятым психотерапевтом в последней, отчаянной попытке вернуться в машину.

Итак, я здесь, чтобы увидеться с доктором Харрис, потому что она, похоже, одна из лучших.

Она *исправит* меня.

Часть меня даже заинтригована, возможно ли это вообще, ведь я знаю, насколько на самом деле я в раздрае. И чтобы вернуть прежнего Леандро Сильву, она должна сотворить настоящее гребаное чудо.

Мир же задается вопросом, какого черта приключилось с Леандро.

Я здесь по собственному выбору? Нет.

Меня заставила команда. Ладно, «заставила» звучит жестко. Они не тащили меня сюда силком с ударами и криками. Я связан контрактом, так что сейчас мне платят за ничегонеделание.

Я сижу на попе ровно, напиваюсь и трахаю женщин.

Я не зарабатываю свои деньги.

На последней встрече мне в недвусмысленных выражениях было сказано, что если я не вытащу свою голову из задницы и не вернусь к гонкам, то контракт не будет продлен.

В этом есть смысл. Кто захочет тратить миллионы фунтов на пилота, не участвующего в гонках?

Мама была бы счастлива, если бы я никогда не возвращался на трассу.

Но коллеги и друзья считают, что пришло время мне справиться со своими проблемами.

В частности, один из друзей — человек, которого еще год назад я бы и не подумал так

называть — Каррик Райан. В прошлом мой соперник, сейчас же, на удивление, ближайший друг.

После аварии он и его девушка, ныне жена, Энди, навещали меня в больнице в Бразилии.

Каждый раз, когда они приезжали в Бразилию к ее маме, или чтобы Каррик принял участие в гонках, что бывало достаточно регулярно, они приходили навестить меня.

Затем мы с Карриком начали общаться по телефону.

Когда я понял, что он не придурок, каким я его считал, мы стали друзьями.

Доктор Харрис — психотерапевт Энди. Она и порекомендовала мне доктора. Энди встречается с ней, чтобы справиться со своими страхами, связанными с гонками Каррика, возникшими из-за смерти ее отца на гоночной трассе, когда она была ребенком. Он умер прямо на ее глазах. И это сломило ее.

Энди и Каррик убеждают меня, что доктор Харрис будет способна помочь мне.

Потому моя задница и покоится в кресле в комнате ожидания.

В нетерпении я бросаю взгляд на часы, пальцами стуча по стулу.

Мой прием должен был начаться пять минут назад.

Ненавижу ждать.

Жду еще пять минут и иду отсюда.

Взгляд переместился на журнал на столе. Из-под глянца о моде выглядывало спортивное издание. Наклонившись вперед, я вытаскиваю его и сразу же жалею об этом.

На обложке моя фотография, а заголовок гласит: *"Так выглядит обратная сторона Формулы-1"*.

Мило.

Теперь я обратная сторона Формулы-1. Приятно знать.

Я уже знаю, что обо мне говорят СМИ. Как я превратился из великого гонщика в пьяницу и шлюху.

Насчет шлюхи они не ошибаются. Ну, *шлюха* — слишком жестко сказано. Я не прошу плату за свои услуги. И я бы не сказал, что я пьяница. Просто люблю выпить — много.

Не стоило читать статью. Я это знаю, но садистская часть меня начала переворачивать страницы.

Найдя статью, глазами сканирую текст и обнаруживаю всё то же дерьмо.

Почему Сильва больше не участвует в гонках? Физически он здоров. Психологические проблемы? Страх перед гонками из-за аварии? Потому он пьет — топит отчаяние в алкоголе? Какая жалость — наблюдать такое драматическое падение всеобщего любимчика и некогда великого пилота.

Разочарование и ярость сдавили грудь, словно клещи.

К черту. Я не обязан видеть это дерьмо.

Даже если я не могу гоняться, это не значит, что мне это необходимо.

Мне не нужны гонки. Мне просто нужно напиться и трахаться. Это все, что мне сейчас нужно. И всегда будет нужно.

Лжец.

Я лжец и трус. И именно потому я сижу в комнате ожидания, чтобы встретиться с психотерапевтом.

Может, мне нельзя помочь.

Я бросаю журнал на стол и поднимаюсь на ноги, готовый уйти, как двери открываются,

открывая лучший образец того, во что я бы сейчас забурился.

Взглядом я пробегаюсь по подтянутым, стройным ногам, обтянутым юбкой-карандашом, которую я бы с радостью задрал, чтобы увидеть, без сомнений, изумительную киску. В юбку заправлена бледно-розовая блузка, прикрывающая пару грудей, размер которых кажется фантастическим. На ее плечах лежат шелковистые волосы цвета блонд. Волосы, в которых я бы с наслаждением запутался руками, пока трахал бы эти ярко-красные губы, получая удовольствие от зрелища размазывающейся по моему члену алой губной помады.

Член пульсирует в джинсах, более чем готовый сделать ей предложение.

— Мистер Сильва, — она делает шаг вперед. — Я доктор Харрис. Но, прошу, зовите меня Индия.

Она доктор Харрис?

Эта «задери свою юбку повыше и дай мне трахнуть тебя сейчас же» женщина — мой психотерапевт.

Просто запибись. Я не могу трахнуть своего психотерапевта.

Я сдерживаю свой член и, когда говорю, улыбаюсь ей лучшей улыбкой, которая всегда заставляет женские трусики упасть на пол.

— А вы можете называть меня Леандро.

— Леандро. Хорошо.

Я ясно вижу, как ее щеки покраснели. Так же вспыхивают все женщины, что хотят меня трахнуть.

Прекрати. Она твой психотерапевт.

Пока еще нет. Это только мой первый сеанс, чтобы увидеть, понравимся ли мы друг другу.

Можем и не понравиться.

Кого я обманываю? Она мне определенно нравится. Ну, она будет мне нравится до тех пор, пока я не кончу, после чего я не захочу с ней повторных встреч.

Действительно ли я хочу потерять возможность получить помощь от блестящего психотерапевта из-за прихоти трахнуться, когда могу сделать это позже с какой-нибудь другой девицей?

— Я извиняюсь, что немного опоздала на нашу встречу.

— Никаких проблем. — Я следую за ней в ее кабинет.

Обычный кабинет психотерапевта, все в нейтральных тонах и призвано успокаивать. Не то чтобы я бывал в кабинетах психотерапевтов прежде.

— Прошу, садитесь, — она указывает на удобно выглядящее кресло, сама садится в такое же, расположенное напротив, всего в нескольких футах от меня, и разделяет нас лишь кофейный столик. — Может, вы хотели бы попить, прежде чем мы начнем?

— Нет, все в порядке. Спасибо, — говорю, пока глазами изучаю ее ноги, которые она только что скрестила.

Она прочищает горло, отрывая мой взгляд и направляя его выше, к ее глазам.

Потянувшись вперед, она поднимает журнал из манильской бумаги и кладет его себе на колени.

— Итак, это наш ознакомительный сеанс. Он поможет узнать о тебе немного больше и понять, какого рода помощь тебе нужна. Также благодаря этому сеансу ты узнаешь меня и увидишь, подходим ли мы друг другу, и думаешь ли ты, что я смогу тебе помочь.

Мы определенно подходим друг другу. Она голая, я в ней.

Кажется, мы бы сошлись идеально.

— Я буду делать записи, если тебе это не доставит неудобств. Некоторые психотерапевты предпочитают записывать сеансы на кассеты, но мне ближе ручка и бумага.

— Нормально. Без разницы. — Я слегка улыбаюсь ей, так что не кажусь придурком, какой я есть на самом деле.

Она отвечает на улыбку и наши взгляды встречаются.

Я прочувствовал эту улыбку вплоть до моего члена.

Она отводит взгляд в сторону, смотрит на журнал. Открывая его, она поднимает ручку со стола и держит ее напротив страницы.

— Итак, давай начнем с причины, почему ты здесь.

Сказать ей, почему я здесь.

Я здесь, потому что моя жизнь пошла под гребаный откос. Из-за одной аварии.

Не хочу перед кем-либо звучать ноющим говнюком, но знаю, что лучше признаться в своем дерьме этой женщине.

— Это была авария. — Мой голос ровный.

Она кивает и начинает записывать.

— На трассе. Я пилот, гонщик.

— Привела ли эта авария к серьезным травмам? — Ее взгляд встречается с моим. Она смотрит на меня так, словно не знает, а в ее словах явственно слышится абсолютное незнание.

Я думал, что мир знал обо мне все.

Но, может, не она.

Понимание этого немного расслабляет меня, и откуда-то берется желание рассказать этой женщине все.

Сильнейшие страхи. Сожаления. О ненависти к самому себе, которую я чувствую из-за собственной неспособности.

— Да. — Я делаю глубокий вдох. — Обе ноги были сломаны. Запястья были раздроблены. Были обширные переломы ребер. Но все эти травмы были самой легкой частью. — Я злобно усмехаюсь. — Худшим были... взрывной перелом нижних позвонков и субдуральная гематома. — Я пальцем стучу по голове в месте, где находится скрытый отросшими волосами шрам. — Когда я был на операционном столе с открытой черепушкой, мое сердце перестало биться. — Делаю глубокий вдох. — Технически, я был мертв около минуты.

— И какие ощущения от осознания того, что ты умер?

Я приподнимаю плечо в полу-пожимании, словно это ничего не значит. Но это очень важно.

— Не знаю. Но я знаю, чего я не ощущаю.

— Чего же?

— Жизни. Я не чувствую себя живым. Я знаю, что это должно бы заставить меня чувствовать себя более живым, чем когда-либо. Но это не так.

— Почему?

— Потому что я не могу участвовать в гонках. Без гонок я ничто.

— Ты уверен в том, что это правда?

— Если бы не было ею, я не оказался бы здесь.

Ее глаза отрываются от меня, она смотрит на написанные ею слова.

— Ты не участвовал в гонках со дня аварии?

— Нет.

— Физически ты способен водить машину? Травмы не препятствуют этому?

— Нет, не препятствуют. Я проходил реабилитацию год, делая все возможное для того, чтобы вернуться в машину. — И теперь не могу, потому что я чертов трус.

— Итак, это не тело удерживает тебя от гонок. Твой разум.

— Я бы, блядь, не был здесь, если бы это было не так. — Я не хотел ругаться или огрызаться, но ничего не мог с собой поделать. Но также я и не извинился за это, потому что я козел.

Наши взгляды встречаются, ее взгляд тверд.

— Что насчет поездок в роли пассажира? Как тебе это?

— Справляюсь. — *Едва.*

— Та же степень паники, что при попытке водить?

— Нет. Немного легче. Не так плохо.

— Ты страдаешь от панических атак?

Я хмурюсь.

— Только когда пытаюсь вести машину, — бормочу тихо.

Мне нелегко признавать, что у меня есть панические атаки.

Она снова скрипит бумагой. Скрежет ручки по бумаге доводит меня до раздражения. Это и ее чертовы ноги, ее грудь, которая вздымается и опадает при каждом ее вдохе и выдохе.

Я больше не хочу говорить. Я просто хочу ее трахнуть и не думать о своих дерьмовых проблемах. Похоронить себя в ее теле так глубоко, чтобы я мог думать лишь о ней, видеть и чувствовать только ее.

— Теперь, когда ты не участвуешь в гонках, как ты проводишь свое время?

Я жестко рассмеялся.

— Вам глянцевою или реальную версию?

— Правду. Я хочу, чтобы ты всегда говорил мне только правду. Если тебе кажется, что прямо сейчас ты не можешь ею поделиться, это нормально. Но никакой лжи. Я не смогу помочь, если ты будешь лгать мне.

— Ладно. — Я выдыхаю. — Как я провожу свои дни? Сожалею о прежних днях, тоскую по жизни до аварии и забочусь о похмелье. Затем иду в бар, напиваюсь, цепляю женщину. Веду ее в отель, к ней домой, в переулок, в туалет бара, плевать куда, и трахаю ее. Абсолютно то же самое я делаю на следующий день, и через день, и в любой другой после.

Это первый раз, когда я перед кем-то обнажаю свою жизнь.

И она даже не вздрогнула. Полагаю, она должна была слышать много разного дерьма.

— Все еще думаете, что можете мне помочь? — Смотрю на нее с вызовом.

— Да. — Она одаряет меня твердым взглядом. — Ты пьешь, чтобы скрыть свои чувства. Уверена, мне не нужно говорить, что это плохая идея. Алкоголь — твоя зависимость?

— Прямо в точку, — рассмеялся я, но смех получился глухим, даже для моих ушей.

Я так давно смеялся по-настоящему, что уж и забыл эти звуки.

Она перестала скреживать ноги. И мое внимание мгновенно перенеслось на них. У нее великолепные гребаные ноги. И на ней чулки. Интересно, есть ли под этой юбкой пояс с резинками?

— Прости, если это задевает тебя, но я так работаю. Я могу задать вопрос и заставить почувствовать дискомфорт. Тебе не нужно отвечать, но, если все же ответишь, мне это поможет оказать помощь тебе.

— Нет, я не зависим.

— Уверен?

— Уверен. Я не пьяница.

— Что ты чувствуешь, если думаешь о том, чтобы не пить снова?

Я задумался на мгновение.

— Ничего не чувствую. — Сомневаюсь, что что-то сможет заставить меня чувствовать.

— И все же, я бы рекомендовала обратиться к кому-нибудь по поводу употребления алкоголя. Я знаю чудесную группу, которая справляется с состоянием...

— Я не алкоголик, — огрызаюсь я. — У меня есть проблемы, но это не одна из них.

Она смотрит на меня с осторожностью.

— Ладно. Оставим это... пока. — Она кладет ручку на журнал, лежащий на ее коленях, и смотрит на меня.

Ее красные губы медленно размыкаются, и я могу думать только о том, как размазываю эту помаду по ее рту поцелуем.

— Наше время почти подошло к концу. Первый сеанс всегда короткий. В следующий раз у нас для разговоров будет целый час.

Я знаю, что бы я предпочел делать с ней шестьдесят минут, и это не включало в себя так уж много разговоров.

Но она лучшая, а мне нужно стать лучше.

— Есть ли у тебя что-то такое, о чем ты хотел бы поговорить, прежде чем закончится наш сеанс? Мысли или чувства, о которых мне следует знать?

Я хочу трахнуть тебя.

— Нет. А вообще есть. — Я чешу нос. — Мне нужно вернуться на трассу к январю, самое крайнее к середине января, чтобы я смог подготовиться к старту Гран-при в марте.

Она кладет журнал и ручку на стол и бросает взгляд на настенный календарь, на котором значится нынешний месяц — ноябрь.

— У нас три месяца. В крайнем случае, три с половиной.

— Невозможно? — Слабая часть меня хотела, чтобы она ответила утвердительно, чтобы у моей трусости было оправдание. Я борюсь с этим.

— Нет. Мне нравятся испытания. — Ее губы сложились в мягкую улыбку, заставляя меня улыбнуться. — Но это означает интенсивное лечение. Мне нужно видеться с тобой по меньшей мере три раза в неделю. Готов к этому?

Я разгибаю пальцы, которые сжимались в кулаки.

— Готов.

— Хорошо. — Она соединяет ладони, как в хлопке, и поднимается с кресла. — Моя секретарша Сэйди свяжется с тобой завтра, чтобы занести в расписание твои приемы. Будем вносить их группами для интенсивного лечения.

— Ладно.

— Итак, увидимся через несколько дней, Леандро, и сможем начать твое возвращение на гоночную трассу.

Я следую за ней до двери, рассматривая ее качающуюся во время ходьбы попку. Она направилась к другой двери, не через которую я вошел.

— Это дверь на выход, — поясняет она. — Мои пациенты всегда выходят не через ту дверь, через которую вошли, потому что следующий уже может ожидать встречи. Большинство людей предпочитают анонимность, которую, как я понимаю, предпочел бы и ты.

Она придерживает для меня дверь открытой, предлагая выйти.

Я поворачиваюсь к ней лицом.

— Это не может просочиться в прессу, — говорю я ей.

Она улыбается мне с другой стороны дверного проема.

— Все, что ты скажешь мне в этой комнате, не выйдет за ее пределы. Здесь ты в безопасности.

Я киваю ей.

— Хорошо. Ну, увидимся через пару дней.

Разворачиваясь, я слышу звук закрывающейся за мной двери, и сбегая вниз по лестнице.

Внизу я выхожу за дверь, которая выводит меня на улицу.

Дыша свежим, промозглым воздухом, я пробегаюсь рукой по волосам.

Затем из кармана достаю телефон и набираю номер.

Я даже не даю ему возможности заговорить. Только слышу оповещение об ответе на звонок и начинаю говорить:

— Какого черта ты не сказал мне, что она выглядит *вот так*? — рычу я в телефон Каррику.

— И тебе привет. И кто выглядит *вот так*? — В его голосе слышится насмешка.

Ублюдок.

— Ты знаешь, о ком я говорю — о докторе Харрис, мудаке. — Мой член начинает твердеть от одной лишь мысли о ней.

Иисусе. Кто я такой, черт подери? Подросток, у которого встает на привлекательную женщину?

Кого я обманываю? Она не привлекательная. Она великолепная.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Перестань корчить дебила. Ты знаешь, о чем я говорю. Может, ты и подкаблучник и восхищаешься Энди, но ты узнаешь горячую цыпочку, если увидишь ее. Мог бы предупредить меня.

— Прости, но эта мысль даже не закралась мне в голову. Да, она хорошо выглядит, но не в моем вкусе. Я и подумать не мог, что ты захочешь ее трахнуть. А вообще, забудь об этом. Сейчас ты набросишься на кого угодно, так что, на самом деле, моим предупреждением было, когда я сказал, что она женщина.

— Смешно, членоголовый.

— Мне нравится, когда ты говоришь мне грязные словечки.

— Отвали.

Он громко рассмеялся.

— Если не говорить о твоём желании трахнуть доктора Харрис, как все прошло? Энди она помогла сильно.

— Да, она хороша. Мне кажется.

— Как думаешь, она может тебе помочь?

— Она сказала, что может. — *Только если я раньше не трахну ее и не испорчу все к хренам собачьим.*

Глава вторая

ИНДИЯ

✚ ЛОНДОН, АНГЛИЯ

РАДУЯСЬ, ЧТО УЖЕ ДОМА, я открываю входную дверь с коробкой пиццы в руке.

— Я дома, — кричу я.

— На кухне, — кричит в ответ Кит.

Сбрасывая туфли, я иду на кухню.

Кит и любовь всей моей жизни, Джетт — мой маленький мальчик, который больше не маленький — сидят вокруг стола, играют в карты.

— Привет, дорогой. — Я целую Джетта в макушку и кладу пиццу на стол.

— Привет, мам. Хороший день? — Он улыбается мне.

— Да. Хороший, но долгий.

— Слишком много работаешь.

Нежно потрепав его волосы, я обращаю внимание, что перед Китом на столе стоит пиво, а у Джетта есть кола. Из буфета достаю для себя бокал и наливаю туда белое вино, что открыла еще вчера. К моему возвращению за стол с бокалом вина и салфетками в руке коробка из-под пиццы уже открыта, и ее содержимое находится в процессе поглощения.

Одну салфетку бросаю Киту, вторую передаю Джетту. Сажусь рядом с сыном и вытаскиваю кусок до того, как они закончатся.

Кит может съесть пиццу сам, Джетт в этом умении от него не отстает.

У двенадцатилетнего Джетта так много от моего брата и от меня — и, слава богу, ничего от его отца. Не скажу, что любила бы его меньше, если бы сходство было. Просто рада, что в нем нет ничего от того мужчины.

Джетт — Харрис до кончиков пальцев. У него наши светлые волосы, голубые глаза и телосложение Кита. Мой рост 170 сантиметров, а мой сын уже выше меня. Думаю, он дорастет до 192 сантиметров Кита, и не буду удивлена, если даже перегонит его.

Мой брат — симпатичный мерзавец, и он знает об этом. Джетт — его копия, так что в его будущем я предвижу много разбитых сердец. Кит же на своем пути оставляет их вереницы. Я пытаюсь научить Джетта обращаться с женщинами с бóльшим уважением, чем мой брат.

Работа Кита сводит его со многими красивыми женщинами. Он модель.

Когда Джетту было пару месяцев, Кит работал временным строителем, и, чтобы заработать больше денег, стал на полставки подрабатывать моделью. Его деньги помогли мне оплатить счета. От компенсации, выданной мне судом после того, что случилось с отцом Джетта, осталось не так много, когда я оплатила дом и использовала остаток на обучение в колледже, пока тоже подрабатывала в супермаркете.

Я всем обязана своему брату. Он многим пожертвовал ради меня и Джетта.

Время шло, и Кит получал все более крупные заказы, некоторые из которых требовали его отъездов из страны, но он всегда устраивал рабочие поездки так, чтобы быть уверенным, что один из нас будет находиться рядом с Джеттом. Если заказ не подходил нашим расписаниям, Кит не принимал его. Сейчас он в том положении, когда сам может выбирать, на что ему соглашаться.

Я кладу кусок пиццы на салфетку и делаю глоток так необходимого мне вина.

После сеанса с Леандро Сильвой, который был определенно информативным и очень интересным, у меня был звонок безумного отчаяния от Сары, еще одной моей пациентки. У нее настали крайне сложные времена.

Три года назад Сара порвала со своим парнем. Он преследовал ее месяцами и однажды ночью вломился в ее дом, пока она спала, и изнасиловал в ее же постели.

За преступление он сел в тюрьму. Но теперь он досрочно освобожден после отсидки всего половины срока, и она пытается справиться с этим фактом.

Я занималась лечением Сары с момента изнасилования. Она наконец достигла равновесия и покоя в этом мире и начала двигаться вперед. Потому освобождение ее бывшего повергло ее в шок и отбросило на мили назад.

Она боится выйти из дома из страха столкнуться с ним. Она в ужасе от мысли, что он снова может ее настигнуть, даже несмотря на полученное судом запретительное постановление. Она объята страхом, и я ее понимаю.

На разговор с ней по телефону у меня ушел час, и я пообещала ей, что утром первым же делом поеду к ней домой, чтобы встретиться лицом к лицу. Учитывая, что все мое время расписано, мне придется приехать на час раньше. Но не так много есть вещей, на которые я бы не пошла ради своих пациентов.

— Как твой новый пациент? — спрашивает меня Кит.

Кроме случайных крупиц информации вроде того, что я беру нового пациента, я не говорю с Китом и Джеттом о моих пациентах или о том, кто они.

— Нормально.

— Думаешь, можешь помочь ему или ей? — спрашивает меня Джетт.

Я улыбаюсь ему.

— Да, я уверена, что могу.

Хорошо, что я не сказала им, кто мой пациент, а то Джетта бы прорвало. Он одержим Формулой-1.

Если бы он выяснил, что я лечу Леандро Сильву, не говоря уж о том, что лечила Андрессу Райан, жену Каррика Райана, он бы приставал ко мне с уговорами, пока я бы не позволила ему с ними встретиться.

Хотя с Леандро Сильвой все иначе.

Естественно, я знала, что он привлекателен, но увидев его во плоти, я поняла, насколько он красив на самом деле, и на какое-то мгновение это выбило меня из колеи. Затем я вернула себя в профессиональное русло. Я сам профессионализм.

Но слушать о его аварии, как он чуть не умер, через что проходит...

Не поймите меня неправильно. Я слышала всевозможные разбивающие сердце истории того, что люди сносили, но то, что я слышала от него, задело меня за живое, что происходило у меня далеко не со всеми людьми.

— Итак, как школа? — спрашиваю я Джетта.

Он бросает взгляд на Кита, который улыбается ему и кивает.

— Я что-то пропустила? — Я смотрю туда-сюда, мечась между ними.

— Меня взяли в команду. — Джетт одаривает меня смущенной улыбкой.

— Взяли? Это великолепные новости! — Я обнимаю его. Отклоняясь назад, гляжу ему в лицо. — Я думала, что отбор в команду будет на следующей неделе?

— Они устроили предварительный отбор.

Кроме того, что он фанатеет от Формулы-1, мой сын также обожает футбол. И его приняли в школьную команду.

— Нам нужно это отпраздновать! — восклицаю я. — В эти выходные ходим куда-нибудь, займемся чем-нибудь.

— Звучит круто. В любом случае, мне нужно закончить домашнюю работу. Мне нужно улучшить оценки, либо меня вышвырнут из команды раньше, чем я стану ее частью.

Я уж хотела начать протестовать, чтобы он закончил ужинать, когда увидела, что он и так съел половину пиццы и забирает с собой еще один кусок.

Поднявшись, он целует меня в щеку.

— Я приду к тебе перед сном. — Я нежно потрепала его по щеке.

Я приступаю к собственному куску пиццы, который уже практически остыл.

Кит поднимается из-за стола и из холодильника достает еще одно пиво. Прихватывает бутылку вина и наполняет мой бокал до краев.

— Спасибо. — Я улыбаюсь ему, но затем улыбка тускнеет. — Почему Джетт не позвонил, чтобы сказать, что его приняли в команду?

— Он хотел дождаться, пока увидится с тобой.

— Конечно. — Я выдыхаю. — Хотела бы я быть дома раньше, чтобы услышать об этом. — Я чувствую легкую опустошенность, испытывая злость оттого, что во время подобных событий меня всегда нет рядом, а Кит есть.

Со дня, как я узнала, что беременна, Кит взял на себя заботу обо мне. В день рождения Джетта он принял на себя роль отца, и с тех пор все время рядом.

Я всегда буду перед ним в долгу.

Когда Джетт был ребенком, я знала, что хочу дать ему все то, чего не было у меня и Кита. И тогда я приняла решение пойти в колледж, а потом и в университет. Бытность матерью одиночкой задачу не упрощала, потому мы растили Джетта с Китом вместе, но по прошествии лет работа стала требовать ежедневного присутствия, что означало — Кит оказывается рядом во время важных школьных мероприятий чаще, чем я.

— Итак, ты в эти выходные пойдешь праздновать с нами или у тебя горячее свидание? — дразню я брата.

Он серийный любовник. Хотя "любовник" — это мягко сказано. Он едва может быть с одной и той же девушкой больше одного дня. Не то чтобы я кого-то судила. У меня не было серьезных отношений вот уже... в общем, *никогда*. И я не влюблялась. Не по-настоящему.

Моя обширная психологическая квалификация могла бы сказать, почему я и Кит ведем себя именно так, а не иначе, когда дело касается взаимоотношений, но я предпочитаю не копаться в себе или проводить психоанализ жизни брата.

— Я не хожу на свидания. Ты знаешь это. — Он ухмыляется.

— Может, стоит попытаться найти постоянную девушку?

— Как ты нашла доктора Уныние? — Он делает глоток пива.

Я хмурюсь.

Доктор Уныние, то есть Дэн — это парень, с которым я встречаюсь. Я с ним уже два месяца. Кит о нем не особо высокого мнения.

— Я правда хотела бы, чтобы ты его так не называл, — вздыхаю я. — Из-за тебя его теперь так зовет и Джетт.

— Джетт его зовет так, потому что Дэн унылый, как дерьмо.

— Джетт с ним еще не встречался, так что он и понятия иметь не может о том, что Дэн

унылый, то есть, унылый он или нет! — огрызаюсь я.

Кита распирает смех.

— И он не унылый! Совсем! — говорю я, складывая руки в защищающемся жесте. — Вообще-то, он довольно интересный.

— О, да? — Кит приподнимает брови. — Тогда скажи мне хотя бы один интересный факт о нем.

Черт.

Давай, Индия. Должно же быть в Дэне что-то интересное...

— Он, ээ... он, эм...

Победоносная ухмылка Кита становится шире, он складывает руки на груди и отклоняется назад, опираясь о спинку стула.

Кит не выигрывает.

Дэн не унылый. Он милый. Хороший. Безопасный.

— Ему нравится... смотреть "Во все тяжкие". — Я бросаю на него победный взгляд, поднимая пиццу и откусывая от куска.

— Ого. Господи, я так ошибался на его счет, Инди. Да парень ходит по лезвию ножа.

Я показываю ему средний палец.

— Прекрати быть уродом.

Кит усмехается.

— Ты можешь найти лучше, чем он.

— Дэн как раз по мне.

— Как и почтальон.

— Почтальон? Ты, черт подери, о чем говоришь? — восклицаю я, озадаченная.

— Я о том, что с доктором Уныние ты ведешь безопасную и спокойную игру. Я понимаю, Инди. Правда. Ты сильно обожглась, но это было очень давно. И я хочу, чтобы ты была счастлива. А ты не счастлива, когда встречаешься с унылыми кусками дерьма вроде Дэна.

— Я ценю твое участие, но я счастлива и сейчас.

— Тебе комфортно и безопасно.

— А что плохого в безопасности и комфорте? — Я хмурюсь.

— Это скучно.

— Ага, ну, ты знаешь, что случилось со мной в последний раз, когда я выбрала возбужденность и эмоциональность.

— Знаю. — Он выдыхает так, словно выпускает прошлое. — Но это было тринадцать лет назад. Теперь ты другой человек. И ты можешь быть с кем-то получше доктора Уныние. Ты заслуживаешь лучшего.

Не знаю почему, но в голове пронесся образ лица Леандро Сильвы.

Отгоняя видение прочь, я смотрю на своего брата. Мое сердце болит за него, даже несмотря на то, что он раздражает меня своим вмешательством в мою личную жизнь, ведь я знаю, что он поступает так потому, что заботится обо мне.

— Я знаю, что ты лишь присматриваешь за мной. Но то, что у меня с Дэном, работает...

— То, что у тебя с Дэном — скукотища. — Он ухмыляется, возвращаясь к игривости.

Я снова показываю ему средний палец.

— Неважно, с тобой-то что? — Я наклоняюсь вперед, пальцами обхватывая бокал.

Он горазд на то, чтобы комментировать мужчин, с которыми я встречаюсь, но я хотя бы

встречаюсь. То же, чем занимается он, и свиданиями не назовешь.

У него никогда не было постоянной девушки. Иногда часть меня переживает, что это из-за меня и Джетта.

— Что со мной? — Он возвращает бутылку обратно, делая глоток.

— Почему ты не остепенишься?

— Ты вообще видишь меня? Здесь слишком много хорошего, чтобы не делиться этим.

Мой брат привлекательный мерзавец, и он знает об этом. Но также он прекрасный человек с потрясающим сердцем, и мне хочется, чтобы он с кем-то им поделился.

— Мне кажется, тебе стоит попытаться завязать отношения хотя бы с одной девушкой. Попробовать. Посмотреть, как ты справишься. Как насчет той модели, с которой ты отдыхал в прошлые выходные? Таня? Она казалась милой.

— Она и была милой. И мы не отдыхали в выходные, Инди. Мы ходили к ней домой. Мы были голыми. Я остался на три часа. Я кончил. Снова кончил. А затем отправился домой.

— Фу, Кит! Господи боже! Слишком много информации, спасибо. — Я знаю, он поступил так, чтобы уклониться, потому не стала давить.

Посмеиваясь, он ставит бутылку на стол.

— Итак, доктор Уныние присоединится к нам на выходных, чтобы отпраздновать вступление Джетта в команду?

— Нет. Я не готова к тому, чтобы Джетт с ним встречался.

Кит выгибает бровь со знанием.

— Скоро. — *Может быть.* Просто я также не уверена, тот ли Дэн парень, которого я представлю Джетту. — Но сейчас я хочу, чтобы были только мы втроем, семейное празднование.

— Семейная ночь. Как по мне, звучит отлично. — Он наклоняется над столом и чокается о мой бокал.

Глава третья

ЛЕАНДРО

+ ЛОНДОН, АНГЛИЯ

Я ПРОСЫПАЮСЬ ОТ ИСПУГА. В ушах раздается звук мнущегося металла, на теле жутко от языков пламени, дым засоряет легкие.

На меня обрушивается паника.

Быстрое моргание открывает моему взгляду белый потолок, прежде чем я смотрю на стены.

Я в кровати.

Глазами пробегаюсь по комнате и вижу обстановку, похожую на номер отеля.

Руками провожу по лицу, голову охватывает сильная колотящаяся боль, на языке, похожем на наждачную бумагу, чувствуется привкус выпитого прошлой ночью алкоголя.

Для меня это не необычное начало дня.

Это моя жизнь.

Моя дерьмово-фантастическая жизнь.

Перекаtywаясь, на прикроватном столике вижу разбросанные упаковки от использованных презервативов, что говорит о хорошей ночи.

И все же я не чувствую себя хорошо.

После вчерашней встречи с сексуальной докторшей я не мог выбросить из головы мысли о том, как трахаю ее. Я был растревожен и возбужден. Вместо того чтобы после приема пойти домой, я пошел в бар. Очевидно, я напился и переспал с кем-то, кто бы ни лежал в постели.

Мне приходится подниматься с кровати предельно аккуратно, чтобы не разбудить тело рядом со мной. Натягиваю одежду, обуваюсь, со стола забираю кошелек, ключи, телефон и убираю их в карман.

Затем стремительно покидаю номер.

Дерьмово так поступать? Да.

Но в настоящее время я не самый надежный парень, и не в настроении устраивать утренний разговор, который, без сомнений, не преминул бы состояться.

Я спускаюсь на лифте и иду на ресепшн.

Оплатив номер, ухожу из отеля на утренний воздух и ловлю такси.

Дорога домой не отнимает много времени. Я расплачиваюсь с таксистом и захожу в дом.

Меня пронизывает тишина.

Поднимаю почту с половика и бросаю ее на столик в коридоре, даже не взглянув на письма. Прохожу на кухню и на телефоне вижу мигающую лампочку, оповещающую о новых сообщениях.

Вероятно, от матери. С тех пор, как я приехал в Лондон, она звонит регулярно и сейчас хочет узнать, как прошел сеанс с доктором Харрис.

Что мне сказать? В общем, я хотел трахнуть доктора, но, конечно же, не стал и вместо этого пошел в бар, напился и переспал с первой попавшейся женщиной.

Это не то, что мама хотела бы услышать.

Она хотела, чтобы я остался в Бразилии. Но я не мог. Я чувствовал, словно моя семья душит меня чрезмерной заботой, желая помочь.

Я думал, что возвращение сюда исправит все... исправит меня.

Но этого не произошло.

Нуждаясь в том, чтобы смыть эту ночь, я поднимаюсь по лестнице и принимаю душ. Даю горячим струям бить меня по лицу, чтобы ощутить боль, почувствовать хоть что-нибудь... что угодно.

Вытираюсь полотенцем, чищу зубы и смотрю на себя в зеркало.

Борода закрывает лицо, скрывая то, кем я являюсь... кем был.

Воспоминания о прошлой ночи вспышками проносятся у меня в голове.

Реки алкоголя. Девчонка, трущаяся о мой член в баре. Затем она же, скачущая на нем уже по-настоящему в номере отеля.

Мысли, которые должны бы заставить меня чувствовать себя лучше.

Но эффекта нет.

Эти мысли приносят только пустоту.

Отправляясь в спальню, я надеваю свободные черные спортивные штаны и простую черную футболку.

Убирая телефон в карман, спускаюсь вниз. В тишине иду на кухню и включаю кофемашину.

Отступая от кухонной столешницы, я сгибаюсь, кладу руки на ее поверхность и на них

опускаю голову, давая шуму от кофе-машины усугублять головную боль и грохотом проноситься через пустоту в моей пóлой груди.

Обонянием чую запах кофе, хватаю кружку и наливаю в нее напиток.

Крепкий и черный.

Разворачиваясь, спиной прижимаюсь к кухонной столешнице и смотрю на фотографию на стене.

Это фотография Айртона Сенны с его же автографом, ее мне принес отец, когда я был ребенком.

Я должен был умереть. Я бы умер легендой.

Не мужчиной, которым являюсь сейчас.

Никому не нужным и вышедшим в тираж.

Я больше не могу быть им. Этой долбаной немощной версией себя.

Я должен снова участвовать в гонках.

Должен вернуться в машину.

Должен сделать это.

Я могу.

Я водил всю свою жизнь.

Поставив кофе, я обуваю сникеры и иду к внутренней двери, ведущей в гараж.

Когда я дохожу до нее, то застываю.

Я не был здесь с самой аварии.

Рука начинает трястись.

Да я смешон.

Сжимая руку в кулак, я заставляю напряжение уйти.

Открываю дверь.

Меня сражает сильная волна спертого воздуха. Дыша этим воздухом, я дохожу до выключателя и включаю свет.

Вот она.

Моя машина. Осовремененная синяя "Шевроле Камаро" купе 1967 года.

Она продавалась в местном гараже рядом с моим домом в Бразилии, а я давно положил на нее глаз. Мой отец купил ее, когда мне исполнилось восемнадцать. Когда я переехал в Лондон, то сюда же переправил и ее. Куда бы я ни отправился, она всегда со мной.

Я могу. Мне всего-то нужно забраться внутрь, вставить ключ в зажигание и завести ее.

Отбросив страхи прочь, я стал передвигать ногами в направлении машины.

Разблокировав ее, открываю дверь.

Она источает все тот же аромат, за исключением спертого и влажного воздуха, которым пахнуло всего на мгновение.

Глубокий вдох, и я забираюсь внутрь.

Я закрываю дверь с хлопком.

В ловушке. Огонь.

Зажмуриваясь, я игнорирую страх, застрявший в голове.

— Я могу, — говорю я себе.

Вдыхая через нос, поднимаю ключ. Пока я не пытался вставить его в зажигание, я не понимал, насколько сильно дрожит рука.

— Черт, — шиплю сквозь сжатые зубы. — Я могу.

Со мной ничего не случится. Молния не бьет в одно место дважды. А теперь перестань быть трусом, Сильва, и заводи чертову машину.

Я вставляю ключ и, прежде чем страх отговаривает меня, завожу двигатель.

Пару секунд из глушителя машины слышатся глухие выстрелы, а двигатель работает с перебоями. В эти секунды в моем разуме возникают мольбы, чтобы она не завелась.

Если она не заработает, тогда я не смогу ее вести.

Моей вины не было бы. Не было бы никакой трусости.

Машина оживает с грохотом и включается радио.

От ощущения вибраций ревущего мотора и громко играющей музыки моя голова взрывается. Образы аварии атакуют все мои органы чувств.

Я чувствую запах дыма.

Во рту чувствую привкус крови.

Грудью ощущаю давление.

Я не могу дышать.

Пальцами я стремлюсь выключить двигатель.

Открывая дверь, вываливаюсь из машины и падаю на колени. Судорожно вдыхаю воздух.

— Черт! — Кричу я и раздраженно сжимаю голову. — Черт! Черт! Черт! — Кулаком ударяю по полу, не обращая внимания на охватывающую руку боль.

И после этого теряю самообладание.

Поднимаясь на ноги, я хватаю подпирающую стену бейсбольную биту и начинаю разносить свою машину ко всем чертям.

Глаза заволкло красной дымкой, и я вымещаю все свое раздражение, боль и страхи на машине, ударяя по металлу и стеклу снова и снова. Но не имеет значения, сколько ударов я нанесу, мне не становится лучше.

Отшатнувшись, я осматриваю оставленные мной повреждения.

Машина в аварийном состоянии.

Как и я.

Это машина, которую купил мне отец — все, что от него осталось, и я уничтожил ее.

Меня охватила горечь.

Какого хрена со мной не так?

На нетвердых ногах я отправляюсь в дом и иду в свой кабинет.

Вижу все эти стоящие в ряд насмехающиеся надо мной награды.

И понимаю, что бита по-прежнему в руке.

По венам все еще струится ярость, и я направляю биту к призам, замахваюсь на то, что осталось от моей карьеры, разношу награды на куски до тех пор, пока не вижу, что больше ничего нет, лишь разрушения.

Бита выпадает из трясущихся рук.

Мне не лучше. Только хуже, если это вообще возможно.

Я ненавижу самого себя.

Я падаю на колени посреди беспорядка, что создал. Руками держусь за голову, хватаюсь за волосы и впервые с момента аварии плачу.

Понятия не имею, как долго я там пробыл.

Вытерев лицо тыльной стороной ладони, я поднимаюсь и иду к столу.

Сажусь в кресло, открываю нижний выдвижной ящик стола и достаю бутылку виски,

что храню там.

Отвинчиваю крышку и делаю долгий глоток. Затем еще один. И еще.

После, без единой мысли, из кармана вытягиваю телефон и, прежде чем осознаю, что делаю, набираю номер доктора Харрис.

— Офис доктора Харрис.

Ее секретарша.

— Возможно ли поговорить с доктором Харрис? — мой голос хриплый.

— На данный момент у доктора Харрис прием. Кто звонит?

Я стискиваю зубы.

— Леандро Сильва.

— Мистер Сильва, я могу попросить доктора Харрис перезвонить вам. Или если это срочно...

— Ничего срочного. — Я делаю очередной долгий глоток виски.

— Попросить ли ее перезвонить вам?

— Нет. Просто забудьте.

— Вы уверены? Потому что...

— Уверен, — перебиваю я ее. — Я увижусь с ней завтра на сеансе. — И тогда вешаю трубку.

Какого черта я позвонил ей?

Раздраженный, бросаю телефон на стол и выпиваю еще виски.

Здесь слишком тихо.

Тишина в этой комнате болезненна почти настолько же, насколько шум в моей голове.

Чтобы заглушить ее, я дотягиваюсь до телефона и включаю музыку.

Пальцами крепко держусь за бутылку и под звуки начинающей играть песни Эда Ширана "Bloodstream" роняю голову на стол.

Глава четвертая

ИНДИЯ

✦ ЛОНДОН, АНГЛИЯ

«ЗВОНИЛ ЛЕАНДРО СИЛЬВА. По голосу было похоже, что он на грани, просил и беспокоить тебя информацией о его звонке, но я знала, что ты хотела бы быть в курсе».

В голове проносятся слова Сэйди. Они волнуют меня еще со вчерашнего дня, когда она мне их сказала.

Я пыталась перезвонить ему, как только она передала мне сообщение, но нарвалась на голосовую почту и пришлось записать несколько слов. Он не перезвонил.

Теперь он опаздывает на встречу. На сорок минут.

Я занимаюсь его лечением всего неделю — три сеанса, а если учитывать ознакомительный, то четыре — и до сих пор мы говорили обо всем, но только не о его непосредственной проблеме, вне зависимости от того, сколько я подталкивала его к этой теме. Мне не хотелось давить на него на первой встрече, хотелось дать ему возможность выбирать темп самостоятельно, но если ему нужно вернуться к гонкам к январю, то придется предпринять решительные действия и подтолкнуть его.

Но в случае его опозданий на сеансы ничего не получится.

Кончиками пальцев я стучу по столу, размышляя, что делать. Затем в кабинете раздаётся звонок телефона.

Я рывком снимаю трубку.

— Леандро Сильва пришел на встречу, — говорит Сэйди на линии.

Я пытаюсь игнорировать степень чувствуемого мною облегчения, которая гораздо выше, чем обычно бывает у меня в подобных случаях.

— Попроси его зайти.

Спустя десять секунд дверь открывается, в кабинет заходит Леандро Сильва, который выглядит потрепанно, и закрывает дверь за собой. Его одежда помята, словно он в ней спал. Его отросшие черные волосы в беспорядке, будто он встал с постели и удосужился пройтись по ним только рукой.

И все равно он выглядит привлекательно.

Как только взгляд опускается от его лица, я вижу что-то красное у верхней пуговицы на его рубашке.

Сразу же думаю о крови. Но когда присматриваюсь, понимаю, что это вовсе не кровь.

Это помада. Красная помада.

Я сжимаю руки в кулаки, ногти впиваются в кожу.

— Ты в порядке? — спрашиваю я. Голос звучит строго.

Какого черта со мной происходит?

Я заставляю себя расслабиться.

Он закатывает рукава, открывая сильные натренированные руки, покрытые черными волосами.

— В порядке.

Он мнетя у двери, которую только что закрыл, и кажется неуверенным в том, что ему делать дальше, так что я встаю из-за стола и иду к зоне с креслами.

Никаких извинений за его опоздание я не слышу и не вытягиваю их из него, несмотря на то, насколько хочу этого.

— Могу я что-нибудь предложить тебе? — спрашиваю, прежде чем сесть.

— Нет.

Он все еще не садится.

— Ты собираешься сесть?

Он бросает взгляд на кресло так, словно и не подозревал, что оно здесь есть.

Кивая, он подходит и садится.

Наклоняясь вперед, он руками упирается в колени и складывает ладони вместе.

И тогда я чувствую это — алкоголь. От него исходит сильный запах. Также чувствую аромат парфюма. Дешевого парфюма.

Оба этих запаха беспокоят меня в равной степени.

Но проблему с парфюмом я игнорирую, пока не начала задаваться вопросом, почему меня волнует его парфюм, и концентрируюсь на алкоголе.

— Леандро, я собираюсь задать тебе вопрос и хочу получить честный ответ.

Его взгляд устремляется на меня.

— Ты сейчас пьян? — Мне стоило спросить иначе. Не знаю, почему перед ним у меня, кажется, уходит земля из-под ног.

Но я не стану заниматься лечением кого бы то ни было, если он или она находится под воздействием алкоголя либо запрещенных веществ.

В его взгляде появляется раздражение, после чего он смотрит на меня.

— Нет. — Его челюсть напряжена.

— Я чувствую исходящий от тебя запах алкоголя. Я не буду заниматься твоим лечением, пока ты пьян или под кайфом. — Я дергаюсь вперед, оказываясь на краю кресла, спина выпрямлена, руками хватаюсь за сидение.

— Я не пьян и не под кайфом, — выдавливает он слова. Его руки сжаты так сильно, что костяшки пальцев белеют. — Если вы чувствуете от меня запах алкоголя, то потому, что я пил вчера ночью. Совершенно ясно, что выпил слишком много, ведь очнулся я в номере отеля и понял, что опоздал на встречу с вами. Так что я натянул вчерашнюю одежду, другой-то у меня не было, и направился сразу сюда. Я даже не принимал душ.

Я заметила.

Прикусываю язык очень сильно и почти уверена, что до крови.

Выдыхаю, чтобы успокоиться.

— Ты мог позвонить и перенести встречу. Это не создало бы проблемы.

Кажется, мое заявление сразило его. Его лицо побелело, будто подобная мысль и не приходила ему в голову.

Затем выражение его лица становится жестким.

— Я не хотел пропускать сегодняшнюю встречу.

— Но опоздать на нее нормально? — Мне не стоило говорить этого. Не знаю, почему сказала.

Я прочищаю горло. И меняю тактику.

— Почему ты не хотел пропускать сегодняшнюю встречу?

Его взгляд устремляется на стену за моей спиной. Мгновение он молчит. Затем смотрит на меня.

— Потому что хочу покончить с этим. Хочу быть мужчиной, которым был раньше.

— Знаешь, нет ничего плохого в том мужчине, каким ты являешься сейчас. Если исключить механизм преодоления и наигранность, то ты тот же мужчина, каким был.

— Нет, не тот же. — Его голос похож на низкое рычание. Он смотрит в сторону.

— Ладно, Леандро, если хочешь измениться, стать мужчиной, каким был прежде, тебе нужно приложить усилия. И это, — жестом я указываю на него, — не похоже на то, чтобы ты прикладывал усилия.

Его темные глаза устремлены на меня. Челюсть напряжена, кажется, будто она готова раскрошиться.

— Я пришел, разве не так?

— Да. — Я киваю. — Но с опозданием на сорок минут.

Он щурится. Затем смотрит на мои руки, в которых ничего нет.

— Разве вам не нужно делать записи или что-то типа того? — Он подбородком указывает в мою сторону.

— Нет, мне не нужно делать записи. Встреча будет короткой, так как у тебя осталось только двадцать минут. Я запомню все, о чем мы будем говорить. Не беспокойся.

Он хмурится, между его бровей пролегает морщина.

— Вы не будете проводить полный часовой сеанс?

— Нет, я не могу. У меня есть другие пациенты, с которыми назначены встречи, и которым тоже нужна моя помощь.

— Ради всего святого! — рычит он. Наклоняясь вперед, он локтями упирается в бедра и

пальцами погружается в черные волосы.

Я даю тишине повиснуть между нами, позволяя ему заговорить, когда он будет готов.

— У меня вчера... был плохой день. — Его голос низкий, он практически шепчет.

— В каком смысле «плохой»?

Он поднимает на меня эти черные глаза, и в них я вижу целый мир боли.

— Плохой, как... я пытался водить свою машину.

— И как все прошло?

Он смеется горьким смехом.

— Никак. Я струсил, как курица. Потом вылез из машины и бейсбольной битой разбил ее к чертям собачьим.

— Как ты себя чувствовал?

— Разнося вдребезги свою машину? Пока разбивал, хорошо. А потом, после всего... чувствовал себя дерьмово, так что я пошел внутрь и разнес все свои гоночные призы.

— Уничтожение гоночных призов заставило тебя почувствовать себя лучше?

— Нет.

— Почему, как тебе кажется, ты сделал это: разбил машину и уничтожил призы?

— Потому что не хотел постоянного напоминания о том, кем я был. И кто я сейчас.

У него есть четкое осознание того, почему он ведет себя подобным образом. Это дает мне надежду на его восстановление.

— И кто ты сейчас?

— Лишь внешняя оболочка того, кем я был. — Его плечи опускаются. — Я парень, что не может встретиться лицом к лицу с неудачей, которой является, поэтому каждый раз, когда чувствую подобное, я делаю одно и то же. Иду в бар и напиваюсь в хлам. Затем просыпаюсь в отеле в кровати с двумя женщинами и нечеткими воспоминаниями о прошлой ночи.

Поднимаясь с кресла, со стола хватаю бутылку воды. Я прикрываюсь ею. Знание, что у него был секс не с одной, а с двумя женщинами, сильно меня волнует.

Почему меня это так сильно задевает?

Так быть не должно. Так нельзя.

Я отметаю чувства в сторону и сажусь обратно.

— Прости. Сегодня у меня пересохшее горло, — поясняю я свой рывок к воде.

Он внимательно смотрит на меня своими темными глазами.

— Ты не неудачник, Леандро. Ты пережил кошмарную аварию. То, что ты чувствуешь, нормально.

— Я не... — Он выдыхает. — Я не чувствую себя нормально. Я чувствую себя слабым. — Он шепчет, его голос ломается.

Я чувствую, как его боль смыкается вокруг меня доселе неизвестным мне образом.

— Ты не слабый, Леандро. Ты человек. — Мой голос звучит иначе, даже для моих ушей. Я всегда смягчаю интонации для пациентов, но сейчас в моем голосе что-то еще, что я не могу определить.

Он смотрит мне в глаза и нечто неожиданное возникает у меня в груди.

Сострадание.

Это сострадание. Я все время испытываю его к моим пациентам.

Прежде чем успеваю задать себе вопрос, быстро бросаю взгляд на часы.

Прочищая горло, я говорю:

— Мне правда жаль, что я не могу продлить наш сеанс, но также не хочу оставлять это до следующей встречи. Думаю, продолжение разговора сегодня могло бы помочь. Можешь вернуться в шесть часов, чтобы мы еще поговорили? Как тебе такой вариант?

На его лице я вижу мелькнувшую улыбку, в которой впервые читалась искренность.

— Это было бы замечательно. Спасибо.

Его искренность тронула меня, как если бы моей кожи коснулись пальцами.

Черт! После работы я должна была поужинать с Деном перед его сменой в больнице. Мы оба работаем довольно много, и его смены означают, что у нас почти не было возможности увидеться вот уже две недели.

Мне нужно позвонить ему и дать знать, что у меня встреча с пациентом, так что я не смогу прийти.

— Хорошо. — Я поднимаюсь с кресла и иду к двери на выход. — Итак, до встречи здесь же в шесть.

Как только он приближается ко мне, я открываю дверь, и рука Леандро случайным образом задевает меня. Вспыхнувшие искры поднимаются по моей руке с силой, которой я прежде не ощущала. Легкие кажутся сдавленными.

Поднимая взгляд на него, вижу, что он уже смотрит на меня.

Его глаза неизмеримы. Бездонны. Глаза, в которых я могла бы утонуть.

Чувствую себя застигнутой врасплох.

Лицо горит, и я знаю, что щеки покраснели. Беря себя в руки, отвожу взгляд и рукой берусь за свое предплечье, силясь рассеять ощущение от его прикосновения.

— Когда ты приедешь, Сэйди не будет на месте. Она уйдет домой, так что сразу проходи в мой кабинет. Я буду здесь. — Сохраняя профессионализм, вынуждаю себя посмотреть ему в глаза.

Я не могу прочитать его.

Он улыбается, но что значит эта улыбка, я не уверена.

Знает ли он, как сейчас на меня подействовал?

На его щеке виднеется ямочка. И она работает на усиление его привлекательности.

Чувствую пульсацию в груди.

Ты психотерапевт.

Я делаю шаг назад.

— Увидимся в шесть, Индия. — Он разворачивается и начинает спускаться по лестнице.

Закрывая дверь, осознаю, что он впервые назвал меня по имени, и слышать, как он произносит его со своим сексуальным бразильским акцентом... в общем, давайте скажем, что ощущения у меня потрясающие.

И это нехорошо.

Совсем нехорошо.

Глава пятая

ЛЕАНДРО

✦ ЛОНДОН, АНГЛИЯ

КОГДА Я КОСНУЛСЯ ИНДИИ РУКОЙ, то что-то почувствовал. Нечто волнующее. Простое соприкосновение наших рук, и сквозь меня проносится приятное возбуждение.

Дело в том, что с момента аварии, касаясь женщины, я не чувствую ничего. Никакой связи. Ничегошеньки. Я трахаюсь, чтобы забыть, а не потому что хочу этих женщин.

И я почти уверен, что Индия тоже почувствовала нашу связь. Я видел, как вспыхнули ее щеки, и как она рукой схватилась за место, где мы соприкоснулись.

Я волную ее.

Я не был уверен, что это так, но теперь уверенности мне не занимать.

Она мне нравится. Но я не хочу все испортить, потому что и правда думаю, что она может мне помочь. После прошлой ночи я нуждаюсь в ее помощи больше, чем полагал.

Почти шесть часов, и я уже направляюсь обратно в офис Индии.

Индия. Каждый раз, как произношу ее имя, я наслаждаюсь тем, как оно звучит.

И мне нравится, как звучит ее голос, когда она произносит мое имя.

Интересно, как он будет звучать, когда будет срываться криком с ее губ в то время, как я буду трахать ее.

Я не могу трахнуть ее.

Балансируя с только что купленными в «Старбаксе» кофе и сэндвичами на вынос, я проталкиваюсь через дверь в зал ожидания у ресепшена.

Он пуст, как она и говорила.

Здесь будем только она и я. Честно говоря, даже не знаю, хорошая ли это идея. Не знаю, могу ли доверять себе и быть уверенным, что не предприму никаких действий.

Иисусе, я взрослый мужчина. Я могу себя контролировать, находясь рядом с ней.

Прежде чем войти, стучусь.

Она сидит за столом, разговаривает по телефону. Она улыбается мне красными губами, и я чувствую, как оживает мой член.

Тихо, парень.

Улыбка по-прежнему не сходит с ее лица, она поднимает палец, давая мне знать, что ей нужна минута.

Я киваю, кофе и сэндвичи в коробках ставлю на стол. Затем сажусь.

— Звучит замечательно. Хорошо. Увидимся позже. Люблю тебя.

«Люблю тебя»?

Она точно не замужем, кольца на пальце нет.

У нее есть парень?

Конечно, у нее есть парень. Посмотри на нее.

Повесив трубку, она встает со стула и идет туда, где сижу я. Садится напротив.

— Прости за это.

— Не беспокойся. Я принес кофе и пару сэндвичей на случай, если ты не ела.

В ее глазах мелькает удивление, словно я первый парень, что принес ей еду.

— Я не ела. Это очень заботливо с твоей стороны, Леандро. Спасибо. Но, прошу позволить мне возместить расходы на кофе и сэндвич.

Она встает, но я останавливаю ее.

— Нет. Я угощаю, — отмахиваюсь я.

Она на мгновение останавливается, после чего опускает свою попку обратно в кресло.

— Хорошо. Спасибо.

Взяв кофе с разделяющего нас стола, протягиваю ей напиток, и взамен пальцами дотрагиваюсь до ее пальцев.

Понятия не имею, зачем так делаю.

Ладно, у меня есть догадка. Я снова хочу увидеть ее реакцию на меня.

Глазами выискиваю на ее лице ответ, но в этот раз не вижу ничего.

Чувствуя легкую опустошенность, беру свой кофе и спиной откидываюсь на спинку кресла.

— Я взял тебе черный кофе, — говорю ей. — Не был уверен, добавляешь ли ты молоко или сахар. — Я тянусь к карману и достаю крошечную капсулу с молоком и пакетики с сахаром.

— Черный кофе — это идеально. — Она улыбается, чашка находится у ее губ. Затем она делает глоток.

Она пьет черный кофе и красится красной помадой.

Она, черт подери, идеальна.

— Итак, я подумала, — она ставит кофе на стол, — о том, как нам следует поступить, чтобы твоё лечение продвинулось.

— Слушаю.

— В общем, правильно ли я понимаю, что у тебя есть ощущение, что чтобы вернуть тебя к жизни, тебе необходимо быть способным участвовать в гонках?

— Это не ощущение. Я знаю, — говорю я с уверенностью.

— Хорошо. Итак, безусловно, тебе нужно говорить об аварии, дать волю чувствам, чтобы ты мог с ними примириться. Совершенно ясно, что сдерживание их в себе тебе не помогает. Я подумала, что пока мы будем идти в этом направлении, мы также можем поработать над тем, чтобы вернуть тебя за руль машины.

Мои мышцы задеревенели, и она заметила это.

— Крошечными шажками, — произносит она мягко. — Я имею в виду, что мы могли бы пойти на улицу, сесть в мою машину и провести наш сеанс там.

Я приподнимаю бровь.

— Твои методы немного странные. Говорил тебе кто-нибудь об этом?

— Да. Прямо перед тем, как они говорили, что мои методы действительно помогли им.

Ее губы трогает улыбка, и это сексуально как сам секс.

— Самоуверенность? — дразню я.

— Самоуверенность это гарантия, а я уверена, что это поможет.

— Ладно. — Я беру кофе и поднимаюсь на ноги. — Веди меня.

Я взмахиваю рукой, когда она встает.

— Дай только взять ключи от машины, — говорит она.

Я наблюдаю, как она идет от меня к своему столу и наклоняется над ним, чтобы дотянуться до ключей. Ткань облегающей юбки-карандаш натягивается на ее заднице.

У нее потрясающая задница.

Боже, что я мог бы сотворить с этой задницей, пока она бы нагибалась над столом.

Член в штанах начал дергаться. Мне нужно быстро привести себя в порядок, прежде чем она повернется обратно.

— Стоит ли мне взять сэндвичи? — спрашиваю я.

— Конечно. — Она улыбается мне, когда наклоняется, чтобы взять кофе со стола.

Хватая сумку с сэндвичами, я жду, пока она обойдет стол, после чего следую за ней из ее кабинета к ее машине.

Глава шестая

В МОМЕНТ, КОГДА МЫ СЕЛИ В МОЮ МАШИНУ, я задалась вопросом, не совершили ли ошибку, помещая себя в ситуацию, когда мы с Леандро так близко.

Я чувствую аромат его средства после бритья с нотками сандалового дерева, который переплетается с его собственным уникальным запахом, и от него со мной происходят непонятные вещи.

Этот мужчина словно ходячий проводник сексуальности.

Это нервирует.

Потому что прежде мужчины не производили на меня такого эффекта.

Никогда я не чувствовала к мужчине такого физического влечения, как к Леандро.

Я его психотерапевт.

Напоминание сражает меня, как струя ледяной воды в лицо и по либидо.

Необходимо остановить эти чувства и мысли сейчас же.

— Неплохая машина, — комментирует он с пассажирского сидения.

— Спасибо.

При одержимом машинами сыне мне необходимо обладать классным авто. Эту машину выбрал Джетт. Он увидел ее в автосалоне, и это была любовь с первого взгляда, так что, конечно, мне пришлось ее купить.

Нет ничего, чего я бы не сделала для своего сына, включая заем тридцати с лишним тысяч долларов, чтобы купить пятнадцатилетний «Астон Мартин» с пробегом семьдесят пять тысяч миль. Должна отметить, что это роскошная машина, и водить ее — сплошное удовольствие. За ее рулем я чувствую себя кинозвездой.

Я почти сказала Леандро, что купить эту машину меня уговорил Джетт, но вовремя остановилась. Я не делюсь деталями личной жизни с пациентами.

— «Астон Мартин» DB7 Vantage 2000 года, верно?

— Верно, — улыбаюсь я. — Ты, кажется, удивлён, что у меня такая машина.

Он бросает на меня взгляд и легко пожимает плечом.

— Я просто ожидал, что у тебя... Ну, не знаю, «Ауди» или «Тойота». Она не соответствует твоему... образу.

— Ты имеешь в виду, тому образу, который ты для себя создал?

Что-то промелькнуло в его глазах, но я не смогла понять, что именно.

— Наверно. — Он смотрит в сторону. — Итак, увлекаешься машинами?

— Нет. Но кое-кто близкий мне увлекается. Меня уговорили купить ее. Она симпатичная, доставляет меня из пункта А в пункт Б, так что я счастлива, — посмеиваюсь я.

Он смеется, и смех его глубокий и звучный.

— Это именно то, чего я ожидал бы услышать от женщины.

— Ну, я рада, что отметилась хотя бы в одной из твоих копилочек стереотипов.

Он развернулся, чтобы посмотреть на меня. Его взгляд пристальный и внимательный.

— Ты отметилась больше, чем в одной копилке.

Глубоко внутри я чувствую трепет. Я сглатываю.

Отвожу взгляд от его глаз.

— Какие сэндвичи ты взял?

Наступает незначительная пауза, после чего он отвечает:

— Я сделал безопасный выбор. — Он лезет в сумку и вытаскивает еду. — Ветчина или индейка?

— Индейку, пожалуйста.

Он протягивает мне сэндвич. Я стараюсь не касаться его пальцев, как это было, когда он передавал мне кофе. Казалось, будто мой палец прошёл электрический импульс. Все силы ушли на поддержку самообладания.

Я открываю коробку и откусываю кусок. Мне приходится сдерживаться, чтобы не застонать. За весь день я не съела ни кусочка, и этот сэндвич на вкус подобен райскому наслаждению.

Положив еду на колени, я беру кофе из держателя для напитков и замечаю, что Леандро отводит взгляд.

Он наблюдал за мной?

Я выскребаю эту мысль из головы и фокусируюсь на работе, которая заключается в оказании ему помощи.

Делая глоток кофе, оставляю чашку в руке.

— Каково тебе находиться в моей машине?

— Нормально. — Он пожимает плечами. — Она статична, и я на пассажирском сидении.

— И каково тебе ездить в машине в роли пассажира? Лучше или хуже?

Прижимая чашку к губам, он обдумывает мой вопрос.

— Ну, по возможности я избегаю нахождения в машинах, что не так сложно, пока живу в городе и могу добраться почти куда угодно на метро. Но когда мне приходится быть пассажиром в машине... мне тревожно.

— Потому что...?

— Контроль не у меня. — Он делает вдох, ставит кофе на бедро. Его пальцы тесно обхватывают чашку. — Я должен контролировать все аспекты своей жизни. Вот что меня раздражает во всем этом.

— Отсутствие контроля?

— Угу.

— Итак, ты пытаешься вернуть контроль единственным возможным для тебя на данный момент способом, и этот способ разрушает твою жизнь.

Я чувствую его взгляд на себе, потому поворачиваюсь на сидении и смотрю на него. Очень важно поддерживать с пациентом зрительный контакт, вот только в машине это не просто.

— Ты имеешь в виду выпивку и женщин?

Пожимая плечом, я говорю:

— Думаешь, это положительные моменты твоей жизни?

— Я выпивал и снимал женщин и до аварии.

— Но, я думаю, раньше ты делал это для удовольствия, а не чтобы скрыть боль.

Он смотрит в сторону, устремляя взгляд в окно.

— Тебе обязательно все время быть правой? — Его голос звучит мягко, так что я знаю, что не надавила на него слишком сильно. Он снова поднимает на меня глаза.

— Это часть моей работы, — говорю я в дразнящей манере. — Но, если серьёзно, если я что-то думаю, ещё не значит, что это истина. Имеет значение, что думаешь *ты*.

— Наверное. — Он делает ещё один глоток кофе.

— Итак, значит, сидеть на пассажирском сидении тебе проще. Если я попрошу тебя сесть на водительское сидение с выключенным двигателем, это возможно?

— А у меня есть выбор?

В его голосе нет юмористических интонаций, так что я аккуратно делаю шаг назад.

— У тебя всегда есть выбор, Леандро, — говорю я мягко. — Не будет ничего такого, что вызывало бы у тебя дискомфорт. Если тебе покажется, что я слишком давлю, скажи об этом. Мы остановимся и пересмотрим подход.

— Я пошутил, Индия, но полезно знать твою позицию. И все в норме. Давай сделаем это. В припаркованной машине со мной ничего не случится, так ведь?

— Именно. — Я улыбаюсь, наши взгляды встречаются.

— Итак...

— Итак?

— Ты собираешься перелезть через мои колени, чтобы поменяться местами или мы выйдем из машины? — Он ухмыляется, смотря на меня, и моё лицо краснеет.

Перелезть через его колени...

— Мы выйдем из машины.

Мы обходим машину сзади и, на удивление, он оказывается на сидении раньше меня.

Я закрываю дверь машины с мягким щелчком.

— Как ощущения? — спрашиваю, изучая его лицо.

— Нормально, кажется. Я чувствую себя... глупо.

— Глупо?

— Ага. — Он опирается на руль. — Я взрослый мужик, которому нужна помощь, чтобы сесть в машину.

— Нет, ты взрослый мужик, который восстанавливается после серьезнейшей аварии, почти отнявшей твою жизнь. — Я глубоко вдыхаю и делаю рискованный шаг, произвожу оценку ситуации. — Леандро, слышал ли ты о посттравматическом стрессовом расстройстве?

— Да. Оно есть у людей, вернувшихся с войны.

— Верно. Но ПТСР страдают не только военные. ПТСР может быть у людей перенесших травматический опыт, как ты.

Он поворачивается ко мне.

— Думаешь, у меня ПТСР? — Он пальцем указывает на себя.

— В лёгкой форме.

Леандро разворачивается и смотрит через лобовое стекло. Долго молчит.

— Знание этого беспокоит тебя? — спрашиваю я, нарушая тишину. — Я не вешаю ярлык, Леандро. Просто даю точку опоры, от которой мы можем отталкиваться, чтобы нам было с чем работать. Понять твою проблему — это наполовину ее преодолеть.

— Говоришь, как учебник по психологии.

— И много их ты читаешь? — Я улыбаюсь.

Встречаясь со мной взглядом, он отвечает на улыбку, и его темные глаза загораются.

— О да, все время трачу на них. На прикроватном столе лежит целая кipa. «Гид по психологии для идиотов».

— Моя любимая.

Он смеется. Его глубокий и гортанный смех пронизывает меня до кончиков пальцев на

ногах. Я поджимаю их в обуви.

— Да. Давай свои ключи. — Он тянет руку ко мне.

— Тебе нужны мои ключи?

— Да. — Он смотрит прямо на меня, но его лицо расслабленно.

— Зачем?

— Я собираюсь проверить, смогу ли завести двигатель и не струсить, как слабак, снова.

— Ты уверен, что готов? Только прошлой ночью ты пытался...

— Я уверен.

Его рука по-прежнему протянута, так что я достаю ключи из кармана пиджака и передаю их ему. На этот раз не дотронуться до него невозможно, но я делаю это быстро и резко, и в это время избегаю зрительного контакта, чтобы он не смог понять, какой эффект на меня производят его прикосновения.

Поворачиваясь лицом к лобовому стеклу, он делает глубокий вдох и начинает разминать руки.

— Не торопись. Как только почувствуешь тревогу или панику, просто остановись и глубоко вдохни.

— Я понял, — ухмыляется он мне.

— И не беспокойся, если снова не получится. Я застрахована.

— Это разрешение разбить твою машину? — смеется он.

— Конечно. Почему бы и нет? Мне давно пора обновить авто. — Мои губы изгибаются в полуулыбке.

Он снова смеется. Мне правда нравится слушать его смех. От этого мне кажется, что мы движемся вперед, и это никак не связано с тем, что от его смеха происходит у меня внутри.

Еще один глубокий вдох, он вставляет ключ в зажигание и без единого колебания поворачивает его.

Я вижу, как от звука ревущего двигателя моей машины закрываются его глаза.

Руками он сжимает руль, костяшки его пальцев белеют от напряжения.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю я мягко.

— Лучше, чем прошлой ночью. — Он открывает один глаз и смотрит на меня, улыбка касается его губ.

— Черт, значит, я не получу новую машину вместо этой.

Он усмехается, и я чувствую, что напряжение почти покинуло его тело.

Леандро снова закрывает глаз. Руки все еще на руле, он откидывает голову назад на спинку сидения и выдыхает.

Мы так сидим довольно долго. Он приспосабливается к обстановке. Я же наблюдаю за ним, определяя вероятность наступления панической атаки.

Но его дыхание кажется размеренным, и руль он держит уже не так сильно.

— Когда очнулся в больнице, я знаю, что должен был ощутить облегчение от того, что жив. Думаю, что часть меня его ощутила. Но гораздо бóльшая часть жаждала, чтобы я умер в этой аварии... потому что уже тогда я знал, что не смогу вернуться за руль. И если я не участвую в гонках, то с тем же успехом могу быть мертвым. — Открывая глаза, он наклоняет голову в моем направлении и смотрит на меня. — Я знаю, ты наверно не понимаешь этого, но гонки — вся моя жизнь. Это все, чего я когда-либо хотел, единственное, в чем был хорош. Лишение этого... медленно меня убивает.

— Ты вернешь все это, — говорю я ему уверенно. Затем делаю то, чего не делала

никогда прежде. Я даю обещание. — Я помогу тебе вернуться. Обещаю. — Прежде чем могу остановиться, я кладу свою руку на его предплечье.

— Спасибо, — произносит он мягко и снова смотрит через лобовое стекло, на котором начинают появляться еле заметные капли дождя.

И я отдергиваю горящую руку назад, понимая, что мне необходимо прямо сейчас вернуть профессиональное спокойствие.

Глава седьмая

ЛЕАНДРО

+ ЛОНДОН, АНГЛИЯ

В КАРМАНЕ ЗВОНИТ ТЕЛЕФОН. Вытаскивая его, вижу, что это Каррик.

— Я в пути, уже в такси. Просто опаздываю. У меня была встреча в Лиссе. — Лисса — центральный офис команды. Убирая мобильный ото рта, называю таксисту адрес ресторана.

На протяжении месяца я, пытаюсь вернуться в машину, работаю без устали. Индия брала меня на авто-прогулки. Сначала я сидел на заднем сидении, затем пересел на пассажирское. Пока еще мне не довелось водить, но я больше не слетаю с катушек от звука ревущего мотора, или когда сажусь в машину.

Звучит так себе, учитывая, чем я зарабатываю на жизнь, но мне нужно двигаться размеренно. Это слова Индии. Она говорит, если я потороплю события, то могу в итоге затормозить самого себя, рискуя вызвать ощущение тревоги и тем самым сделать несколько шагов назад.

Я этого не хочу.

В какой-то степени вся эта ересь про крошечные шажки раздражает, потому что нет ничего, чего бы мне хотелось больше, чем быть способным водить машину. Но я доверяю Индии, потому что совершенно очевидно — это работает, ведь не похоже, чтобы сейчас в такси у меня сносило крышу или чтобы я паниковал, будто девственница перед первым разом, когда сажусь за руль, как было до тех пор, пока Индия не начала помогать мне.

— Просто проверяю, что ты не забыл, — усмехается Каррик.

— Будто я мог.

— Ну да, конечно. Как ты не забыл в прошлый раз.

— Вы мне этого никогда не забудете, да?

Я забыл, потому что был пьян и отсиживался в апартаментах какой-то девицы, трахаясь всю ночь напролет. Я встретил ее в супермаркете, где покупал виски. В итоге мы оказались у нее дома, распили бутылку и... ну, вы все сами знаете.

Я чувствовал себя абсолютным дерьмом из-за того, что подвел друзей.

— Никогда, потому что Андрессе пришлось объяснять девушке, которую она привела для тебя, что ты ее не кинул.

— Да я ведь не знал, что она приведет мне пару.

Даже если бы и знал, то, вероятнее всего, мои планы на день и ночь не изменились бы. Такие девушки хотят больше, чем одну ночь.

Затем до меня дошло, почему Каррик звонит на самом деле.

— Прошу, скажи, что Энди не привела очередную пару для меня.

Гробовая тишина.

И эта тишина громче любых слов.

— Боже, — хриплю я. — Привела, да? — продолжаю я. — Ты бы ни за что не стал проверять меня, как девица, если бы не привела. И позвонить тебя заставила Энди, так?

— Может быть.

— Господи, ты такой подкаблучник.

— И у такого положения есть много преимуществ.

— Придурок. И если бы я не испытывал к твоей жене платоническую любовь, то назвал бы ее занозой в заднице.

— Она просто хочет, чтобы ты был счастлив.

— Господи, почему она не научилась по первому разу, когда пыталась устроить мою судьбу? Нам с этими девушками для свиданий не по пути.

На первый ужин после моего прибытия в Англию Энди привела для меня одинокую девушку. Ее парикмахера. Допустим, свидание прошло не так плохо, потому что после него я отвез ее к ней домой и трахнул. Проблема в том, что для меня это был всего лишь трах. К несчастью, она жаждала большего и приняла мой отказ не то чтобы стоически. Энди пришлось искать нового парикмахера.

Итак, одному богу известно, почему она так настойчива в своих постоянных попытках свести меня с кем-то из ее знакомых.

— Тебе правда нужно взять свою женщину под контроль.

Каррик засмеялся.

— Ха! Если бы это было возможно, я бы давным-давно это сделал. Ну, так могу я сказать Андреесе, что ты скоро будешь и в гребаном восторге от того, что она привела тебе девушку для свидания?

— Девушка огонь?

— Только если это твой тип.

— Ты о чем?

— Инструктор по йоге.

Хмм...

— Они же очень гибкие, верно? Пожалуй, да, скажи Энди, что я в гребаном восторге и скачу над чертовой радугой от того, что она приведет для меня инструктора по йоге. Увидимся в десять, членоголовый. — И я сбрасываю звонок.

Откидывая голову на спинку сидения, делаю медленный выдох, почесывая начисто выбритый подбородок.

Я сбрил бороду. Даже подстригся.

Мне показалось, что самое время. И это продемонстрирует Индии мои намерения привести себя в порядок.

Ладно, Сильва, вот тебе напутственная речь...

Я не буду спать с гибкой инструкторшей по йоге — ну, только в случае, если она четко будет осознавать, что это на одну ночь. Потому что трахнуть ее было бы прекрасно.

Если только она не уродлива, как атомная война, само собой.

И не напыюсь. Я трахну инструкторшу из желания и благодаря химии между нами, а не потому, что потерял или хочу забыться в ее теле.

Если бы Индия только могла меня сейчас слышать, она бы гордилась мной. Гордилась бы тем, что я не собираюсь доставлять кому-то неприятности.

От последних слов я мысленно засмеялся.

С тех пор, как Индия начала меня лечить, мои запои сошли на нет, это также касается случайного траха. У меня не было секса с той ночи с двумя цыпочками, после которой я опоздал на встречу с Индией.

Это непросто, но работа над ошибками с Индией дарит мне цель — то, чего я был лишен. Моя задача — это вернуться за руль, повести машину и в конечном итоге принять участие в гонке.

По шагу за раз, вне зависимости от того, сколько времени это займет.

Ну, если не принимать во внимание, что шел последний год действия моего контракта. В нем все-таки были проставлены временные рамки.

Такси тормозит напротив ресторана. Я расплачиваюсь и выхожу.

Начинается дождь, так что я, не теряя времени, забегаю внутрь. Меня встречает метрдотель. Она узнает меня сразу же. Мне знаком блеск в глазах у людей, понимающих кто я такой.

— Мои друзья уже здесь. Я присоединюсь к Каррику Райану.

Если она узнала меня, то, без сомнения, знает и Каррика.

— Я отведу вас за ваш столик. — Она кокетливо улыбается.

Не улыбнуться ей в ответ выше моих сил. Я по натуре чертов флиртоман.

Пока я следую за метрдотелем, то не упускаю возможность изучить ее задницу.

Хороша. Аппетитная. Есть за что схватиться во время секса.

Но она и близко не так хороша, как попка Индии.

— Ты опоздал, — говорит Энди, когда я дохожу до столика, и одаривает меня осуждающим взглядом, но ее губы растянуты в улыбке, так что мне понятно, что она зла не настолько, насколько хочет показать.

У столика я глазами изучаю инструкторшу по йоге.

Темные волосы. Милое личико. Огромные буфера.

— Прости. — Я наклоняюсь и целую Энди в обе щеки. — Выглядишь прелестно, как и всегда.

— Эй, членоголовый. Отвали от моей жены.

— Тоже рад тебя видеть, Райан, — ухмыляюсь я ему.

Улыбаясь мне, он встает, и мы пожимаем руки, одновременно делая полу-объятие, какие приняты у мужчин.

— Давно не виделись. Нормально справляешься? — спрашивает он меня тихо.

Я смотрю ему в глаза и киваю.

— Потихоньку.

— Леандро, это Катрина, — представляет девушку Энди.

Поворачиваясь к Катрине, улыбаюсь ей, как следует исследуя ее взглядом, и обхожу вокруг стола, чтобы сесть на стратегически выверенное место — рядом с ней.

На ней облегающее красное платье, и ее пышная грудь так и норовит вывалиться из декольте.

Я тянусь пожать ей руку.

— Приятно познакомиться, Катрина. Я Леандро.

Она вложила свою руку в мою, я поцеловал ее в щеки, но не почувствовал ровным счетом ничего. Ни единой искры.

И странным образом ощутил облегчение.

Я ощутил облегчение, потому что не почувствовал связи с сексатильной женщиной?

Да что со мной не так, черт подери?

Индия. Вот что со мной.

Только с ней я чувствую проскакивающие искры, и только ею не могу обладать.

Такова история моей гребаной жизни на данный момент.

При каждом прикосновении к Индии я чувствую нечто такое, чего не чувствовал к женщинам даже до аварии. Безусловно, в прошлом возникали ощущения и этих искр, и внезапной связи, но то, что у меня с Индией, является истинным радостным возбуждением. Словно я вступил в величайшую гонку моей жизни.

— Я знаю, кто ты. И зови меня Кэт. — Она улыбается мне, флиртуя, точно как метрдотель мгновение тому назад.

— Что принести вам выпить? — спрашивает официантка, внезапно появляясь у нашего стола.

Бросаю взгляд на стол, чтобы увидеть, что пьют остальные. Каррик пьет виски, как всегда, Энди — пиво, а Катрина — бокал красного вина.

Я хочу оставаться в здравом уме, так что, пожалуй, не буду пить.

— Я буду лимонад с долькой лайма.

— Ты за рулем? — спрашивает Кэт.

— Нет. — Я притворяюсь, что не вижу улыбку на лице Энди. Я знаю, что она считает меня употребляющим слишком много алкоголя.

Так и было.

Кэт поворачивается ко мне, прижимая свои колени к моему бедру.

— Итак, почему ты не пьешь? — задает она вопрос так, словно само собой разумеется, что я должен выпивать. Наверно причина тому то, что она читала и слышала обо мне.

В груди возникло неприятное ощущение.

— Просто рядом с такой красивой женщиной мне нравится находиться в трезвом уме. — Я включаю обаяние, чтобы прекратить шквал вопросов, на которые у меня нет настроения отвечать.

— Кто что будет есть? — спрашивает Энди, открывая меню.

Я устремляю на нее взгляд, полный благодарности, на который она отвечает улыбкой.

Я не алкоголик, потому что покончить с выпивкой было не слишком уж трудно. Но опорой мне служит осознание возможности насладиться алкоголем в любую минуту, когда захочу, что и помогает мне держаться от него в стороне. Просто не хочу объясняться перед совершенно незнакомым мне человеком.

Открываю меню, отмечая тот факт, что Кэт не отодвинула свои ноги от моих. Затем вижу, как она кладет руку мне на колено и начинает по сантиметру двигаться по моей ноге вверх.

Ладно. Она быстрая.

Не могу сказать, что у меня проблемы со скоростью развития событий. Я не хочу их торопить с ней.

Нет химии — нет секса.

Когда с нашими напитками вернулась официантка, кончиками пальцев Кэт добралась до моего бедра, но ей пришлось убрать свою руку и положить ее на стол.

Когда я поднимаю глаза, то вижу ухмылку Каррика.

Смотрю на него взглядом «пошел к черту», на который он также отвечает ухмылкой.

— Я определился. — Каррик захлопывает меню. — Что будешь, малыш? — спрашивает

он Энди.

— Не могу решить.

— Что насчет телятины?

Улыбаясь, она качает головой, и он начинает смеяться, отчего становится ясно — это их общая шутка. Взяв ее руку, он оставляет на ней поцелуй.

В груди появляется ощущение острой боли от мысли, что у меня такого может не быть никогда.

— Эй, Каррик, гляди. Доктор Харрис здесь.

Слова Энди заставили меня оторвать взгляд от стола.

Поворачивая голову туда, куда смотрит Энди, Каррик произносит:

— О, да.

Глазами ищу ее, но колонна перекрывает обзор, и с моего места мне ничего не видно.

— Кто такая доктор Харрис? — спрашивает Кэт.

— Мой психотерапевт, — непринужденно отвечает Энди.

До знакомства с Индией у Энди были проблемы с дачей ответов на вопросы. Она была более скрытной и держала мысли при себе — ее слова, не мои — но как только Индия приступила к ее лечению, Энди стала более открытой, уже больше не так боялась рассказывать людям о себе.

— У меня были — да и сейчас временами бывают — переживания касательно гонок Каррика, и она помогает мне справиться с ними, — поясняет Энди Кэт.

Бросаю взгляд на Каррика, и улюбок улыбается мне.

Я знаю, это не из-за того, что он что-то собирается сказать, так же это не касается Энди.

И через две секунды я вижу причину его ухмылки: в поле моего зрения появляется Индия и мужчина, с которым она пришла.

Она на свидании?

Ощущение такое, словно меня ударили поддых.

Это тот парень, с которым она говорила по телефону на той неделе? Которому сказала «Люблю тебя»?

Этот парень выглядит как мудака. Я, конечно, не могу рассмотреть его тщательнее, но для нее он однозначно недостаточно хорош.

Таких просто не существует.

Она потрясающая.

И сегодня выглядит великолепно. Она всегда выглядит божественно, но сейчас, в выходной одежде, не рабочей, ее образ совершенно иной.

Волосы распущены, как всегда, кончики светлых волос укрывают плечи, а губы накрашены красной помадой.

Одета она в симпатичное белое платье. Сверху оно облегает ее грудь и талию, а книзу расширяется.

Она выглядит, как гребаный ангел.

— Пойду поздороваюсь. — Энди поднимается со своего места.

Наблюдаю, как она подходит к Индии. Вижу искреннюю улыбку, адресованную Энди и чувствую зависть, когда она оказывается в объятиях Индии. Я беззастенчиво плююсь, как Индия представляет Энди членоголового мудака, пришедшего с ней.

Я делаю глоток лимонада, когда Энди, поворачиваясь, указывает на наш столик. Взгляд

голубых глаз Индии встречается с моим, и я чувствую, как по позвоночнику проносится разряд, устремляясь прямо к моему члену.

Энди что-то говорит, и они движутся к нам.

Справлюсь ли я?

Смогу ли притвориться, что не знаю ее?

Не хочу, чтобы Кэт знала, что я вижусь с психотерапевтом. Я не знаю эту цыпочку, а она может рассказать об этом кому-нибудь, а то и продать информацию прессе. Нет никакого желания, чтобы подобное усеяло все новостные выпуски и издания.

«Леандро Сильва видится с мозгоправом.»

Ага, ну уж нет, спасибо.

Индия останавливается у нашего столика вместе с этим членоголовым, и все рациональные мысли покидают мой разум мгновенно.

Мне приходится силой заставлять себя не пялиться. Членоголового я достаиваю одним быстрым взглядом.

Серый костюм. Небрежно рассыпанные светлые волосы. Выглядит так, словно только что вышел из фильма с Хью Грантом.

Мудак.

— Доктор Харрис, приятно увидеть вас снова. — При приветствии Каррик поднимается на ноги.

Он целует ее в щеку, и я чувствую непреодолимое желание пнуть его.

— Все еще просто Индия, — смеется она.

Мой член отозвался на этот звук, как если бы это был сладкий поцелуй ее алых губ.

— Ага, никак не могу привыкнуть называть вас по имени.

Решаю предпринять решительные действия, или лучше сказать — сыграть в игру?

Поднимаясь из-за стола, я протягиваю руку и говорю Индии:

— Леандро Сильва. Приятно познакомиться.

И ее взгляд обращается ко мне, в нем нет удивления, так что, вероятно, она ожидала, что я поведу себя так, словно не знаю ее.

То, что она могла этого ждать, немного вывело меня из себя.

Она протянула свою руку мне и создается впечатление, будто она обожгла меня.

— Индия Харрис. Приятно познакомиться, Леандро.

Наши взгляды встречаются.

Она первой отводит глаза и смотрит прямо на Кэт.

В ее глазах ревность или неодобрение?

Надеюсь, ревность.

Ее губы сжимаются, как когда я рассказываю ей о чем-то или ком-то, по ее мнению, мне не подходящим и просто являющимся плохим для меня выбором.

Ну, тогда неодобрение.

От осознания, что мне не плевать, я взбесился.

Рукой указывая в направлении Кэт, я говорю Индии:

— Это Кэт... — *Черт подери, я не знаю ее фамилии.*

— Кэт Вискер. — Она становится рядом со мной, протягивая руку Индии.

Кэт Вискер?

Мне приходится сдерживать смех, а это сложно. Я вижу во взгляде Индии пляшущих бесят.

Хотя она никогда не рассмеется. Она слишком вежливая, чтобы смеяться над кем-то по такой причине.

Из-за того, что Каррик не так заметен или не так учтив, этот мерзавец раздражается смехом, но быстро превращает его в кашель. Энди устремляет на него строгий взгляд.

Кэт, кажется, и не заметила этого, потому что слишком занята пристальным осмотром Индии во время их рукопожатия.

— Это доктор Дэниел Уокер, — представляет Индия мудака.

И, конечно же, он доктор. Ставлю на то, что придурок работает с болеющими детьми или занимается чем-то типа этого.

— Прошу, зовите меня просто Дэн.

Он улыбается нам, и мне хочется ударить его.

— Дэн — доктор скорой помощи, — рассказывает нам Индия. Она гордится им.

Я чувствую укол ревности, что, вообще-то, смешно.

С чего бы мне ревновать?

— Доктор скорой помощи с редкими свободными ночами. — Он улыбается Индии, рукой двигаясь к ее пояснице.

Теперь я могу думать только о том, как отдергиваю его руку с ее спины и ломаю конечность до тех пор, пока до него не дойдет, что Индию не стоит трогать никогда.

— Леандро — гонщик Формулы-1, как и Каррик. — Кэт берет меня под руку, пальцами обхватывая мой бицепс. — Уверена, вы должны были слышать о нем.

— Леандро Сильва, точно. — Дэн щелкает пальцами. Затем поворачивается к Каррику. — А вы Каррик Райан. Счастлив познакомиться с вами обоими. У меня не так много возможностей смотреть гонки, но когда получается, то вы оба главные фавориты.

Жополиз.

Мою руку он пожимает первой. Я пытаюсь сделать рукопожатие жестче. Если он и заметил это, то ничего не сказал.

— В общем, нам следует оставить вас и отправиться за свой столик. — Индия подзывает официантку, которая все это время кружила рядом.

— Почему бы вам не присоединиться к нам? — спрашивает Энди.

Я чувствую, как Кэт стискивает мою руку.

— Все же в порядке, так? — обращается Энди к официантке. Затем снова смотрит на Индию. — Если вы, конечно, хотите.

Индия бросает взгляд на Дэна.

Он улыбается.

— Конечно. Разве что вы не возражаете, чтобы мы разбавили ваше веселье.

Во мне возникает ощущение, словно я поднимаю руку и говорю, что против.

Еще как, черт подери, против.

Не имею никакого желания сидеть здесь и наблюдать, как они ласкаются. Не то чтобы было так уж много ласк.

— Конечно же, все в порядке, — отвечает официантка.

Щелкая пальцами, она привлекает внимание другого официанта, который подносит два стула и два столовых набора.

И только теперь я смог отцепить Кэт от моей руки и сесть обратно на место.

Нам всем приходится немного потесниться, так что Кэт сидит практически у меня на коленях, а Индия каким-то образом оказывается в стуле, стоящим рядом со мной.

Итак, это будет веселенькая ночь.

Каким, мать его, образом я очутился на свидании парами, в котором участвует мой мозгоправ?

Вот теперь мне, может, и не помешает выпить.

Глава восьмая

ИНДИЯ

+ ЛОНДОН, АНГЛИЯ

ТАК И ЗНАЛА, ЧТО НАДО БЫЛО ОТМЕНИТЬ СВИДАНИЕ.

Для начала, когда я поехала в магазин за чулками, потому как не подозревала, что у меня их нет, сломалась моя машина, и я застряла на дороге в ожидании бригады ремонтников, чтобы те починили авто. Им это не удалось, так что сейчас машина стоит в гараже.

Затем во время покупки чулок сломался каблук, так что пришлось купить новые туфли. Это не так уж плохо, учитывая, что сейчас я в них, как и в новом платье, купленном в том же магазине.

Затем я попала под дождь, из-за чего пришлось заказывать такси до дома, и как только я собралась принять ванну, позвонил пациент. Естественно, я приняла звонок, и к моменту завершения разговора вода в ванной стала холодной. Так что пришлось пойти в душ.

Потом оказалось, что не работает утюжок для волос, и в завершение всего я сломала любимую помаду.

Весь день творилась какая-то херня, так что, само собой, на свидании я должна была встретить Леандро Сильву.

Хорошо, что он тоже на свидании, и совершенно очевидно, что не пьет, судя по только что заказанному им лимонаду.

Но его девушка слегка распускает руки. Мне открывается прекрасный вид на ее руку на его бедре и на то, как она по сантиметру поднимает ее все выше. Ему следует остановить ее, когда она заберется слишком высоко. Ну правда, ему нужно просто сказать ей отвалить. То есть, конечно, это меня не волнует. Просто мне кажется, что не стоит щупать кого-то на людях во время ужина.

В мгновение в голове возникает образ руки Леандро на моем бедре, и я чувствую жар.

Делаю глоток вина, чтобы остыть.

Сосредоточься на еде, приятном разговоре и Дэне, сидящем напротив тебя.

Не на мужчине слева.

Или его девушке-рукоблуднице.

Кэт Вискер.

Смех, который я сдерживала ранее, вырывается сейчас, так что я быстро маскирую его под кашель. Дэн бросает на меня взгляд, после чего возвращается к разговору с Карриком.

Я чувствую пристальный взгляд Леандро, но не смотрю на него.

А вдруг то, что я не смотрю на него, бросается в глаза намного сильнее?

Гляну на него по-обычному, как это сделал бы любой другой человек.

Бросаю взгляд в его направлении и вижу, что он уже смотрит на меня.

Почему он пялится? И почему я нахожу его таким чертовски привлекательным?

И то, что он сбрил бороду и выглядит таким элегантным, совсем не помогает.

Интересно, он побрился ради свидания с этой рукастой Кэт?

Возможности спросить у него у меня нет. Он четко дал понять, что не хочет, чтобы люди знали о нашем знакомстве. Оно и понятно. В конце концов, я психотерапевт, а у Леандро есть определенный образ для публики, даже если некоторое время назад он был погран.

Я улыбаюсь и пытаюсь придумать, что бы сказал ему не знающий его человек.

— Как тебе еда?

Ого, это было потрясающе, Индия.

Его губы растягиваются в усмешке.

— Нормально. Как по мне, стейк немного пережарен. Предпочитаю *готовое не до конца*. — На последних словах он стреляет в меня взглядом.

Ладно. Глубокий вдох. Делаю еще один глоток вина.

— А тебе как? — Его голос, делающий акцент на определенные выражения, кажется ближе.

Поворачивая голову, вижу, что он наклонился в моем направлении.

Смотрю на заказанный лосось, к которому едва ли притронулась.

— Вкусно.

Когда я снова встречаюсь с его взглядом, он улыбается мне.

Когда Дэн задает вопрос Каррику, я настораживаюсь.

— Итак, ребята, откуда вы знаете Индию?

Я смотрю на Энди, рассчитывая на выручку. С нашей первой встречи она стала более разговорчивой. Она более открытая, но станет ли она рассказывать Дэну о том, что я лечила ее, ведь это совсем другое дело.

— Индия помогла мне решить некоторые проблемы, связанные с тем, что Каррик пилот.

Ладно, она справилась, и это хорошо.

Я улыбаюсь ей.

— Так ли она хороша, как о ней говорят?

— Лучше, — говорит Леандро, чем удивляет меня.

Весь стол оборачивается к нему.

Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Энди восхищалась ею, и изменения в ней было невозможно не заметить, даже мне.

Я посылаю Энди теплую улыбку.

— Ну так, ты используешь свои связи, чтобы сводить Джетта на Гран-при? — спрашивает Дэн весело. Он знает, насколько Джетт повернут на Формуле-1.

— Кто такой Джетт? — Это снова Леандро.

— Сын Индии, — отвечает Дэн как ни в чем не бывало.

Он не знает, что Леандро мой пациент.

Чувствую, как лицо горит.

— Я и не знала, что у тебя есть сын, — произносит Энди.

— Индия отчаянно защищает его, — поясняет Дэн. — Я с ним даже не знаком, а мы встречаемся уже два месяца.

Я слышу обиду в его голосе, из-за чего чувствую себя неловко.

Знаю, Дэна беспокоит, что он до сих пор не познакомился с Джеттом, но я не

представляю мужчин сыну, разве что не считаю происходящее между нами серьезным. И пока что я никого не рассматривала в этом ключе. Так что знакомство кого-то с Джеттом значило бы, что я вижу будущее с этим человеком, а я не уверена, что этот человек — Дэн.

— Сколько твоему сыну? — спрашивает Энди, повышая голос. Вероятно, чтобы избавиться от дискомфорта из-за комментария Дэна.

Я пытаюсь обуздать свою потребность защищать личную жизнь от людей.

— Ему двенадцать.

— Двенадцать? — восклицает Леандро рядом со мной.

Я совершенно уверена в том факте, что на щеках вспыхнул яркий румянец.

Я очень хочу ударить Дэна по голени, чтобы он забрал свои слова о Джетте обратно.

— Я о том, что ты не выглядишь, как женщина, у которой есть двенадцатилетний ребенок, — говорит Леандро, его голос звучит как-то иначе.

Сдерживаю вдох.

— Я была молода, когда родила. — С усилием делаю голос оживленным и смотрю прямо на него.

От того, что я вижу в его глазах, когда он смотрит на меня в ответ, у меня перехватывает дыхание и по всему телу пробегают мурашки, до самых кончиков пальцев ног.

Он смотрит на меня так, словно видит в совершенно новом свете.

Не только как психотерапевта, но и как женщину.

И это потрясает меня до глубины души.

— Поверить не могу, что ты не говорила мне о знакомстве с Карриком Райном.

Мы перед моей дверью, Дэн обнимает меня.

Он отвез меня домой после ужина. Энди пыталась уговорить нас выпить после ужина, но, честно говоря, у меня не было желания развлекаться и наблюдать заигрывания Кэт с Леандро.

Это грызло меня.

Такого не должно было быть, потому что я встречаюсь с Дэном и являюсь психотерапевтом Леандро. Но я не стану лгать самой себе: увлечусь этим парнем — проблема.

И мне нужно эту проблему взять под контроль.

Потому что я не могу прекратить лечение.

А следует. Если ты считаешь пациента привлекательным, ни к чему хорошему это не приведет. Но прежде я и не была в такой ситуации.

Какую бы причину я назвала, отказываясь лечить его?

Ох, я вроде как считаю тебя невообразимо притягательным, так что не могу продолжать заниматься твоим лечением.

Ну еще бы, ага.

Мне просто нужно снова стать взрослой и быстро напомнить себе, что он мой пациент.

Также в эту минуту, пока я спорю с собой по поводу другого мужчины, меня обнимают руки Дэна.

Сегодня я решила нарушить все правила.

С этого момента никаких мыслей о Леандро.

— Энди пациентка, и Каррика я знаю только благодаря ей. И ты не ярый фанат Формулы-1, так что мне не казалось, что это будет так важно, расскажу я об этом или нет.

— Это не важно. — Он трется своим носом о мой. — Но этот парень легенда, как и Леандро Сильва. Хотя я слышал, что после аварии он больше не участвует в гонках.

— Хм-м-м.

— Итак, ужин был приятным.

— Это так.

В своем особенном мягком стиле своими губами он касается моих.

Это мило. Просто иногда хочется, чтобы он со мной повел себя дико. Прижал бы к двери и взял бы силой.

Но не целовал бы так, словно я вот-вот сломаюсь.

Чувствуя себя странно раздраженной, я углубляю поцелуй, проскальзывая языком в его рот. Прижимаясь своим телом к его, я стону ему прямо в губы.

Пальцами он нежно проводит по моим волосам.

Но я не хочу, чтобы он был нежным.

Я толкаю его к внешней стороне стены моего дома. Прижимаясь руками к его груди, целую его жестче. Щипнув зубами его губу, я рукой спускаюсь ниже. К его эрекции, которая упирается в мое бедро.

Затем я расстегиваю молнию его брюк, но он ловит мою руку, тем самым останавливая меня.

— Индия.

Из-за его такой явственной реакции мое лицо заливается краской от смущения. Я убираю руку и делаю шаг назад, смотря куда угодно, только не на него.

— Боже, прости.

Не знаю, зачем сделала это. У нас еще даже не было секса. Я хотела, чтобы все шло размеренно, а с момента, когда у меня в последний раз был секс, прошло много времени.

Что я планировала делать? Заняться с ним сексом в дверном проеме?

Я не стала бы пускать его в дом и спать с ним, когда в соседней комнате находится мой сын, а дальше по коридору — брат. Да и еще тот факт, что Джетт не встречался с ним ни разу, а Кит всего единожды.

Что на меня нашло?

— Пойду внутрь. — Я уставилась на ноги, начиная идти к входной двери.

— Нет, Индия, стой. — Он ловит меня за руку, и тянет обратно к себе.

Он обнимает меня за талию. Я с неохотой смотрю ему в лицо.

— Прости, — говорит он с настойчивостью. — Ты просто застигла меня врасплох. Думаю, я не ждал этого. У нас еще не было секса, и до сих пор ты не сделала ни одной подвижки в этом направлении.

Я снова пялюсь на свои ноги, неспособная смотреть на него хотя бы еще мгновение.

— Думаю... я просто была под влиянием момента.

— Индия, посмотри на меня, прошу.

Преодолевая усилие, я поднимаю взгляд.

Он кладет ладонь мне на щеку и гладит ее большим пальцем.

— Мне нравится, что ты была под влиянием момента, и я более чем счастлив сделать следующий шаг в наших отношениях, но только если ты к этому готова.

— Я не знаю. Наверное... может быть. — Я пожимаю плечами.

Для образованной женщины я сегодня прямо-таки изобилую богатым лексиконом, не так ли?

— Индия, я хочу того, чего ты хочешь. Нет никакого давления.

В голове рождается раздражение, оно отдается жужжанием в ушах, и внезапно до меня доходит, в чем проблема.

Я хочу, чтобы он хотел того, чего хочет *он*. Не того, чего хочу *я*. Мне нужно, чтобы он был более напористым. Чтобы сказал, что хочет меня, и тогда остальное пойдет к черту. Чтобы прижал меня к этой стене и поцеловал с адским неистовством. Рассказал, насколько сильно жаждет быть во мне. Что не может дышать без меня.

Мне необходима страсть с его стороны.

Ставлю на то, что Леандро не такой тактичный и аккуратный с женщинами, с которыми спит. Держу пари, он полон страсти. Готова спорить, он говорит им прямо, чего хочет.

Не то чтобы я хотела быть одной из его побед на одну ночь. Как Кэт гребаная Вискер.

Грр! Блядь! Чертово дерьмо, я снова впустила Леандро в голову!

Больше никаких мыслей о Леандро.

— Просто... подумай об этом и дай мне знать, хорошо? — спрашивает Дэн.

Я должна сдерживать расстройство.

— Да, конечно.

Он нежно прижимается своими губами к моим. Я стремительно отступаю, не желая его целовать в данный момент, и делаю шаг по направлению к двери, доставая ключи из клатча.

— Позвоню тебе завтра, — говорит он.

— Тогда и поговорим.

Я закрываю за собой дверь и запираю ее. Затем прижимаюсь к ней спиной; сердце в груди бьется с невероятной силой, и я знаю, что не Дэн тому причина, а определенный, конкретный пилот-бразилец.

Глава девятая

ЛЕАНДРО

+ ЛОНДОН, АНГЛИЯ

ИДУ К МЕТРО, а в голове творится бардак. Я только что был на встрече с боссом команды в каком-то модном ресторане, где блюда настолько крошечные, что вышел оттуда я по-прежнему голодным.

Встреча была бессмысленной, потому что мне нечего было рассказать.

Я все еще прохожу лечение, и все еще не за рулем.

Они сказали то же, что и в прошлый раз. Если не возвращаюсь в следующем году, то вылетаю.

Я не могу злиться на них. У них бизнес, и прямо сейчас они платят пилоту, который не участвует в гонках.

Во всяком случае, они справедливы по отношению ко мне. Знаю, это благодаря преданности и уважению. Но дальше так продолжаться не будет.

Я был предупрежден в мягкой форме, что время сезона приближается очень быстро. Сейчас конец ноября. Гоночный сезон стартует в марте.

Мне необходимо вернуться за руль, и как можно скорее, или моя карьера будет

окончена навсегда.

Мое внимание привлекают мельком показавшиеся волосы цвета блонд. Из-за этого я сразу же начинаю думать об Индии.

Не то чтобы это было редкостью. Она занимает мои мысли все время.

Увидев ее прошлым вечером на свидании с этим придурком, я съехал с катушек. Все мои силы ушли на то, чтобы не удавить этого парня.

Понимание того, что он касается ее...

От одной только мысли руки сжимаются в кулаки.

Ну серьезно, что она в нем нашла? Само собой, он доктор, но он скучен до безобразия.

Я был рад сидеть от него подальше, так как мне не пришлось завязывать с ним беседу. Хотя было забавно наблюдать пытку Каррика, пока тот слушал его.

Это ему за то, что он является соучастником сведения меня с Кэт.

Господи, эта женщина словно осьминог. Ее руки были повсюду.

Не поймите меня неправильно. Я совсем не против, чтобы мой прибор обрабатывали руками, но не на виду у всех, а особенно не тогда, когда женщина, чьи руки я действительно хотел бы ощущать на своем члене, сидела рядом со мной.

После вчерашнего, если это не было очевидным для меня прежде, я был более чем уверен, что хочу переспать с Индией.

Много раз.

Просто нужно понять, как превратить это в действительность, и как заставить членоголового Дэна исчезнуть.

Боже, поверить не могу, что она встречается с таким нудным ослом. Плевать мне на то, что он доктор, и что он спасает жизни. Она заслуживает большего.

Тебя?

Нет. Она заслуживает лучшего, чем я, но я эгоистичный мерзавец, и когда хочу чего-то, то беру это.

Толкаю двери станции метро и буквально натыкаюсь на Индию.

— Упс, простите, — говорит она.

Ее взгляд опущен, она ищет что-то в сумке. Когда она поднимает глаза, я вижу, как в них проскальзывает удивление.

Затем ее губы растягиваются в широкой улыбке.

— Леандро.

Я быстро осматриваю ее тело. Она одета в облегающие джинсы, футболку и приталенный черный пиджак. Так она выглядит моложе.

И мой член сразу же наготове.

Я подступаю немного ближе, проникая в ее личное пространство.

— Индия. Прошлым вечером, а теперь этим утром. Если бы я не был благоразумным, то подумал бы, что вселенная пытается свести нас.

Она нервно бросает взгляд в сторону. Следуя направлению ее взгляда, я вижу стоящего рядом с ней мальчика, смотрящего на меня с любопытством.

В ту же секунду я понимаю, что это ее сын. У него такие же голубые глаза, как и у нее.

Она прочищает горло, как делает, когда ей неловко. Удивительно, как быстро я выучил ее мелкие привычки.

— Леандро, это мой сын, Джетт. — Она отступает на шаг, показывает мне парня.

Помню, вчера она говорила, что ему двенадцать. Парень довольно высокий для его

возраста. У меня рост 183 сантиметра, а он всего сантиметров на 15 ниже меня.

Он наклоняет голову набок, его глаза сверкают от взбудораженности.

— Вы Леандро Сильва. — Он кажется ошарашенным.

Она рассказывала, что ее сын — ярый фанат Формулы-1.

— Это я, — я улыбаюсь.

— Святое дерьмо! — Он бросает взгляд на Индию. — Ты знаешь Леандро Сильву? Откуда ты его знаешь? И почему ты мне не сказала, что знаешь Леандро Сильву? — Голос парня поднялся на децибел. У него мог быть высокий рост, но его голос пока еще не сломался, и пронзительные ноты привлекают некоторое внимание.

Я опускаю пониже кепку, которую ношу, натягивая ее до глаз. Я не против внимания, но прямо сейчас не хочу, чтобы люди навязывались, пока я нахожусь с Индией.

— Джетт, пожалуйста, не произноси слово «дерьмо». И не мог бы ты говорить на полтона тише? Люди начинают пялиться, — мягко смеется она.

Он быстро взглядом сканирует окружающую обстановку.

— Простите. — Она снова смотрит на меня. — Просто я ваш ярый фанат. *Большуций фанат.* — Он подчеркивает слова жестами.

— Хорошо, — я снова улыбаюсь ему.

Бросаю взгляд на Индию. Она кусает губы, выглядя немного более чем смущенной.

Да, это заводит меня. То, как она кусает губы, и как нервничает. В общем-то, в ней меня заводит практически все.

Сейчас та неловкая ситуация, когда никто не знает, что говорить. Джетт пялится на меня с благоговением, а его рот открывается и закрывается, будто у него сотня вопросов, но он не знает, с чего начать.

Я решаю заполнить пустоту.

— Пользуешься метро? — Это определенно тупейшее, о чем я мог спросить, учитывая, что они покидают станцию.

Ловко, Сильва, реально ловко.

На лице Индии появляется улыбка.

— Моя машина в гараже, — поясняет она. — Так что мы рабы общественного транспорта.

Еще одна неловкая пауза.

Положив руку на плечо Джетта, Индия говорит:

— Ну, нам нужно идти...

— Нет! — громко возражает Джетт. Его лицо сразу же краснеет. — То есть, мы идем пить кофе. Ну, я беру горячий шоколад, потому что, совершенно ясно, слишком молод для кофе. Но не хочешь ли ты пойти с нами? Можешь взять чай. Или горячий шоколад? Что бы ты, вообще-то, ни пил... — утихомиривается он, кажется, смутившись.

Ухмыляясь, я только размыкаю губы, чтобы заговорить, но у меня нет ни единого шанса.

— Уверена, у Леандро есть планы получше, чем идти и пить с нами кофе, Джетт.

Разве?

Бросаю на нее взгляд. В ее глазах есть нечто, что мне непонятно, но ужасно похоже на сомнение.

Я снова смотрю на Джетта и улыбаюсь.

— Вообще-то, не могу придумать ничего, чего бы мне хотелось больше.

Ладно, я включаю очарование, но говорю абсолютно серьезно. Прямо сейчас нет ничего

другого, чем бы я предпочел заняться, кроме того, чтобы быть с ней. А знакомство с ее ребенком — приятный бонус.

Снова смотрю на Индию, и у нас устанавливается зрительный контакт.

— Я бы выпил с тобой кофе с радостью.

От улыбки в ее глазах появляется теплота.

— Мы идем в «Старбакс». Тебе подойдет?

С тобой куда угодно, мне подойдет все.

— Идеально.

Я иду с ними до «Старбакса». Индия идет перед нами, а Джетт тем временем без умолка общается со мной о моих прошлых гонках. Я слушаю его, отвечаю на вопросы и заставляю себя не пялиться на задницу Индии, которая так притягательна в облегающих джинсах. Мне кажется немного неуважительным пожирать ее глазами прямо перед ее сыном.

Перед входом в «Старбакс» я выхожу вперед, чтобы открыть перед ней дверь.

— Спасибо. — Когда она говорит, то не смотрит мне в глаза, но я вижу румянец на ее щеках.

Джетт заходит внутрь, все еще общаясь со мной о гонках, и я иду за ним.

— Вы садитесь. Я принесу напитки, — говорю я им. — Горячий шоколад, Джетт? — перепроверяю я. — И черный кофе для тебя, Индия?

— Ты знаешь, какой кофе пьет моя мама? — голос Джетта пронзает воздух.

И улыбка на лице Индии застывает.

Когда смотрю на Джетта, то вижу, как он улыбается от уха до уха.

А парень не промах.

Но я лучше.

— Я купил ей кофе один раз. С тех пор помню. У меня прекрасная память. — Пальцем я стучу по голове. — Хочешь чего-нибудь к горячему шоколаду?

Бросая взгляд на витрину позади меня, он проговаривает:

— Хотелось бы черничный маффин, пожалуйста.

— Мы пойдем, найдем место, — говорит Индия, все еще выходя взволнованной.

Я присоединяюсь к небольшой очереди, наблюдая за ними, когда они занимают место в конце кофейни.

Делаю заказ, выбирая для себя черный кофе, и пытаюсь игнорировать пыливый взгляд служащей в надежде, что та меня не узнает.

У меня получается сделать заказ без проблем, и я несу все за столик. Опуская поднос на стол, передаю Джетту его напиток и маффин.

— Спасибо, — бормочет он, и сразу же откусывает от кекса.

— Спасибо тебе. — Индия улыбается мне, когда я ставлю перед ней ее кофе.

Она обхватывает чашку так, словно нуждается в тепле.

— Итак, мама говорит, что встретила тебя вчера на ужине. Ты был с другом, который является маминым пациентом.

Прежде чем снова посмотреть на Джетта, я бросаю взгляд на Индию.

— Это так, — киваю я в ответ.

— Он тоже пилот Формулы-1?

— Джетт! — мягко отчитывает его Индия, как может только мама.

Я смеюсь, смотря на Джетта.

— Прекрати приставать, — говорит она ему.

— Не спросишь — не узнаешь. — Он пожимает плечами и откусывает от маффина.

— А Джетт кое-что понимает, — произношу я, из-за чего Индия хмурит брови, вызывая у меня усмешку. — С моей стороны было бы неправильно говорить об этом с тобой, потому что это личное дело моего друга, — обращаюсь я к Джетту. — Но, отвечая на твой вопрос, нет, она не пилот.

— Она? Ты с ней встречаешься?

— Джетт! — голос Индии становится выше, а ее лицо краснеет.

Из-за происходящего я снова смеюсь. Обожаю видеть, как она краснеет.

— Мне жаль, — говорит мне Индия. — Обычно он не такой проныра.

— Именно такой, — отвечает Джетт.

Индия стреляет в него взглядом.

Я все еще смеюсь.

Мне нравится этот ребенок.

— Нет, я с ней не встречаюсь. Она замужем за моим другом, — говорю я.

— И хватит уже вопросов, — обрывает его Индия, прежде чем он успевает открыть рот.

— Ну и ладно, — произносит он обиженным тоном, поворачиваясь к ней лицом. — Но мне приходится спрашивать, потому что ты мне ничего не рассказываешь. Ничего, типа факта, что вчера вечером встретила Леандро Сильву.

— У меня не было возможности, — отвечает она рассержено. — Ты спал, когда я приехала домой.

— Могла бы рассказать за завтраком.

Я наблюдаю за ними с особым вниманием. Обычно Индия такая спокойная, на терапиях держит все под контролем, а сейчас она во власти двенадцатилетнего парня, который близок к тому, чтобы вывести ее из себя на моих глазах.

Мне захотелось подбить его на то, чтобы он рассказал мне свой секрет.

— Ладно! — Она вскидывает руки в воздух. — Хорошо. Прости, Джетт. Я могла бы рассказать все утром.

— Заметь, она сказала *«могла бы»*, а не *«должна была»*, — говорит он, ухмыляясь.

Ему определенно нравится выводить ее.

Индия выказывает раздражение, издавая непонятный звук, поднимает кофе и дует на него, как всегда делает перед глотком.

— Я просто дразнюсь, мам. — Джетт толкает ее плечом.

— Ты сводишь меня с ума, вот что ты делаешь, — посмеивается она добродушно.

— Итак... — Джетт снова обращает свое внимание на меня. — Ты купил маме кофе на ужине?

— Что?

— Вы познакомились на вчерашнем ужине, но ты говорил, что знаешь, какой кофе она предпочитает, потому что покупал ей его один раз.

Черт.

Этот парень слишком наблюдательный. Его не проведешь — ничего не забывает. Я был бы впечатлен, если бы тем, кого он подловил, был не я.

— После ужина, — присоединяется к разговору Индия. — В ресторане не было кофе, так что мы все пошли в кофейню, и Леандро купил мне кофе.

— А почему доктор Уныние не купил тебе кофе?

Я почти подавился. *Доктор Уныние?* Не зря мне понравился этот парень.

— Джетт! Мне правда хотелось бы, чтобы ты не называл его так. Клянусь Богом,

Кит... — бормочет она.

Что еще за Кит?

Джетт как будто читает мои мысли, потому что говорит:

— Кит — мой дядя, мамин близнец. Он зовет Дэна доктором Уныние, и мама это ненавидит.

— Я понимаю, из-за чего.

И имею в виду, почему ее брат называет Дэна доктором Уныние. Ничего более подходящего просто не придумать.

Думаю, ее брат мне тоже понравится.

Мы с Индией встречаемся глазами, ее брови взмывают вверх, а я не конкретизирую, что имею в виду.

— Итак, тебе нравятся гонки? — спрашиваю я у Джетта, возвращая свое внимание к нему.

— Обожаю их.

— Только Формулу-1 или какие-то еще?

— В основном Формулу, но картинг мне нравится тоже.

— Ты был когда-нибудь на Гран-при?

— Нет. — Он склоняет голову с грустью. — Мама говорит, что билеты слишком дорогие.

— Они действительно слишком дорогие. — Я мягко улыбаюсь, украдкой смотря на Индию, и ловлю на себе ее взгляд, на лице же у нее странное выражение.

— В общем, я могу достать тебе билеты на Гран-при на трассе Сильверстоун...

— Да! — Он возбужденно ударяет рукой по столу.

— Но только если твоя мама не против.

Поворачиваясь к Индии, он смотрит на нее в ожидании.

Она выдыхает.

— Я не против. — Она поднимает руки, словно сдается, но на ее лице улыбка.

Мне нравится ее улыбка, а то, что я делаю ее сына счастливым, добавляет мне кое-какие очки. И затем мне в голову приходит идея.

— Я тут подумал... Гран-при еще не скоро — опять же, если у твоей мамы не будет никаких возражений — завтра я иду на чемпионат по картингу. Вручаю там награду, оказываю другу услугу. Вы оба очень даже приглашены.

— Серьезно? — Глаза Джетта едва не вылезают из орбит.

— Абсолютно, — улыбаюсь я.

— Мам? — Джетт смотрит на нее выжидающе.

Индия смотрит на меня и качает головой, но я знаю, что она не взбешена, так как на ее губах появляется улыбка.

— Я поняла, что завтра, но где? — спрашивает она меня.

— Аэродром Шенингтон в Банбери. Примерно в часе езды.

— Мы можем поехать? Пожалуйста! Пожалуйста! — умоляет Джетт, складывая руки перед собой.

Она смотрит на него довольно долго. Я вижу, что она думает.

— Ну, не знаю, дорогой. У меня нет машины, а Кит завтра работает, так что я не могу

одолжить его...

— Тебе не нужна машина. Я отвезу вас обоих.

— Ты водишь? — спрашивает она с осторожностью в голосе.

Всегда психотерапевт.

— У меня есть водитель. Я богат и ленив, — смеюсь я, но это звучит жалко даже для моих ушей.

Естественно, она знает, почему я не вожу, но мне не хочется выглядеть никчемным в глазах ее сына.

Но он же фанат Формулы-1, так что наверняка слышал истории обо мне.

— Если бы я был тобой, то тоже сам не водил бы, — сказал Джетт, спиной прижимаясь к спинке кресла. — У меня был бы шофер, и я бы берег силы и себя для гонок.

Он либо не замечает очевидного, либо очень хороший парень.

Учитывая, кто его мать, я склоняюсь к мнению, что он хороший ребенок.

Сидя в ожидании, он обнимает Индию за плечи.

— Итак, мамочка, мы можем пойти? Пожалуйста...

Она смотрит на меня, а я, улыбаясь, пожимаю плечами. Откидываясь в кресле, хватаю кофе и делаю глоток.

Отпуская ее, он говорит:

— Ты должна сказать «да», ведь это будет самое грандиозное событие в моей жизни! И понимаешь ли ты, насколько круче я стану в школе, если скажу, что провел целый день с Леандро Сильвой?

— Уверен, что никаких проблем? — спрашивает меня Индия.

Провести день с тобой?

— Никаких проблем.

— Так это «да»? — уточняет Джетт у Индии.

— Это «да».

— Ура! — Он вскидывает кулак в воздух, запечатлевая поцелуй на щеке Индии.

Затем он уходит в телефон, вероятно, чтобы написать сообщение другу, либо обновить статус в Фейсбуке.

Перевожу взгляд на Индию и вижу, что она уже смотрит на меня.

«Спасибо», — произносит она одними губами.

В груди расплывается ощущение тепла, словно это какой-то секрет, который она рассказала только мне одному.

«Не за что», — отвечаю ей так же.

Глава десятая

ИНДИЯ

+ БАНБЕРИ, АНГЛИЯ

ЭТО ПЛОХАЯ ИДЕЯ.

Мне не следовало бы быть здесь, но не похоже, что я могла отказать, когда Леандро Сильва, один из героев Джетта, предлагал ему билеты на чемпионат по картингу. Лицо Джетта так светилось, что я стала бы отвратительной мамой, если бы сказала "нет", но если бы сказала "да", то стала бы мамой года. Кто может отказаться от шанса стать мамой года,

ну, правда же?

И у меня не было возможности пояснить Джетту, что было бы неэтично принимать билеты и проводить день с Леандро Сильвой из-за того, что он мой пациент.

Но, технически, билеты приняла не я. Их принял Джетт. Леандро дал их ему, а Джетт отдал второй билет мне.

Это мое логичное объяснение ситуации, и я решила придерживаться его.

Именно поэтому я на заднем сидении машины с Леандро, а Джетт находится на переднем рядом с водителем и управляет стереосистемой, хотя все это выше моего понимания.

Но мне действительно нужно мыслить здраво, потому что Леандро сейчас еще более очарователен, чем обычно, и в джинсах и черной футболке выглядит просто охренительно невероятно. И эти бездонные глаза, со взглядом которых я встречаюсь каждый раз... клянусь, они затягивают меня. И его акцент... Господи Иисусе, этот акцент. Каждый раз, когда он говорит, мне приходится скрещивать ноги. Но сидеть с ним на заднем сидении, изолированном из-за того, что Джетт поднял чертову перегородку, и не включать профессионализм... ох, как все это не хорошо.

И в то же самое время так хорошо.

Мне необходимо что-нибудь сказать, чтобы заполнить напряженную тишину.

— Спасибо за то, что пригласил Джетта, — говорю я единственное, что мне приходит в голову сказать.

— Ты уже говорила это. Пять минут назад. И сразу же, как я заехал за вами.

— Да?

Я делаю ошибку, смотря на него.

Муха попала в паутину.

— Говорила. — Его голос мягкий и соблазнительный.

Чтобы отвести взгляд в сторону, мне приходится приложить усилие. Сосредоточенно смотрю на виды за окном.

— Индия, все в порядке? Ты выглядишь нервной.

Я снова оглядываюсь на него.

— Нервной? Я не нервничаю. — Мой голос становится слишком высоким и сам за себя говорит о том, что я *очень даже нервничаю*.

— Нет? — Он наклоняет голову набок, и несколько прядей его мягких черных волос падает ему на глаза.

В пальцах возникает болезненное желание убрать их. Может, чтобы потрогать его волосы и убедиться в том, что они мягкие именно настолько, как мне кажется.

Я его психотерапевт. И я встречаюсь с Дэном.

Я сижу на своих руках.

— Ладно, может, я нервничаю самую малость.

— Почему? — Он облизывает губы.

Если бы я не мыслила здраво, то подумала, что он пытается меня.

Понимая, что и мои губы пересохли, я увлажняю их языком.

— Потому что... я твой психотерапевт. — Я понижаю голос до шепота, хотя и знаю, что Джетт не может меня слышать.

— И?

— И... — Я хмурюсь. — Неэтично общаться с тобой вне терапий.

— Неэтично проводить время со мной?

— Если это не касается профессиональной сферы — да.

— И это единственная причина, почему ты нервничаешь? — Он прожигает меня взглядом.

Нет, не единственная. Больше всего я нервничаю, потому что у меня сильнейшее желание поцеловать тебя прямо сейчас и узнать, такой ли ты потрясающий на вкус, как я думаю. И если бы Джетт не сидел на переднем сидении, то мне было бы невообразимо сложно удержаться в руках.

Боже, да что со мной? Почему я могу контролировать свои мысли в офисе, но не могу вне него?

— Конечно, единственная. С чего бы еще? — Мне приходится постараться, чтобы голос звучал нейтрально, и это правда очень трудно.

— Ни с чего. — Он отводит взгляд в сторону.

Я смотрю на свои руки.

С момента нашей встречи Леандро смотрел на меня с сексуальным подтекстом, и я знаю это, как и то, что он использует секс в качестве защитного механизма.

Он смотрел на меня так же, как и на любую другую женщину, которая казалась ему привлекательной, чтобы на какое-то время сбежать от действительности.

Но недавно его взгляд изменился.

Не знаю, как объяснить это, но он больше не смотрит на меня, как на очередной объект для траха.

Он смотрит на меня так, словно на самом деле хочет *меня*.

И это пугает до чертиков.

Потому что и я хочу его.

— Так почему бы тебе не воспринимать эту поездку как сеанс терапии, раз тебя это так беспокоит? — Его слова возникают из ниоткуда, и звучат они едко. Он кажется взбешенным. — Я могу говорить с тобой о том же самом дерьме, ну, знаешь, насколько моя жизнь отвратная, если тебе от этого станет легче находиться здесь со мной.

— Ты вырываешь слова из контекста, Леандро.

— Разве, доктор Харрис?

Он не называл меня доктором Харрис со дня нашего ознакомительного сеанса. Он все время зовет меня Индией.

И слышать, как он зовет меня доктором Харрис подобно тому, как если бы мою кожу царапали неровными ногтями.

— Ты сказала, что быть со мной здесь неэтично, так что я пытаюсь создать этичную обстановку.

Я выдыхаю.

— Что ты хочешь сказать?

— Разве это не моя реплика?

— Господи, Леандро! — говорю я резко, гнев берет надо мной верх. — Чего ты хочешь добиться от меня?

Он бросает на меня взгляд, его черные глаза смотрят сквозь меня, а его челюсть напряжена.

— Ничего.

Он отворачивается от меня.

— Мне жаль, что я поставил тебя в неловкое положение, подарив Джетту билеты. Следовало подумать об этом. Не похоже, что ты могла бы сказать ему "нет", как только я сделал предложение.

Он прав... и не прав одновременно. Мать во мне не могла сказать "нет", но доктору следовало. Джетт был бы в ярости, но пережил бы это.

Я сама поставила себя в такое положение.

Может, потому что часть меня хотела быть здесь с Леандро.

И, знаю, я обидела его, но не понимаю, как отмотать все назад.

— Слушай, прости. — Я дотягиваюсь до него и касаюсь его плеча. Как только я делаю это, то понимаю, что совершаю ошибку, ведь связь, которую я чувствую при прикосновении к нему каждый раз, увеличивается десятикратно.

Из машины как будто выкачали весь воздух, оставляя меня задыхаться. Сквозь футболку ладонью я чувствую его пульс, отчего моя кожа горит.

Не могу отвести от него глаз. Он так прекрасен.

Он кладет свою руку на мою. Указательным пальцем нежно скользит по коже, пока не достигает запястья, после чего обхватывает его и держит меня.

Его взгляд падает на мои губы. В его глазах я вижу огонь.

— Индия... — произносит он мое имя с придыханием.

Я практически теряю самообладание.

Практически.

Образумившись, вспоминаю, кто я, кто мы такие и где находимся, и отскакиваю от него, чтобы отвернуться и посмотреть в окно.

Я слышу его громкий вздох. Он расстроен.

Закрываю глаза от этого звука, и пальцами одной руки обхватываю другую, ту, на которой как будто бы остался несмываемый след от его прикосновения.

Мы не разговариваем с *того самого* момента, вы можете резать напряжение между нами ножом.

Поверить не могу, как близка была к тому, чтобы поцеловать его.

Как я дошла от того, чтобы быть его психотерапевтом до... чего конкретно?

Того, что хочу поцеловать его... и не только.

Он пациент, ради всего святого! О чем я, черт подери, думаю?

Неужели я допустила бы, чтобы это случилось? Я бы поцеловала его?

Тот факт, что я не могу дать быстрый и четкий ответ на этот вопрос, означает, что мне нужно бежать от него как от огня.

В поле зрения попадает вывеска с названием «Аэродром Шенингтон». Я выдыхаю с облегчением.

Мне просто нужно пережить этот день. Затем мы вернемся к исключительно профессиональным отношениям, и все будет в порядке.

Просто встреча с ним в пятницу во время ужина, вчерашнее случайное столкновение в метро, разговор за чашкой кофе после, а также то, как он прекрасно ладит с Джеттом, и, вообще, целый день с ним... все это приводит меня в смятение.

И не похоже, чтобы у Леандро были ко мне реальные чувства.

Он все время занимается сексом с разными женщинами. Может, и не в последнее время. Но ловеласом он был еще задолго до аварии.

Водитель въезжает на парковку.

Джетт выходит первым. Затем водитель открывает для меня дверь, я выбираюсь из машины, Леандро следует за мной.

— Потрясающее место! — Джетт обходит машину вокруг, на его лице возбужденное выражение.

Обожаю видеть его счастливым, как сейчас.

— Сюда, — указывает жестом Леандро.

Я иду позади, пока Джетт забрасывает его вопросами о сегодняшней гонке.

Вижу, как на него пялятся люди. Кажется, он не замечает, но наверняка он привык к постоянному вниманию.

Иногда я забываю, насколько он знаменит. Когда мы общаемся в моем кабинете, он просто Леандро.

За пределами моего кабинета он всемирно известный пилот Формулы-1.

Проходя через паддок, мы доходим до секции, где нас у двери встречает парень. Он здоровается с Леандро, пожимая ему руку. Затем открывает дверь, и Леандро сначала проводит Джетта и меня, и только потом проходит сам.

Здесь не так много людей. Наверно это закрытый сектор для наблюдения за трассой для картинга.

— Леандро, мать его, Сильва!

Я поворачиваюсь на мужской голос, разозленная тем, что тот произнес ругательство перед Джеттом.

Симпатичный, шатен, милая улыбка. Я знаю его, но не могу понять, откуда.

— Картер, как ты? — приветствует его Леандро, улыбаясь.

Они обмениваются рукопожатием и обнимаются по-мужски.

— Хорошо. А как ты после аварии? Знаю, что это то еще дерьмо...

— Нормально, — перебивает его Леандро, и голос его тотчас же становится жестким.

Картер смотрит на него какое-то мгновение с нахмуренными бровями. Затем на его лице возникает расслабленное выражение.

— Ну, рад это слышать. Но если нужно будет поговорить, ты знаешь, где меня найти. Нам нужно чаще видеться. И спасибо за услугу. Дети обожают тебя.

— Без проблем, — отвечает Леандро, небрежно отмахиваясь.

Взгляд Картера от Леандро переходит на нас с Джеттом, стоящих у него за спиной.

— Картер, это мой друг Индия и ее сын, Джетт. Джетт ярый фанат Формулы-1. Индия, Джетт — это Картер Симмонс.

Картер Симмонс. Теперь я вспомнила его.

Вспомнила аварию. Леандро и Картер были в одной команде, той, в которой Леандро является пилотом до сих пор.

Картер попал в аварию в первый же год. В этой аварии его левая рука была частично разорвана, из-за чего его движения стали ограниченными. Это был его первый и последний год. Помню, в новостях была сильная шумиха по этому поводу, ведь он был многообещающим молодым английским пилотом. Все на него возлагали большие надежды.

Трагично, что его карьера так быстро оборвалась, едва успев начаться.

— Фанат гонок, да? — обращается Картер к Джетту. — Ну, сегодня ты с легендой

гонок. Это, должно быть, довольно круто.

— Это так, — усмехается Джетт Леандро.

— Нравится участвовать в гонках?

— Я хожу на картинг, когда могу.

— И как ты, хорош?

— Ну, неплох. — Джетт пожимает плечами.

Картер улыбается.

— У меня предчувствие, что, вероятно, ты лучше, чем просто неплох. Тебе следует приходить иногда и пытаться кататься на трассе.

— Это было бы потрясно. — Джетт сияет.

— Круто. Итак, ребята, могу я принести вам чего-нибудь выпить? — спрашивает Картер.

— Черный кофе, пожалуйста, — прошу я, трясась.

Я оделась потеплее: в джинсы, джемпер и теплую куртку, — но меня все равно пробирает холод.

— Черный кофе. Сильва, ты что будешь?

— То же, что и Индия.

— Круто. Ну, Джетт, почему бы тебе не пойти со мной, чтобы стать дополнительными руками? Тогда я смогу представить тебя парням, участвующим в сегодняшних гонках.

Джетт смотрит на меня, проверяя, согласна ли я, и я улыбаюсь ему в ответ, подбадривая.

Он уходит с Картером.

— Хочешь присесть? — Леандро показывает на кресла рядом со смотровой зоной.

— Конечно.

Я подхожу и сажусь, Леандро устраивается рядом со мной.

Сейчас я так чувствительна к нему, но на самом деле не хочу этого.

— Итак, кажется, Джетт может сам себя развлечь, — говорит Леандро.

— Здесь он в своей стихии, — улыбаюсь я.

Вижу, как он наклоняется вперед, руками облакачиваясь на ручки кресла. Он смотрит, как карты на трассе делают прогревочный круг. Леандро издает звук, ужасно похожий на желание.

— Ты правда скучаешь по этому. — Это не вопрос. Я и так это знаю.

Он поворачивает голову ко мне и рукой подпирает щеку.

— Как я могу скучать по чему-то до боли, но в тоже время быть напуганным этим до ужаса?

— Обычно то, что мы любим, и пугает нас больше всего.

Прежде чем снова посмотреть на трек, он долго смотрит на меня.

— Как ты попал в мир гонок? — Я наклоняюсь вперед, размещая руки на подлокотниках рядом с его.

— Отец был чемпионом мира по ралли. Гонки всегда давались мне с легкостью. Начал я с ралли, но интерес к Формуле-1 был сильнее. Я хотел двигаться в этом направлении, и отец полностью поддерживал меня.

— Должно быть, он гордится тобой.

— Гордился. — В его улыбке кроется грусть. — Он умер. Сразу после первого моего года в Формуле-1. Сердечный приступ.

В груди все сжалось от боли за него, из-за его потери.

— Мне жаль.

— Это было давно. — Он пожимает плечами.

Хотелось бы мне, чтобы он этого не делал. Отмахивался так, словно это ничего не значит.

Когда я смотрю на него, то вижу, что его взгляд уже направлен на меня.

— Что? — спрашиваю я застенчиво.

— У меня есть вопрос, но мне страшно спросить. Не хочу пересечь границу этики.

Я смеряю его взглядом.

— Я же извинилась за эти слова. Но, строго говоря, это правда. Общение с тобой неэтично.

— Кто сказал?

— Совет Медицинских Профессий.

— Ой, да что они знают? — усмехается он.

Слишком много. Если бы они могли видеть меня сейчас, то рассердились бы и помахали перед моим лицом лицензией на практику.

— Ну и, в чем вопрос? — Знаю, что захожу на опасную территорию, но чувствую себя обязанной ему. И часть меня хочет дать ему ответ.

— Отец Джетта... где он?

Я мгновенно застываю. Мне приходится постараться, чтобы сглотнуть.

— Не рядом.

— Когда вы поженились?

— Это два вопроса. — Я улыбаюсь, так что пока не похожа на законченную стерву.

— Справедливо. — Он пожимает плечами и не давит на меня.

И из-за этого я хочу ответить.

— Мы не были женаты. Я была молода и наивна. Но, несмотря на эту наивность, я получила лучший подарок в жизни.

— Он чудесный ребенок.

— Он такой. — Я улыбаюсь.

— Ладно, у меня есть еще вопрос, последний.

Я бросаю на него взгляд, который заставляет его рассмеяться.

— Конечно. Почему нет? — Я отмахиваюсь небрежным жестом. Честно говоря, мне нравится общаться с ним вот так.

— Парень, с которым ты встречаешься. Ну правда, ты достойна большего.

Я хмурюсь оттого, что разговор ушел в неожиданное русло, и выхожу из себя.

— То же могу сказать о тебе.

— Что ты имеешь в виду? — В его голосе есть те же нотки самозащиты, что и в моем.

— Кэт Вискер. Ну, то есть, ты серьезно? — Я пытаюсь не закатить глаза. — Ты достоин лучшего, Леандро.

Откуда это взялось? Мне не следовало говорить это.

— Это говорит психотерапевт? — Его голос вдруг становится таким отстраненным, что я не могу его понять.

Говорю ли я ему это как психотерапевт?

Я уже знаю ответ на этот вопрос, и от этого по коже проносится тревожное покалывание. Несмотря на то, что скажу, я наврежу сама себе.

Делаю глубокий вдох и включаю профессионализм.

— Мне не следовало говорить этого. Это было необдуманно.

— Зачем ты делаешь это? — рычит он, вынуждая смотреть ему в глаза.

— Делаю что?

— Начинаешь это свое профессиональное дерьмо, когда сталкиваешься с вопросом, на который боишься ответить.

— Я не боюсь ответить, — огрызаюсь я.

— Тогда ответь мне честно. — Он бросает мне вызов словами и взглядом. — То, что ты сказала о Кэт, было сказано моим психотерапевтом или другом?

Я прикусываю губу, оттягивая ответ. Затем, сквозь сжатые зубы, бормочу:

— Как твой друг... наверное.

Я пытаюсь игнорировать удовлетворенную улыбку на его лице, но что-то грызет меня изнутри, из-за чего я не могу себя остановить и задаю вопрос.

— А то, что ты сказал о Дэне, будто он недостаточно хорош для меня? Ты сказал это как друг?

Он смотрит на меня очень долго.

— Нет, Индия, я говорил это уж точно не как твой друг.

Глава одиннадцатая

ЛЕАНДРО

+ БАНБЕРИ, АНГЛИЯ

«НЕТ, ИНДИЯ, Я ГОВОРИЛ ЭТО УЖ ТОЧНО НЕ КАК ТВОЙ ДРУГ».

Умный ход, Сильва. Почему я сразу не сказал ей, что хочу раздеть ее и трахать до тех пор, пока ни один из нас не сможет ходить?

Боже, я тотальный долбаный идиот.

После этого она была не особо разговорчива, так что по возвращению Джетта и Картера парой минут позже я испытал облегчение.

Индия абсолютный профессионал. Если мои слова о том, что ее парень недостаточно хорош для нее не выразили того, что я хочу ее, то моя ошеломляющая реплика сделала это.

Даже несмотря на то, что я справедливо полагаю, что она тоже хочет меня, она довольно нерешительная. Она боится пересечь этот барьер без уважительной причины.

Мне нужно быть аккуратным в своих стремлениях. Я не хочу оттолкнуть ее своей напористостью, ведь легко могу потерять ее.

А мне на самом деле не хочется упускать ее из своей жизни.

Гонка закончилась. Я вручил приз победителю. С виду кажется, будто Индия и Джетт хорошо провели день. Ну, Джетт-то точно. Парень полон энтузиазма. Пока мы возвращаемся к машине, он не может перестать говорить о картинге.

— И Картер сказал, что я могу приходить в любое время, мам. Разве не круто?

— Это замечательно, солнышко.

— Итак, когда я смогу прийти?

— Ну, мы можем кое-что обсудить с дядей Китом и выбрать день, чтобы ты мог вернуться.

— Круто. Я голоден. Можем захватить чего-нибудь пожевать?

— Ты всегда голоден, — дразнит Индия его.

— Я растущий мужчина.

— Мальчик... ты пока еще мальчик. И для меня ты всегда будешь ребенком. — Она обнимает Джетта, целуя его в щеку.

— Мам! Ты рушишь мой имидж.

— Прости. — Она ухмыляется, взлохмачивая его волосы.

— Мы можем поужинать по пути домой, если вы не против. — Я жду наполненный ужасом взгляд Индии, зная, что снова пересекаю черту, учитывая, сколько всего уже натворил сегодня.

И потому я совершенно сбит с толку, когда она говорит:

— Конечно. Было бы замечательно.

— Круто. Я знаю одно замечательное местечко, куда попрошу доставить нас.

Мы забираемся в машину.

Занимая переднее сидение, Джетт сразу же захватывает контроль над стереосистемой.

Мне на самом деле не приходилось проводить время с детьми, но Джетт мне понравился. Он классный ребенок.

Ему нравятся гонки, что значительно упрощает общение с ним.

Я только пристегнул ремень безопасности, когда Индия подсела ближе и сказала:

— Ты выглядел удивленным, когда я согласилась на ужин.

Она так близко, что я чувствую запах ее опьяняющего парфюма.

— Я и удивился. Мне казалось, что я, возможно, переступаю черту этичности. — Губы сжаты, я полу-пожимаю одним плечом.

На ее лице появляется едва заметная улыбка, она пересаживается на свою сторону сидения.

— Сегодня эта черта уже пересечена. Кому навредит небольшое продолжение?

Я пересеку любую черту, какую она только захочет. Пересеку и уйду настолько далеко от гребаной черты, к которой она приклеилась, что та станет для нее невидимой.

— Никому не навредит. — Я улыбаюсь самому себе, наблюдая за сменяющимися видами за окном.

Мы остановились поесть в пригородном пабе по дороге в Лондон.

— Стоит ли нам пригласить твоего водителя поесть с нами? — спрашивает Индия.

Вопрос вынуждает меня ухмыльнуться.

— Он не *мой* водитель, Индия. Я плачу компании, на которую он работает, чтобы меня подвозили тогда, когда мне это нужно. Он не возил меня до этого.

— Благодарю за детальное разъяснение. Но мне все равно не по себе от того, что мы собираемся есть, а он остается здесь.

— Ну, так спроси его, — посмеиваюсь я.

Она обходит машину и говорит с водителем, когда я вместе с Джеттом направляюсь к пабу.

— У нее пунктик касательно одиноких и брошенных, — говорит мне Джетт. — Наверно из-за ее работы.

— Водитель — брошенный? — Я смеюсь.

— Ха-ха, но она не может и мысли допустить, чтобы кто-нибудь чувствовал себя плохо, ну или чтобы был оставлен.

— Не самая плохая черта, — отвечаю я ему.

Он смотрит на меня в упор.

— Тебе нравится моя мама?

— Нравится ли мне она?

— Ты хочешь встречаться с ней? Потому что если хочешь, то я полностью согласен — совершенно очевидно.

Посмеиваясь, я качаю головой.

— Это... сложно.

— Из-за Дэна? У них не серьезно, так что никаких проблем.

Ага, из-за Дэна. Но он скорее мелкий раздражитель, чем проблема.

Нет, вся сложность в том, что она мой психотерапевт. И для меня это не проблема, но для Индии очень даже.

Останавливаясь у двери в паб, я оглядываюсь на Индию, наблюдая за тем, как она идет к нам.

— Но она тебе нравится?

Я смотрю на Джетта.

— Да... нравится.

— Круто, потому что я почти уверен, что ты ей тоже нравишься.

У меня нет возможности расспросить его, потому что Индия уже дошла до нас.

— Он не захотел присоединиться к нам. Он уже сыт, — оповестила она нас.

— Тогда только мы втроем. — Я тяну дверь паба, пропуская Индию и Джетта вперед.

Паб не забит. Судя по виду, всего несколько местных. Мы занимаем столик у окна в конце заведения. К нам подходит официантка, передает меню и принимает заказ на напитки.

— Я отойду в дамскую комнату, — ставит нас в известность Индия.

Мне приходится приложить усилие, чтобы не смотреть, как она уходит. Это сложнее, чем вы могли бы представить.

Официантка приносит напитки.

Для меня лимонад. Я делаю глоток и обращаюсь к Джетту:

— Итак, Джетт, тебе нравится картинг?

— Обожаю его. То есть, я получал от картинга удовольствие, когда катался с друзьями и дядей Китом, но никогда не задумывался над тем, что он может быть чем-то еще, кроме развлечения — ну, знаешь, о серьезном участии в гонках, как сегодняшние пилоты.

— С картинга начинают многие пилоты Формулы-1, — рассказываю ему я.

— И ты с этого начал? — спрашивает он.

— Нет, перед Формулой-1 я был раллийным гонщиком. Мой отец был чемпионом по ралли. — Удивительно, как легко мне говорить с Джеттом. У меня не так много опыта общения с детьми. Но он кажется зрелым для своего возраста. — Каррик Райан начинал с картинга.

— Думаю, я знал это. Он когда-то был чемпионом по картингу, верно?

— Да, был. Слушай, если тебе интересно углубиться в занятия картингом, я могу помочь. Ты можешь ездить здесь, на картодроме Картера, но недалеко есть еще много других неплохих мест. Каррик знает много площадок, и я уверен, он будет рад помочь.

Я не спрашивал, но не сомневаюсь в этом.

— Я и забыл, что ты дружишь с Карриком Райаном. Разве вы не были соперниками? — Заинтересованный, он наклоняется вперед.

— Для справки, мы до сих пор соперники, — смеюсь я. Думаю, наше с Карриком соперничество не закончится никогда, но сейчас это повод для шуток в противовес тому, как дерьмово мы обращались друг с другом прежде. — Сейчас мы хорошие друзья. После аварии Каррик и его жена, Энди, были рядом. Это было не обязательно, тогда мы еще не были близки, и их поведение показало мне, какие они на самом деле люди.

— Он кажется клевым.

— Он такой. Только не говори ему, что я такое говорил. Он будет мне напоминать об этом без конца.

Джетт смеется, прежде чем сделать глоток Колы через трубочку.

— Думаю, я хочу заняться картингом. Попробую и увижу, получится ли у меня.

— Круто. Тогда я помогу. Но только если твоя мама будет не против.

— Не будет, — говорит он уверенно. — Итак, авария была паршивой, да? Я смотрел телевизор, когда это произошло. На какое-то время ты умер, да?

Как этот парень умудряется задавать вопросы таким образом, что они ранят меньше?

— Было паршиво, и да, я умер на короткий промежуток времени.

— Наверно странно умереть вот так, а потом вернуться обратно к жизни, — размышляет он, жуя трубочку. — Когда ты умер, ты видел свет в конце тоннеля и прочее, о чем говорят люди?

— Никакого света. — Я качаю головой. — Честно говоря, я ничего не помню об этом моменте. Случается авария, затем пустота и я прихожу в себя в больнице.

Прежде чем он задает следующий вопрос, он делает короткую паузу.

— Как думаешь, ты когда-нибудь будешь участвовать в гонках снова?

Перед тем как ответить, я делаю глоток.

— Я хочу этого. И пытаюсь достигнуть цели.

— Я правда надеюсь, что ты вернешься. Когда я смотрел прошлый сезон по телевизору, мне не хватало твоих гонок.

— Ну, надеюсь, ты увидишь меня в следующем году, и на этот раз с трибуны Сильверстоуна.

— Это было бы потрясающе, — улыбается он.

— О чем вы говорите, мальчишки? — спрашивает Индия, возвращаясь за столик.

— О том, что я собираюсь заняться картингом. Леандро сказал, что поможет мне, если ты не будешь против.

Индия стреляет в меня взглядом. Я вижу в ее глазах материнскую тревогу.

— Это безопасно, на низких скоростях, — заверяю я ее.

— Ты правда хочешь заняться картингом? — спрашивает она Джетта.

— Да, думаю, я правда хочу этого. — Он улыбается ей.

— Я не говорю нет, но это дорогой спорт, Джетт. Тебе нужно серьезно отнестись к этому.

— Не так это и дорого, и тебе не придется покупать мне карт. Я буду брать его в аренду.

У Индии проблемы с деньгами? У нее хорошая работа, но Лондон — дорогое место для жизни, и она мать-одиночка.

Она долго смотрит на сына. Вижу, как работают ее шестеренки. Я хочу помочь ей, проявить заботу.

— Ладно, мы решим этот вопрос. Но не отнимай время Леандро. Он занятой человек.

Полагаю, это отстранение меня от попыток помочь.

Индия и ее гребаные этические правила выводят меня из себя. Сегодня она дико непостоянная. В одну минуту все хорошо, а в следующую она идет на попятную.

Как будто я делаю к ней всего шаг вперед и два огромных шага назад.

И меня посетила идея.

В общем, может, я не способен помочь Джетту с картингом, но есть кое-что, что я могу сделать для него.

Глава двенадцатая

ИНДИЯ

+ ЛОНДОН, АНГЛИЯ

— ТЫ В ПОРЯДКЕ? — Бросаю взгляд на Леандро.

Он выдыхает сквозь стиснутые зубы, словно колеблясь.

— Да... нет... да.

— Тебе не нужно делать это. Не сейчас. Не нужно, если кажется, что слишком рано.

Он смотрит на меня.

— Время против меня. Уже середина декабря. Мне нужно вернуться в кокпит через несколько недель, максимум через месяц, либо я больше никогда не буду участвовать в гонках. Прежде чем подступить к болиду, я должен быть в силах водить обычную машину. Меня уже тошнит быть психическим калекой, Индия. Я должен сделать это. — Он смотрит на меня глазами, полными отчаяния и решительности.

Отчаяние беспокоит меня.

— Я просто не хочу, чтобы ты торопился, Леандро, и отбрасывал себя на недели назад. Ты делаешь потрясающие успехи.

— И прогресс надо ускорить, срочно. Сейчас или никогда, Индия.

— Ладно. — Я киваю, принимая его желания. — Глубоко дыши. Может, ты и чувствуешь необходимость торопиться, но не обязательно делать это именно в данный конкретный момент. И помни, я здесь, с тобой. Ты не один.

Он одаривает меня мягкой благодарной улыбкой, и затем концентрирует взгляд на руках, сжимающих руль.

Мы в моей машине, которую я забрала из ремонта работающей лучше, чем прежде, даже несмотря на то, что это влетело мне в копеечку. Леандро непреклонен в своем желании повести ее. Так как на сегодня он мой последний пациент, я отвезла нас на большую парковку, которая, я знала, свободна в это время дня. Мне показалось это безопасным на случай, если он застынет за рулем.

— Я смогу.

— Ты сможешь, — уверяю я его. — Ты управлял машинами на таких скоростях, которые я и представить могу с трудом. Ты выжил в аварии, которая могла быть фатальной. Ты выживший. Ты сможешь.

Я касаюсь его руки, чтобы поддержать его, игнорируя всплеск энергии, возникший от

контакта с ним.

— Я смогу, — повторяет он.

Сфокусированный на лобовом стекле, он сжимает зубы и выпускает сквозь них воздух. Затем передвигает рычаг на первую скорость, и мы медленно едем вперед.

Я молчу. Мне нужно оставить это ему. Он знает, что, если я ему понадобится, я здесь, но ему нужно справиться самостоятельно.

Он едет немного быстрее, переключая скорости. Я смотрю на него очень внимательно, обнаруживая, что напряжение покидает его тело.

— У тебя получается, — говорю я мягко.

— Да, я делаю это. — В его дрожащем голосе слышится облегчение.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. — Он выдыхает, его губы трогает улыбка. — Я чувствую себя... действительно охрененно хорошо.

Через пару минут его разъездов по парковке я спрашиваю:

— Как думаешь, сможешь выехать на дорогу и проехаться там?

Он бросает на меня быстрый взгляд. На его лице нет выражения опасения.

— Смогу.

— Тогда почему бы тебе не поехать домой самому? Чтобы спасти меня от этой обузы, — улыбаюсь я.

— Только если ты зайдешь выпить, отпраздновать мое возвращение за руль.

Его глаза следят за дорогой, когда он выезжает с парковки на улицы.

Смотрю на его профиль.

— Наверное, не стоит.

— Снова границы этики, да? Так, значит, если психотерапевт выпивает за большой успех своего пациента, это против правил?

— Когда ты все обставляешь вот так, полагаю, нет. Но только стаканчик, и маленький. Мне потом еще ехать домой.

— Одного маленького стаканчика хватит.

Чувствую, как он жмет на газ, везя нас в самую гущу дорожного потока.

Леандро везет нас в район Мейфэр. Он отгоняет мою машину на парковочное место перед встроенным гаражом роскошно выглядящего дома. Он глушит мотор и смотрит на меня. Его глаза светятся.

— Ты сделал это. — Я улыбаюсь ему.

— Да, я смог.

В этот знаменательный момент чувствую внезапное стремление обнять его, и, кажется, он чувствует то же самое, потому что наклоняется над коробкой передач и обнимает меня, прижимая к себе.

От шока я замираю. Вот это, да еще его запах. Боже, как же хорошо он пахнет.

— Спасибо тебе, — шепчет он у моих волос.

От ощущения его дыхания на моих прядях, от его шепота у моей кожи я руками скольжу по его спине, обнимая его в ответ.

— Это все ты. — *Это мой голос звучит с придыханием?*

Он отклоняется назад, но не отпускает меня. Смотрит прямо мне в глаза, и я чувствую трепет.

— Нет. — Он мягко качает головой. — Я бы не смог сделать это без тебя.

Я не могу говорить. Его взгляд движется от моих глаз к моему рту.

Ох, Господи.

Думаю, он собирается поцеловать меня.

Я хочу, чтобы он поцеловал меня.

С колоссальным усилием я вырываюсь из его объятий и прочищаю горло.

— Итак, это твой дом? — Жестом я указываю на дом, который видно через лобовое стекло, и к которому пригвожден мой взгляд.

Я не могу смотреть на него. Не смею смотреть на него.

— Это он. — Его голос звучит жестче, чем обычно.

Слышу характерный щелчок открываемой им двери, побуждающий меня к действию. Я выбираюсь из машины. Он уже ждет с другой стороны авто. Иду к нему на шатающихся ногах. Сердце бьется со скоростью миля в минуту.

Используя пульт дистанционного управления, он блокирует замки на машине и отдает мне ключи. Своими пальцами он задевает мои, отчего по коже бегут мурашки.

О чем я думаю? Я его психотерапевт.

Он просто благодарен за помощь. И запутался, решив, будто хочет меня.

Зажав ключи в кулаке, я бросаю их в сумку.

— Спасибо, что доверила вести свою машину. — Он улыбается мне, направляясь к входной двери.

— Тебе не нужно благодарить меня. У меня не было никаких сомнений в том, что ты сможешь, — говорю я, следуя за ним. — Итак, как ощущения от вождения машины на дороге?

Он открывает дверь и включает в коридоре свет.

— Как только прошло начальное плохое предчувствие, все стало нормально. Я не говорю, что у меня нет мыслей об аварии, но я отгоняю их прочь и двигаюсь дальше. А затем я вспомнил чувство, которое всегда бывало у меня, когда я водил. Это было приятно. Но понимаю, что, когда выеду на трассу на болиде, все будет совсем иначе.

Я захожу в его дом и закрываю за собой дверь.

— Крошечными шажками. — Я мягко улыбаюсь ему. — И если тебе понадобится помощь на треке, дай знать. Я могу быть там.

Он делает шаг ко мне. Сердце начинает колотиться о грудную клетку.

— Ты бы сделала это?

— Да. — *Снова говорю с придыханием. Он твой пациент, Индия.* — То есть, само собой, это все часть лечения. — Я выпрямляюсь, меняя тон голоса.

— Ну, еще бы. — Он хмурится и создается впечатление, будто на его лицо упала тень. Он отворачивается и начинает идти вперед. — Что бы ты хотела выпить? — Его слова кажутся жесткими.

Чувствуя себя выбитой из колеи и смущенной, я снимаю туфли и иду за ним. Пока иду, задаю вопрос:

— Что у тебя есть?

— Я не храню алкоголь с тех пор, как сорвался, но у меня есть бутылка шампанского.

— Шампанское подойдет.

Я захожу на кухню. Она современная, вся встроенная мебель из гладкого белого материала, и только угловой стол серебристой расцветки.

— Ого. Милая кухня.

— Спасибо. — Он снимает куртку и бросает ее на табурет у кухонного островка. Затем пересекает кухню и из холодильника достает бутылку. — Тебе нравится готовить?

— Не очень, вообще-то. Просто нравится кухня. Это моя мечта. Хочу кухню, как у тебя, и чтобы кто-нибудь готовил мне. Тогда я могла бы сидеть здесь весь день и есть вкусную еду, рассматривая свою прекрасную кухню. — Я ухмыляюсь ему, и он улыбается в ответ.

Я снимаю куртку и сажусь на табурет у стола, оставляя одежду на коленях.

Леандро ставит два бокала для шампанского передо мной. Держа бутылку, он срывает с нее фольгу.

«Боллингер». Мило.

Он выгаскивает пробку без усилий.

— Впечатляюще, — говорю я, оценивая его способности по откупориванию.

— Годы практики на подиуме. — Он разливает напиток по бокалам.

— И их будет еще много впереди.

Он поднимает свой бокал.

— Остается надеяться.

Поднимаю свой бокал и чокаюсь с Леандро.

— Обязательно будут. Я уверена. — Делаю глоток шампанского. *Волшебно.*

— Знаешь, это первая выпивка на этой неделе. — Он облокачивается на стол.

— Мне не следует поощрять то, что ты пьешь.

Он усмехается.

— Я не алкоголик, Индия. Я использую алкоголь, чтобы мне стало лучше.

— Но не становится.

— Нет... но сейчас мне лучше. Благодаря тебе.

Я улыбаюсь из-за его слов.

— Леандро, все, что я делаю, — это слушаю и направляю.

— Нет, — он качает головой. — Ты делаешь намного больше. — Он ставит бокал на стол, уставившись на меня.

Внутри меня все переворачивается. Я отвожу взгляд.

— Ты голодна? — спрашивает он. — Я могу приготовить что-нибудь.

— Насколько бы аппетитно это ни звучало, мне нужно домой. Сегодня моя очередь готовить ужин. Я не могу оставить Джетта голодать.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я допиваю шампанское, ясно осознавая, что он наблюдает.

— Спасибо за выпивку. — Я соскальзываю с табурета.

Ноги кажутся ватными, и не из-за шампанского. Все потому, что передо мной стоит прекрасный мужчина. Я надеваю куртку.

— Прости, что вот так убегаю. — Я разворачиваюсь и иду из кухни.

— Не извиняйся. У тебя есть сын, к которому нужно ехать.

Пока я иду к входной двери, он следует за мной. Я чувствую его близость и его чарующий запах. Он сводит меня с ума.

Мне правда следует убраться отсюда, пока я не натворила глупостей.

Обуваюсь и поворачиваюсь к нему. Он намного ближе, чем я ожидала.

— Ну, думаю, увижу тебя через пару дней. — Убираю волосы за ухо.

— Увидишь.

Мы смотрим друг на друга, и я почти уверена, что только что посмотрела на его рот.

Время уходить.

— Ладно... в общем... — Нащупываю дверную ручку за моей спиной.

Он наклоняется ко мне. Я закрываю глаза и приоткрываю губы...

И слышу щелчок открываемого дверного замка.

Я поднимаю веки. Он смотрит на меня и на его лице тень удовольствия.

Боже.

Меня накрывает смущение.

— Увидимся через несколько дней, — бормочу я и мчусь оттуда во весь опор.

— Спокойной ночи, Индия, — кричит он позади.

Раскрасневшаяся, достаю ключи из сумки и забираюсь в машину.

Он стоит в дверном проеме и наблюдает за мной.

Завожу мотор и отъезжаю назад. Он машет на прощание, так что я быстро скидываю руку и сматываюсь оттуда.

Боже мой, как я унижена!

Я на самом деле решила, что он собирается поцеловать меня. И что намного хуже, я собиралась ему позволить.

Все вышло из-под контроля, я слишком много времени провожу с ним вне наших лечебных сессий.

Мне нужно обуздать себя и вернуться к тому, с чего мы начинали. Психотерапевт и пациент.

К моменту, когда через двадцать минут паркуюсь в нашем крошечном гараже за машиной Кита, я уже спокойна и мыслю более рационально.

Я психотерапевт. Ничего не может быть и не случится у нас с Леандро.

Мне нужно выбросить из головы это красивое лицо и игнорировать то, что я чувствую, находясь рядом с ним — словно я возбужденный, сексуально неудовлетворенный комок — а также смотреть на него, как на прочих моих пациентов.

Захожу в дом.

— Я дома, — кричу я.

Нет ответа.

Прежде чем поискать домашних на кухне, бросаю сумку в коридоре и сбрасываю туфли. Выглядывая в окно, вижу, что дверь гаража открыта. В саду на заднем дворе у нас есть старый гараж, так как наш дом выходит на широкий переулок. Мы используем его лишь для хранения хлама.

Открывая заднюю дверь, босая выхожу в сад. Слышу возбужденный голос Джетта, который разговаривает с Китом.

— Эй, что вы там делаете? — Я заглядываю в гараж.

Затем вижу его.

— Это то, о чем я думаю? — Захожу внутрь. — Это... карт?

Джетт улыбается от уха до уха.

— Именно. Новенький, самый лучший.

— И откуда он взялся?

Я не глупая. Знаю, сколько он стоит. По большому счету, благодаря просмотру цен на них в Сети прошлой ночью после того, как Джетт рассказал мне, что хочет заниматься картингом. Они стоят около трех тысяч долларов.

— Я прикатил его примерно час назад, — поясняет мне Кит.

— И кто купил его? Прошу, не говори, что ты. — Я шурюсь, смотря на Кита.

Еще в прошлом он был прекрасно осведомлен о моем отношении к импульсивным подаркам Джетту.

— Не я, — он выставляет руки вперед, защищаясь, но на его лице появляется самодовольная ухмылочка. — Но, думаю, один бразильский гонщик питает слабость к моей сестре.

— Что? — Слова звучат сдавленно.

— О, еще какую слабость. Вчера он сказал мне, что ты ему нравишься, — заявляет Джетт.

— Прости. Что? — Я устремляю взгляд на сына.

— Я вчера спросил у Леандро, нравишься ли ты ему, и он ответил, что все сложно, но ты ему нравишься.

Что?

Кит смеется гортанным смехом.

— Ну, мне кажется, ты нравишься ему очень сильно, раз он раскошелился на карт твоему сыну стоимостью две штуки фунтов, чтобы только впечатлить тебя.

— Его купил Леандро? — выдавливаю я. Знаю, что он, но мне нужно, чтобы это произнесли вслух.

— Об этом говорится в бумагах о доставке. — Кит передает документы мне.

Я всматриваюсь, не в силах поверить. Голова сейчас взорвется.

Поверить не могу, что он сделал это.

— Он купил Джетту карт. Я не могу... то есть... зачем? — Я смотрю на Кита, будто он знает ответ.

— Думаю, это довольно очевидно, Инди. — Он приподнимает бровь, одаривая меня понимающим взглядом.

Делаю шаг назад. Кажется, я не могу дышать.

— Это... неправильно. То есть, просто... я не могу... — Взглядом встречаюсь с Джеттом. — Ты его не оставишь. — Я пальцем указываю на нарушающий все правила карт и от выражения подавленности на лице Джетта чувствую, словно меня ударили ножом в сердце.

Это все вина Леандро! Как он смеет покупать моему сыну карт, даже не обсудив это. Не то чтобы я позволила ему сделать это.

О чем он, черт подери, думал?!

Внутри меня разрастается гнев, подобно вулканическому извержению.

Я мну документ о доставке, поворачиваюсь на пятках и марширую прочь.

— Вернусь через полчаса. Начинайте ужинать без меня, — кричу я им.

— Куда ты? — кричит мне Кит в ответ.

— Еду запихивать эту бумагу в задницу одному пилоту!

Я врываюсь в дом, обуваюсь, хватаю ключи от машины, выбегаю, направляясь к авто, и отправляюсь туда, откуда только что приехала.

Глава тринадцатая

ЛЕАНДРО

✚ ЛОНДОН, АНГЛИЯ

Я ТОЛЬКО ВЫШЕЛ ИЗ ДУША, как услышал звонок вперемишку с долблением п входной двери.

Схватив пару пижамных штанов, я быстро натягиваю их и сбегаю по лестнице.

— Ладно. Иду я. Иду! — кричу я тому, кто непрерывно молотит по двери и не оставляет звонок.

Смотрю в глазок, чтобы увидеть, кто это.

Индия. И она не выглядит счастливой.

Черт. Карт, должно быть, доставили сегодня.

В мыслях проносится бывший пару дней назад разговор с Карриком.

— Райан, мне нужно купить карт. Какое место лучше?

— Зачем? Думаешь сделать шаг назад в карьере?

— Смешно. Это не для меня.

— А для кого?

— Для друга.

— Этот друг совершенно случайно не один психотерапевт, которого мы оба знаем?

— Следишь за мной, Райан?

Он смеется.

— Не нужно быть гением, чтобы понять это. Докторша говорит нам, что у нее есть одержимый Формулой-1 ребенок. Ты отводишь его посмотреть гонки по картингу. На следующий день я получаю звонок, во время которого ты спрашиваешь меня, где лучше всего купить карт. Слушай, а вообще-то, тут нужно быть гением. Черт подери, да я хорош в подобных вещах.

— Ты придурок.

— Привлекательный придурок. Заметь.

— Ты уродливый ублюдок. А теперь скажи мне, где достать гребаный карт.

— Слушай, если серьезно, уверен, что купить ее ребенку карт хорошая идея? Может, ты и хочешь ее трахнуть, но она твой психотерапевт. И это экстравагантный подарок.

— Я покупаю его не ей, а Джетту. И подарок совсем не экстравагантный.

— Сказал как настоящий ребенок богачей. Поверь мне, женщине ничто так не говорит «я хочу тебя трахнуть», как покупка ее ребенку карта стоимостью три штуки баксов.

— Слушай, ты сможешь достать мне карт или нет?

— Ты же знаешь, что помогу. Только с одним условием: можно я буду там во время доставки, чтобы увидеть ее реакцию?

Да, покупка карта — не лучшая идея.

Ненавижу, мать его, когда Райан прав.

Хотя прямо сейчас не могу признать, что был неправ. Мне придется идти до конца.

Собираясь с силами, я отпираю и отворяю дверь.

Боже, она выглядит великолепно. Ее щеки покраснелись от холода. Легкий ветер задувает ее волосы так, что они хлещут ее по лицу. Она рукой убирает их назад.

Ее взгляд немедленно падает на мою нагую грудь. Зрачки расширяются, а глаза наполнены совершенно очевидной похотью.

Она хочет меня.

Мне приходится скрывать ухмылку, которая так и рвется наружу.

— Ты мокрый, — говорит она с придыханием.

Ну, я вроде как надеюсь, что и ты, детка, тоже, и именно потому ты здесь.

— Я был в душе.

— Ох. Ну да... — Ее взгляд все еще сосредоточен на моей груди.

И даже если бы я был счастлив позволить ей пялиться на меня хоть весь день, мне нужно знать, пришла ли она сюда из-за покупки карта или потому, что случилось какое-то чудо, и она хочет поблагодарить меня.

Я правда-правда надеюсь на второй вариант.

— Индия, я тебе зачем-то был нужен?

Кажется, она приходит в чувство.

— О, да, был... то есть до сих пор нужен! — Она поднимает глаза, чтобы посмотреть на меня, и похоть исчезает, чтобы на замену ей явились ярость и гнев. — Что это значит? — Она тычет мне в лицо какими-то бумагами.

Когда она в ярости, то выглядит еще красивее.

— Что значит *что*? — спрашиваю я, забирая бумаги и просматривая их.

Документы о доставке карта.

— Карт, Леандро. Зачем ты купил моему сыну карт?

Началось...

— Потому что Джетт сказал, что хочет в этот спорт. Обладание собственным картом сильно упростит задачу.

Она смотрит на меня широко распахнутыми глазами.

— Разве ты не видишь, как дико неуместно покупать моему сыну карт?

Я скрещиваю руки на груди.

— Нет. Я на самом деле не вижу здесь проблемы.

— Не видишь проблемы? — визжит она, сильно жестикулируя. — Я твой гребаный психотерапевт! Вот в чем проблема!

Я оглядываюсь вокруг, проверяя, чтобы никто ничего не слышал. Не хватало мне только распространения подробностей моей личной жизни.

— Понятно, что ты в бешенстве, но я бы предпочел, чтобы ты не орала о моей жизни на улице. — Мой голос низкий и озлобленный. Теперь я вышел из себя.

На ее лице мелькает выражение вины.

— Мне не стоило говорить этого... я... прости. — Она кажется кающейся.

— Заходи. Поговорим там. — Я отхожу в сторону, пропуская ее, и закрываю за ней дверь.

Теперь мы лицом к лицу в моей едва освещенной прихожей. Она прижимается к стене, руки скрещены на груди, я же прислоняюсь к противоположной стене.

— Слушай, я знаю, ты пытаешься сделать приятное, Леандро... но я твой психотерапевт. И было бы неправильно принимать твой подарок.

Уверен, часть ее гнева испарилась, но другая его половина все еще в ней, кипит под ее распаленной кожей.

Отчасти, мне снова хочется разозлить ее. Мне нравится гневающаяся Индия. Тогда она сексуальна, как сам ад.

— Я покупал его не для тебя. Я купил его для Джетта.

— А Джетт мой сын. Было бы... — рукой она проводит по своим волосам, выпуская тяжелый выдох, — неэтично принимать его.

Это слово взрывается в моей голове.

— Господи Иисусе! Мне осточертело слышать это слово! Я сделал подарок, Индия. Прими его. Или нет. Мне начхать. Но прекрати бросать мне в лицо это твое этическо-психотерапевтическое дерьмо! Ты говоришь, что покупать подарок неэтично. А это лишь верхушка того неэтичного, что я хочу сделать с тобой.

Я слышу ее резкий вдох. Как будто положили мягкую ладонь на член.

Ее взгляд снова полон похоти, ее красные губы слегка раскрылись.

Боже, я хочу поцеловать ее. Трахнуть ее...

Я отхожу от стены и делаю шаг к ней.

— Прямо сейчас я хочу встать на колени, спустить твои трусики и показать тебе, насколько неэтичным может быть мой язык.

— Т-ты не можешь говорить мне такие вещи, — заикается она.

— Не могу? — Склоняю голову набок и делаю еще шаг по направлению к ней. — Итак, значит, ты не хочешь кончить от моего неэтичного языка или быть оттраханой моим неэтичным твердым членом? Потому что он твердый. Очень твердый из-за тебя... и для тебя. — Поверх пижамы я ладонью накрываю свой член.

Ее взгляд устремляется к моей руке: она наблюдает, как я себя трогаю.

— Н-нет. — Ее голос кажется слабым, неподвластным ей.

Я знаю, что она имеет в виду не это.

— Лгунья. — Еще шаг. — Ты хочешь меня так же, как и я тебя. Просто ты боишься признать это из-за той ереси, что выстроила у себя в голове.

Она молчит.

Я принимаю ее молчание за приглашение.

Делаю последний шаг и прижимаюсь к ней всем телом. *Ощущать ее невероятно.*

Она дрожит. И от этого я чувствую невероятную силу.

Пальцем провожу по ее щеке.

— Ты такая чертовски красивая, Индия. *Eu quero você.*

(Прим. пер. *Eu quero você* — «Я хочу тебя» на португальском).

Она закрывает глаза, и я не колеблюсь ни секунды. Беру то, чего хочу, пленяя ее рот своим.

Ее губы раскрываются мне навстречу с хриплым стоном, и я пользуюсь этим, углубляя поцелуй, проскальзывая к ее языку своим.

Она пока не касается меня, но это неважно. Она целует меня в ответ, и прямо сейчас только это имеет значение.

Рукой я обхватываю ее крошечную талию, притягивая ее к себе, и коленом скольжу между ее ног.

Она раздвигает их с рычанием, впуская меня, и руками обнимает за шею. Она целует меня, сильно. И в этот момент поцелуй становится мокрым и сумасшедшим.

Руками, хватая ее за задницу, я отрываю ее от пола, спиной прижимая к стене.

Мой твердый, как скала, член прижимается к ее жару. Я чувствую ее влажность сквозь пижамные штаны, и от этого, черт подери, слетаю с катушек.

Я целую ее бездумно, как хотел того с самой первой встречи.

Пальцами она скользит по моим волосам, хватая их и тянет, посасывая мой язык.

Не могу дождаться, когда смогу ощутить эти губы на моем члене.

На вкус она невероятная, сладкая. Но могу спорить, что ее киска еще слаще.

Мне необходимо попробовать ее. И тогда я собираюсь провести всю ночь, забурившись глубоко в нее.

— Я собираюсь трахать тебя всю ночь напролет, Индия.

Я чувствую, как ее тело застывает.

Затем:

— Стоп, — задыхается она, руками упираясь в мою грудь. — Нам нужно остановиться.

Что? Нет.

Она толкает меня в грудь, переставая обхватывать мою талию ногами, из-за чего мне не остается ничего, кроме как отпустить ее, давая опуститься на пол.

Скользя по стене, она отходит от меня, создавая между нами нежелательное расстояние.

Ее губы припухли от моего поцелуя, а помада размазана вокруг. Прическа взъерошена, а грудь вздымается от желания. Никогда не видел ничего прекраснее. И тот факт, что она уходит, когда мы еще не начали, обескураживает.

Никогда я не чувствовал себя более расстроенным от потери чего-либо.

— Индия...

— Нет, Леандро. Я доктор... психотерапевт. Я давала клятву... дерьмо. — Ее глаза наполнены слезами.

Их вид уничтожает меня.

— Индия... прошу... — Я тянусь к ней, но она отступает.

— Нет. — Она делает глубокий вдох. — Это, — она машет рукой между нами, — не может повториться... никогда.

Затем она вылетает из моего дома и забирается в машину. Игнорируя мои просьбы остаться, она уезжает прочь.

А я стою, задаваясь вопросом, если бы я не сказал ни слова, разрушив момент, пошла ли бы она до конца, позволила ли бы обладать ею?

Глава четырнадцатая

ИНДИЯ

+ ЛОНДОН, АНГЛИЯ

О, БОЖЕ.

Я закрываю лицо руками.

Что я наделала?

Как допустила подобное?

Но он был только из душа, весь мокрый, с потрясающим запахом и обнаженной грудью, демонстрируя небольшое количество черных волос, шесть кубиков и выразительные мышцы косоугольного пресса!

У него косые мышцы пресса в виде буквы V!

И он говорил со мной на португальском.

Португальском!

Как мне было противиться?

На то, чтобы успокоиться, ушла вся дорога до дома, и понадобилась вся сила воли,

чтобы не развернуться и не вернуться для того, чтобы он закончил то, что начал. На удивление, по возвращению домой я все еще сама не своя.

Кит знает, что со мной что-то не так.

Джетт не разговаривает со мной, потому что я сказала, что карт придется вернуть.

И я поцеловала Леандро Сильву.

Я поцеловала пациента.

Ох, Боже.

Я со стуком роняю голову на кухонный стол. Слышу мягкий смех Кита, когда он заходит на кухню.

— Вина? — спрашивает он.

— Виски, — отвечаю я.

— Ох-ох. Должно быть, все плохо, раз ты перешла на виски.

Я поднимаю голову и вижу, как он из буфета достает бутылку «Джека» «на непредвиденный случай» и два чистых стакана.

Садясь на стул напротив меня, он наливает выпивку в оба стакана и толкает один ко мне. Я поднимаю его и пью до дна, наслаждаясь ощущением жжения в горле.

Он смеется. Поднимает бутылку и наполняет мой стакан снова.

— Хочешь поговорить об этом?

Наши взгляды встречаются.

— Я в дерьме, Кит. По-крупному.

— В последний раз, когда ты так говорила, ты была беременна Джеттом, и в итоге все закончилось хорошо. — Он тычет в потолок, указывая на комнату Джетта, расположенную прямо над кухней. — Даже более чем хорошо, если не считать ухабистой дороги, которая вела к этому.

Он ссылается на отца Джетта. Единственное, за что я могу быть благодарна тому мужчине, так это за прекрасного мальчика наверху.

— Ты имеешь в виду опасный, каменистый и неровный путь?

Он мягко посмеивается.

— Слушай, что бы то ни было, Инди, оно не может быть хуже того, через что ты уже прошла. Ты знаешь, что можешь рассказать мне все. Я не осужу.

— Я поцеловала Леандро Сильву. Точнее, я позволила ему поцеловать меня, после чего поцеловала в ответ.

— И проблема в... докторе Уныние? — спрашивает он, приподнимая стакан и делая глоток.

— Нет. Ну, да. Но нет.

Черт! Дэн! Поверить не могу, что ни разу не вспомнила о нем. Это говорит только об одном. С Дэном нужно кончать.

Кит смотрит на меня очень долго, а затем в его глазах я вижу озарение.

Он медленно ставит выпивку на стол.

— Он твой пациент. — Это не вопрос.

Но я отвечаю рычанием и лбом снова упираюсь в поверхность стола.

Кит руками обхватывает мою голову. Затем поднимает ее со стола и заставляет посмотреть на него.

— Приму это как «да».

Высвобождая голову из его рук, я сажусь и спиной прижимаюсь к спинке стула. Я

выдыхаю.

— Да.

Он хмурит брови, выражая беспокойство.

— Это нехорошо, Инди.

— Я знаю! — огрызаюсь я и тотчас же жалею. — Прости, — обращаюсь к нему.

Он кивает.

— Что это значит?

— Это значит, что если в Совете Медицинских Профессий узнают об этом, я потеряю лицензию на практику. А если он заявит о нарушении профессиональной этики... по меньшей мере я буду осуждена. В худшем случае... сяду за решетку.

— Леандро расскажет?

— Не думаю... но я нарушила правила. Не просто правила. Клятву как психотерапевта, Кит. Я должна рассказать Совету сама, признаться прямо сейчас.

— И потерять все, ради чего столько работала, из-за одного поцелуя с мужчиной, который был обо всем предупрежден?

— Все не так просто. — Я роняю голову на руки. — Он мне нравится... — Я приподнимаю голову, взглядом встречаясь с Китом. — Я такая же, как Пол.

В его глазах вспыхивает злость.

— У тебя нет ничего общего с этим куском дерьма. Тебе было пятнадцать, когда он начал... физические отношения с тобой. Ты была маленькой. Приемным. Нуждающейся во внимании, уязвимой. А он был гребаным воспитателем. Ничего такого с Леандро ты не проделала. Он взрослый мужчина с положительным нажитым жизненным опытом и стабилизировавшейся карьерой.

Я медленно качаю головой.

— Может, все это и так, но если бы он был на сто процентов здоров, то я бы не лечила его.

— Никто из нас не здоров на сто процентов, Инди. И ты знаешь об этом. Ты можешь мне сказать, с чем помогаешь ему?

Я пальцем вывожу линии по деревянному столу.

— Ты же знаешь, что не могу.

— Кажется мне, ты уже нарушила правила, когда пошла к Леандро Сильве, так что если расскажешь мне, вряд ли сделаешь хуже. Я правда могу помочь.

Делаю глубокий вдох. Я могу довериться Киту. Знаю, что могу. Ненавижу нарушать обещания, данные пациенту, но мне нужна помощь.

— После аварии... он страдает от ПТСР. Он не может сесть за руль, чтобы водить машину. Не способен участвовать в гонках. Я ему помогаю справиться вот с этим.

— Ладно... — кивает он. — Еще какие-нибудь сопутствующие зависимости?

— Он пил, но завязал достаточно легко. Он напивался, чтобы забыться, и использовал секс со случайными женщинами, чтобы почувствовать себя лучше.

— Звучит как описание практически любой современной знаменитости, — усмехается Кит.

— Не смешно, Кит.

— Верно, не смешно. Но он не сломленный в худшем понятии этого слова. Он страдает после кошмарной аварии, которая лишила его того, что он любил, и ему нужна помощь в обнаружении способа вернуться к тому, что было.

— И этой помощью стала я. Он доверился мне и ошибочно принял это за нечто иное. И из-за моих собственных к нему чувств я позволила этому случиться.

— Ты всегда слишком строга к себе, Инди. Судя по тому, что ты говоришь, он очень даже способен принимать решения сам. А ты не воспользовалась им.

Я одариваю его взглядом, в котором прекрасно написано все, что я думаю о его заявлении.

— Это неправильно, Кит. — Я ладонями тру глаза.

— Если бы ты не была его психотерапевтом, и он был бы тем же мужчиной с теми же проблемами, это не было бы неправильно.

— Не было бы, но я его психотерапевт, в том-то и дело. Боже, как бы мне хотелось, чтобы все было проще.

— Жизнь сложна настолько, насколько усложняешь ее ты сама. И не выбрасывай свою карьеру на помойку всего лишь из-за одного поцелуя с мужчиной, который точно знал, на что шел.

Я поднимаю стакан и встаю из-за стола.

— Спасибо, Кит. За то, что слушаешь... и помогаешь. — Я целую его в макушку, когда прохожу мимо. — Я собираюсь подняться. Принять душ и подумать. Мне нужно все это переварить.

— Не будь слишком жесткой по отношению к себе, Инди. Ты всего лишь человек.

— Но я психотерапевт и должна быть благоразумной.

Бережно прижимая стакан к груди, я поднимаюсь вверх. Заглядываю к Джетту, когда прохожу мимо его комнаты. Он спит в своей постели, а телевизор все еще включен. Я выключаю его. Поцеловав сына в лоб, я выхожу из его комнаты и закрываю за собой дверь.

Иду в свою спальню и сажусь на край кровати.

Мне нужно позвонить Дэну и порвать с ним. Мне противно, что я обманула его. Он хороший мужчина, но совершенно ясно, что он не предназначен для меня. Думаю, глубоко внутри я всегда это знала. Но хотела хорошего, безопасного парня.

Не импульсивного пилота.

Боже, почему я всегда предпочитаю неправильного мужчину?

Допивая виски для храбрости, я набираю номер Дэна.

Он отвечает после второго гудка.

— Привет.

От звука его голоса мне становится плохо.

— Привет.

— Как ты?

— Хорошо. Слушай, Дэн, можешь говорить?

— Подожди... — Я слышу, как открывается и затем закрывается дверь. — Теперь могу. Все в порядке?

— Вообще, не очень.

— Индия?

— Мы больше не можем видеться.

— Ты серьезно?

— Прости.

Он тяжело выдыхает.

— Почему?

— Просто...

— Если собираешься сказать «дело не в тебе, дело во мне», то можешь повесить трубку прямо сейчас.

Из глаз проливаются слезы.

— Ты мне нравишься, Дэн. Правда. Просто я не чувствую искры... и я... у меня есть чувства к другому. Мне правда очень жаль.

Его молчание мучительно.

— И ты трахалась с этим другим? — наконец резко спрашивает он.

Его слова удивляют меня, потому что прежде я его таким не слышала.

— Нет, конечно, нет! Он поцеловал меня, но я прекратила это. Затем пришла домой и позвонила тебе.

— Кто он?

— Я... это не имеет значения. Мне так жаль.

— Ну, не зря, так и должно быть. Прощай, Индия.

И линия умирает.

Я падаю на кровать, закрывая лицо руками.

Когда моя жизнь превратилась в такой бардак?

Когда я встретила Леандро Сильву.

Так не может продолжаться, я не могу накручивать себя и дальше. И не могу заниматься его лечением, не после того, что случилось сегодня.

Я могу сделать лишь одно.

Я собираюсь передать его другому психотерапевту и вырезать его из своей жизни — безвозвратно.

Рукой я обхватываю живот, сдавливая боль от похороненных глубоко во мне мыслей.

Глава пятнадцатая

ЛЕАНДРО

 ЛОНДОН, АНГЛИЯ

— ТЫ ТАМ В ПОРЯДКЕ?

Руками я сжимаю руль. Я смотрю на Каррика, стоящего снаружи машины у двери со стороны водительского сидения.

Кивая ему, я опускаю визор на шлеме с щелчком.

— Нормально.

— Я в твоём ухе. Говори со мной, если понадобится. — Он пальцем стучит по наушнику, который будет нашей соединяющей связью, когда я буду на трассе.

Я киваю еще раз, не отводя взгляда от дороги.

Он стучит по крыше машины и идет к зоне пит-стопа, чтобы наблюдать за мной.

Мы в «Сильверстоуне». Я за рулем машины Каррика: «Бугатти Вейрон Супер Спорт». Это будет мое первое возвращение на трек с момента аварии.

С того раза, когда я водил машину Индии, во мне росла потребность вернуться сюда.

На следующее утро я арендовал машину, так как хотел продолжать водить. Моя тачка все такая же раздолбанная после того, как я разнес ее, так что она была на станции технического обслуживания для починки.

Последние несколько дней я ездил кругами самостоятельно по несколько часов подряд, укрепляя в себе уверенность. Ездить одному рискованно, но для меня это огромный подвиг.

Я выезжал на шоссе, чтобы ощутить скорость, но она была недостаточной, и тогда я понял, что пришло время вернуться на трассу.

Даже несмотря на то, что я принял решение вернуться на трек, меня все еще пугала сама мысль об этом.

Я хотел позвонить Индии, но не мог.

Тогда я позвонил Каррику, и вот мы здесь.

Честно говоря, я мог использовать абсолютно любую машину. Просто мне нужно было хоть чье-нибудь присутствие.

Я правда хотел, чтобы это была Индия, но я не говорил с ней со среды, когда мы с ней поцеловались. А сейчас уже суббота.

Я пытаюсь дать ей свободу, возможность прийти ко мне самой. Я надеялся, что она покажется до этого момента. Промчавшиеся мимо дни оставили не самый приятный отпечаток, но я знал, что атаковать ее с пушками наперевес и требовать поговорить со мной не лучшая идея, и совсем не поможет в этой дерьмовой ситуации.

К Индии нужен осмысленный и осторожный подход.

Утром в понедельник у меня сеанс терапии, так что если до этого ничего от нее не услышу, то пообщаюсь с ней на встрече.

И мы уж точно поговорим. Если не больше.

Теперь я уверен, что она хочет меня, так что ничто не остановит меня. Она может отрицать и говорить, что ничего не будет, но все произойдет.

Химия между нами зашкаливает. Прежде я не испытывал ничего подобного и не собираюсь отступать. Я чувствовал ее тело, касаясь его руками. Видел, как она отзывалась. Ничто не может препятствовать такому желанию, сколько бы она ни старалась.

Я поворачиваю ключ и завожу мотор. Вибрации через машину достигают меня. По рукам бегут мурашки. Сердце колотится словно бешеное. Во рту пересохло.

Я моргаю, когда меня атакует внезапно накативший страх.

Ограждение приближается.

Дым. Я чувствую его в носу. Ощущаю его на языке, подобно наждачной бумаге.

Боль в костях.

Прекрати.

Это было в прошлом.

Молния не бьет дважды в одно место.

Разве что ты чертовски невезучее чмо.

Я истерично смеюсь.

— Ты в порядке? — раздается в ухе голос Каррика.

— Да. Просто осознаю, насколько же я жалкий придурок.

— Тебе следовало понять это годы тому назад, — смеется он. — Все хорошо?

Я выдыхаю.

— Да.

Дрожь распространяется от плеч до кистей. Я сдавливаю руль, заставляя себя успокоиться.

Хорошо, что я не взял свой болид для участия в Формуле-1. Так и знал, что пока не готов. Мне нужно обвыкнуться, снова научиться контролировать машину на высоких

скоростях и чувствовать себя при этом комфортно. «Бугатти» Каррика подходит для этого идеально.

Начинаю выезжать на трек, как до этого делал миллион раз. Ничего не происходит.

Глубокий вдох и выдох.

И я понимаю, что мои руки больше не трясутся.

Чувствую, как по венам разливается чувство самодовольства.

Контроль. В этом все дело.

Мне просто нужно сдерживать свой страх и справляться с ним. Если я в чем-то и хорош, так это в контроле. В этом я преуспел. Он как чертов афродизиак для меня.

Я включаю первую передачу.

Дышу.

Один... два... три...

Плавно отпуская сцепление, я давлю на газ и улетаю вперед.

До ста километров за ничтожный промежуток времени.

Эта машина умеет двигаться.

Сто шестьдесят.

Сердце начинает колотиться о ребра.

Страх и адреналин.

На углу, который мне нужно проехать, вижу ограждение.

Руки снова трясутся. Пот стекает по лицу.

Не прогори, Сильва.

Думай о чем угодно, кроме аварии.

Индия.

Ее вкус. Ее идеальный рот. Как она обнимала меня, обхватив талию ногами, когда я целовал ее.

Ослабляя нажим на газ, я ухожу в поворот. Возвращаясь на прямую трассу, я давлю на газ, слегка увеличивая скорость.

Стрелка обратно стремится к сотне.

Сто сорок.

Сто шестьдесят.

Две сотни.

Звук разрушения металла, превращающегося в обломки, так чертовски реален.

Я бью по тормозам.

Это нереально. Нереально.

Это только в моей голове.

Думай об Индии.

Как она будет выглядеть голой. О ее ощущениях, пока я буду трахать ее.

Я снова давлю на газ, разгоняя машину до двух сотен.

Больше. Мне нужно развить большую скорость.

Я могу.

Я давлю чуть сильнее.

Двести двадцать.

Сердце колотится, и я не могу успокоить его.

Прекрати бороться и используй адреналин, чтобы подтолкнуть себя к большему.

Представь, как трахаешь Индию. Эта машина — ее тело. Как жестко я собираюсь

объездить ее. До каких пределов собираюсь ее довести.

Двести шестьдесят.

Нагибать ее всеми возможными способами. Трахать ее жестко и быстро на каждой поверхности в своем доме.

Три сотни.

Моя голова между ее ног, и я вкушаю ее, заставляя выкрикивать мое имя.

Триста двадцать.

Индия на коленях у моих ног, и мой член между ее пухлыми губками.

Триста сорок.

Кончаю в нее. На ее грудь. На ее лицо. Покрывая каждую часть ее тела своей спермой.

Триста пятьдесят.

Я, блядь, делаю это.

Раскрывая губы, я выдыхаю, стекающий по ним пот попадает прямо в рот.

— Триста пятьдесят! Ты, мать твою, сделал это! — раздается в моем ухе восторженный голос Каррика. — Итак, значит ли это, что ты вернулся, Сильва?

Я делаю довольно глубокий вдох, выдыхая гораздо медленнее.

— Да, — усмехаюсь я. — Я определенно вернулся.

Прежде чем вернуться, делаю еще пять кругов.

Каррик машет мне, на его лице улыбка от уха до уха.

Выбираясь из машины, я стягиваю шлем, балаклаву и провожу рукой по пропитанным потом волосам.

— Ты там выглядел потрясающе, — говорит он.

— И чувствую себя охренительно прекрасно. — Закрывая дверь машины, я поворачиваюсь к нему.

— Думаешь, в следующий раз сможешь так же на болиде?

Бросая шлем, спускаю комбинезон до талии, футболка прилипла к коже. Мне жарко благодаря все еще проносящемуся через мое тело адреналину.

— Да, думаю, да. — Как только произношу это, то чувствую сомнение, но быстро подавляю его.

— На следующей неделе? — спрашивает Каррик.

— Нет, завтра. Не хочу терять время. Хочу вернуться и приступить к тренировкам. — Я едва могу оставаться спокойным. Все тело пульсирует.

— Пора бы. Некоторое время у меня не было достойной конкуренции.

— Я надеру тебе зад в следующем сезоне. — Я смеюсь, протягивая ему ключи от машины. — Какие планы? — спрашиваю я его. — Может по пиву?

Чувствую, что мне нужно заняться чем-нибудь. Прямо сейчас идти домой не вариант.

Чего я на самом деле хочу, так это трахаться, но не буду искать случайной связи, чтобы спустить пар.

Единственная, с кем я хочу спустить пар — Индия.

— Не могу. Нужно поехать домой и переодеться. У нас ужин с моим отцом. Почему бы тебе не присоединиться к нам?

— Нет, но спасибо. — Я машу ему, скрывая разочарование.

Оуэн Райан не относится к моим любимчикам. Не то чтобы я скажу об этом Каррику, но думаю, что его отец — полный козел.

— Есть занятие получше? Или кто-то получше? — Он ухмыляется, приподнимая бровь.

Каррик знает, что я поцеловал Индию. Обычно я не распространяюсь о личной жизни, но знаю, что могу доверять ему.

— Не-а.

— От нее до сих пор ни слуху, ни духу?

— Ага. Даю ей время изменить мнение.

— Думаешь, поменяет?

— Поменяет, — говорю я с усмешкой. — Знаю, что поменяет.

— Ну, держи меня в курсе. — Он начинает уходить, двигаясь к «Бугатти». — Дай знать, когда наконец пригвоздишь хорошую докторшу.

Смеясь, я качаю головой ему в ответ.

Поднимаю шлем и направляюсь на парковку к арендованной машине. Бросаю шлем на заднее сидение и еду домой принять душ. Паркую взятый напрокат «Мерседес» на подъездной дорожке и захожу в дом. Поднимаю почту с коврика и двигаю на кухню. Откладываю всю почту на стол и замечаю, что на верхнем письме стоит печать офиса Индии.

Я разрываю конверт. Внезапно сердце пробивает несколько неровных ударов.

Глазами сканирую письмо.

*«Дорогой мистер Сильва,
кажется, больше я не могу лечить Вас. Во вложении направление к другому психотерапевту.*

С наилучшими пожеланиями на будущее.

Искренне,

Ваш доктор, Индия Харрис».

Руки напрягаются, комкая письмо.

Она выбрасывает меня из своей жизни, словно я ничего не значу.

Ага, конечно же, откажусь я так, блядь, просто.

Хватая ключи от машины, я хлопаю дверью и с письмом в руке уношусь из своего дома.

Глава шестнадцатая

ИНДИЯ

✚ ЛОНДОН, АНГЛИЯ

ДВЕРНОЙ ЗВОНОК РАЗРЫВАЕТСЯ именно тогда, когда я собираюсь понежиться ванной. Со вздохом я натягиваю халат, перевязываю его на талии и поворачиваю кран, останавливая бегущую воду.

Кит и Джетт сегодня не дома. Они смотрят игру «Челси» с «Манчестером Юнайтед» на стадионе "Олд Траффорд", так что ночевать остаются в отеле, из чего следует, что этой редкой ночью я предоставлена только сама себе.

Мой план состоял в расслаблении в ванной с бокалом вина и жалостью к себе из-за всего, что произошло с Леандро.

Я говорила с коллегой, доктором Сандерс, который, как мне кажется, прекрасно

справится с лечением Леандро. Он прекрасный эксперт в области ПТСР, и согласился взять Леандро к себе в роли пациента. Так что я поручила Сэйди отправить Леандро письмо с пояснением о прекращении его лечения.

Было ли больно отправлять ему письмо?

Еще как больно, словно обжечься адом. Но я знаю, что это единственное правильное решение.

Сейчас же мне остается зализывать раны и двигаться дальше.

Интересно, получил ли Леандро письмо? Уже должен был.

И в голове мелькает мысль. *Вдруг за дверью он?*

От этого я ускоряюсь. Сбегаю по лестнице.

Достигая двери, смотрю в глазок.

Это он.

Меня пронизывает страх и приятное возбуждение.

Он снова терроризирует звонок.

Отступая от двери на шаг, я проверяю, чтобы халат был запахнут плотно. Делаю глубокий вдох, отпираю замок и открываю дверь.

Господи Боже.

Он в гоночном костюме, сидящем низко на его талии, и в закрывающей его великолепную грудь облегающей черной майке.

Внезапно у меня возникает невообразимое желание затащить его внутрь и стянуть эту майку с его тела.

Само собой, я этого не делаю, но мое тело среагировало на него, и определенный сценарий уже проигрывается в моей голове на повторе. Соски напряглись, а внутри все скрутило.

Я скрещиваю руки на груди.

— Что ты здесь делаешь?

Он делает шаг вперед, и в его взгляде тьма, вынуждающая меня отступить назад.

— Пришел, чтобы отдать тебе чертово письмо. — Он разрывает бумагу и бросает ее к моим обнаженным ногам. — Я его не принимаю.

Я приподнимаю подбородок, смотря ему прямо в глаза.

— У тебя нет выбора.

— Нет? Еще посмотрим.

Он двигается так быстро, что я едва успеваю следить за ним. Хотя я и не пошевелилась. Он заходит в дом, захлопывает дверь, поворачивается ко мне и пригвозждает меня к стене.

— Како... — Я не заканчиваю предложение, потому что он своим ртом накрывает мой.

Я сопротивляюсь ровно ноль целых ноль десятых секунды. Затем руками запутываюсь в его волосах и целую его в ответ так, словно от этого зависит моя жизнь.

— Где Джетт и твой брат? — спрашивает он быстро и резко, почти не отрываясь от моих губ.

Я едва способна отвечать, но каким-то образом справляюсь с собой, чтобы сказать:

— На футбольном матче. На выезде. Дома не ночуют.

Он издает низкий гортанный звук.

Затем целует меня снова, жестче, агрессивнее. Он сжимает меня сильнее и языком проникает в мой рот. Его поцелуй наполнен страстью и гневом.

Никогда прежде меня никто так не целовал.

Мне это нравится.

Боже, как он прекрасен на вкус. И приятно пахнет. Смесью пота и машин.

У него запах настоящего мужчины.

Не раздаётся ни единого слова. Лишь голодные поцелуи, тяжелое дыхание и сжигающее желание.

Рукой он скользит под халат и дотрагивается до бедра, продвигаясь вверх. Когда он касается внутренней части бедра, я раздвигаю ноги, давая ему знать, что жажду его прикосновений там. Обнаружив, что я нагая, он рычит. И пальцем проскальзывает к моей влажности.

Лбом он упирается в мой. Когда я открываю глаза, то встречаюсь с его взглядом, томным и чувственным.

Затем этим пальцем он входит в меня. Я испускаю стон настолько громкий, что должна бы смутиться, но этого не происходит. Я слишком далеко зашла, чтобы беспокоиться.

Другой рукой он распоясывает халат. И оголяет мое тело, отодвигая шелк в сторону. Глазами он пожирает мою обнаженную грудь. Он выдыхает с таким удовлетворением, что этот звук действует на меня, как его палец во мне. Он кладет руку на одну из грудей. Сжимая ее, он перекачивает сосок между большим и указательным пальцами.

Мои глаза закрываются от блаженства, создаваемого его пальцами. Вставляя еще один, он становится грубее, запястьем ритмично давя на клитор.

Мне нужно, чтобы он оказался во мне.

Я приступаю к его одежде. Хватаясь за костюм, я расстегиваю молнию и спускаю ткань вниз по его бедрам.

Нетерпение берет над ним верх, и он сдается. Вытаскивая из кармана кошелек, он достает оттуда презерватив. Зажимая его в зубах, он сбрасывает обувь. Затем снимает спецовку и отбрасывает ее подальше. После чего следуют его шорты и майка.

Наконец он предстает передо мной абсолютно голым. Во всей своей идеальной красоте.

Он словно бог в чистейшем понимании этого слова.

Вытаскивая презерватив из стиснутых зубов, он надрывает упаковку.

Я почти уверена, что хнычу от желания.

Он ухмыляется и, прикусив резинку, пристально смотрит на меня сквозь длинные черные ресницы; должно быть, это самое сексуальное явление, когда-либо открывавшееся моему взору.

Никогда еще я в своей жизни не была такой мокрой и готовой для мужчины.

Он опускает презерватив вниз, и я тотчас же взглядом следую за его руками. Я беззастенчиво пялюсь на то, как он раскатывает резинку по его впечатляющему члену. И в объеме тоже.

Твою мать. Интересно, войдет ли он.

Некоторое время у меня не было мужчины.

Но я отчаянно хочу его, от желания аж дрожу, так что он войдет идеально, несмотря ни на что.

Презерватив надет, Леандро снова прижимает меня к стене и губами находит мои губы.

И за все это время мы не сказали друг другу ни слова.

Кажется, мне нужно сказать что-нибудь, что угодно.

— Я порвала с Дэном. — Слова вырываются с придыханием.

Его глаза темнеют, но он молчит. Руками он подхватывает меня под ягодицы и,

приподнимая, без колебания вколачивается в меня одним быстрым движением.

— Леандро! — кричу я.

Но от него не слышно ни словечка, никакой передышки, никакого времени привыкнуть к его размеру, потому что он начинает меня трахать так, словно только этого и хотел.

Словно он хочет именно меня.

Им завладел первобытный инстинкт, его мысли заполнены лишь необходимостью трахаться.

За всю свою жизнь я ни разу не была настолько заведена.

Ногами я обхватываю его талию. Ногтями впиваюсь в его спину. Он утробно рычит и начинает иметь меня жестче, пригвождая меня к стене. Он не отрывается от меня, целуя с невыносимой страстью.

Мной никогда так не овладевали, так грубо, сильно и глубоко. Он трахает меня практически неистово, и я хочу его так же жаростно.

В это мгновение мне кажется, что я принадлежу ему, только ему одному.

Я чувствую, как приближаюсь к оргазму, когда его член задевает ту заветную область внутри, одновременно безжалостно раз за разом ударяясь о мой клитор.

— Леандро... — стону я. — Я сейчас... кончу...

Наконец, он говорит:

— Да. Кончай, детка. Сожми мой член своей тугой киской.

Выходя из меня полностью, он вдалбливается с невероятной силой. От этого и от звука его голоса, его слов, возносящих меня за грань, я кричу ему, Богу и любому, кто может нас слышать.

— Черт... Индия... — хрипит он. — *Porra, estougozando...*

(Прим. пер. *Porra, estougozando*— «Черт, я кончаю...» на португальском).

Головой он упирается в изгиб моей шеи, и я чувствую пульсацию его члена во мне.

Когда он, кончая в меня, говорил на своем родном языке, я чуть снова не дошла до предела.

И вот он стоит, головой склонившись к моему плечу, обнимает меня крепко-крепко, а мы все еще иногда вздрагиваем, не отойдя от ощущений.

Затем мы просто молчим; два потных тела соединяются самыми важными на данный момент органами, и пока наши сердца бьются о грудные клетки, мы пытаемся восстановить дыхание.

Я влюбляюсь в него.

Нельзя.

Я не могу допустить этого. Слишком многое на кону.

Работа... Я не просто люблю свою работу, я еще и пахала на износ и жертвовала слишком многим, чтобы стать такой, какая я есть. Мне нужен мой заработок. Нужно заботиться о сыне и оплачивать счета.

Реальность охлаждает мой пыл.

— Леандро...

— Не нужно... — Он приподнимает голову и смотрит мне прямо в глаза. — Не разрушай это, Индия.

Я сглатываю, несмотря на боль в груди, зная, как следует поступить.

— Я должна. Прости. — Руками я упираюсь ему в грудь, нежно отталкивая его прочь.

— Господи Иисусе... — рычит он, закрывая глаза.

Затем он поднимает веки и ставит меня на ноги, выскальзывая из меня. Лишившись его, я ощущаю рану куда более глубокую, чем ожидала. Испытывая мучительную боль, я сдерживаю слезы, запахиваю халат и перевязываю пояс, наблюдая за тем, как он озлобленно надевает всю свою одежду обратно.

— Тебе нужно уйти, — говорю я ему шепотом.

Глава семнадцатая

ЛЕАНДРО

+ ЛОНДОН, АНГЛИЯ

ЭТО, БЛЯДЬ, НЕВЕРОЯТНО!

Она хочет, чтобы я ушел.

В другой ситуации я бы испытал облегчение. Хотя прежде такого и не бывало. Обычно женщины умоляют меня остаться.

Но не она, не та единственная, которую я хочу, — как раз она хочет, чтобы я ушел.

— Уйти? Ты, блядь, издеваешься надо мной? — кричу я, неспособный выразиться иначе.

Она качает головой. Ее глаза блестят от слез, кажется, она вот-вот заплачет.

Видеть ее такой... причиняет боль и приводит в смятение, черт бы все подрал.

Если отталкивать меня для нее так мучительно, то зачем все это?!

— Индия... зачем ты делаешь это?

Я тянусь к ней, но она отдергивается от моего прикосновения.

Руки сжимаются в кулаки, прижимаясь к бокам.

— Я должна.

Ярость и расстройство берут надо мной верх.

— Должна? Почему? Объясни мне это, потому что, я, блядь, не понимаю! Совершенно ясно, что ты хочешь меня, но при этом просишь уйти? И не говори, что это, твою мать, потому что ты мой психотерапевт. Больше это не так, помнишь? — Пальцем я указываю на пол в направлении валяющегося разорванного письма.

— Может, я больше и не твой психотерапевт, но была им. Это важно.

— Для кого?

— Для Совета Медицинских Профессий... и для меня. Ты был моим пациентом. Я лечила тебя. Это никуда не денется только из-за какого-то письма. Если люди узнают, что я сплю с бывшим пациентом, со мной будет покончено. Если Совет получит подобную информацию, я потеряю лицензию на практику.

Беря под контроль раздражение, я пытаюсь смягчить голос и спрашиваю:

— Сколько нужно времени, чтобы ситуация нормализовалась — для нас?

— Этого не произойдет никогда.

Гнев возвращается вновь.

— Это гребаный бред! — рычу я.

— Нет, такова правда. Я злоупотребила своими полномочиями. Стала тем, что презирала. — Слеза скатывается по щеке. Она вытирает ее. — Я доктор, психотерапевт... у которого только что был секс с человеком, которого я лечила.

— Иисусе, Индия. — Я тру лоб в замешательстве. — Я не какой-то чертов ребенок, не

знавший, что он делает. Я взрослый мужчина и знаю, на что иду, и чего хочу. И хочу я *тебя*.

Руками я хватаю ее за плечи, не давая пошевелиться. Смотрю ей в лицо до тех пор, пока она не сдастся, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Я хочу тебя, — повторяю я. — Не только сегодня. Хочу быть с тобой. Хочу, чтобы были *мы*.

— Я не могу...

— Слушай...

— Нет. Ты слушай.

Она пытается вырваться, но я не отпускаю ее. Если отпущу, то знаю, что не верну ее.

— Может ты и взрослый мужчина и контролируешь себя, но когда я встретила тебя, ты был в паршивом состоянии и в некотором роде ты все еще проходишь лечение. У меня есть влияние на тебя, на твое восстановление.

Я вперился в нее взглядом.

— Люди влияют друг на друга каждую секунду каждого дня. Это совсем не значит, что они не могут быть вместе.

— Но эти люди не давали клятву, как это сделала я.

Мое тело застывает и становится негибачаемым от раздражения. Как об стенку горох. Она не хочет меня слышать.

— То есть, став доктором, ты также стала долбаной монашкой?

— Нет, это значит, что я не могу трахать пациентов! — резко говорит она.

Мои руки падают вдоль тела. Она закрывает лицо. Я наблюдаю за ней, слушая ее прерывистое дыхание.

Она медленно убирает руки от лица и смотрит на меня. Я вижу то, что она скажет, раньше, чем слова срываются с ее губ, и мои внутренности скручиваются.

— Мне жаль, Леандро, но это было ошибкой. — Она произносит все это шепотом, но мне кажется, будто она кричит. — Я воспользовалась тобой. Мне так жаль. — Руками она обхватывает живот, ее глаза застилают слезы.

В этот момент у меня возникло ощущение, словно я потерял что-то, но настолько ослеплен гневом, что из-за него не могу ясно видеть.

— Ты не использовала меня! — взрываюсь я.

— Можешь мне поверить. Я знаю, что ты используешь секс как способ сбежать от проблем.

Из-за ее слов я внезапно почувствовал себя замаранным, бессловесным. Мне ненавистно, что она может меня заставить так себя чувствовать.

Я стискиваю зубы и говорю:

— Использовал — в прошлом времени, Индия, и ты знаешь это лучше кого-либо. С тобой я занимался сексом потому, что хотел... тебя я хотел.

— Нет, тебе только так кажется, но это не так. Просто ты нашел во мне опору.

— Чушь!

— Нет. Это правда. Просто пока ты не понимаешь этого. Но со временем поймешь.

— Прекрати говорить со мной так, словно я гребаный ребенок, Индия! Я пришел к тебе на сеанс не потому, что склонен к суициду или не контролирую собственную жизнь. Я пришел к тебе за помощью, потому что мне нужно было вернуться за, мать его, руль!

— У тебя было, то есть до сих пор есть посттравматическое стрессовое расстройство. Выпивка и секс были для тебя способом совладать с собой. Ты был в паршивом положении.

— Не настолько паршивом, как ты думаешь.

— В твоей голове рисуются разные картины, потому что ты думаешь о том, о чем хочешь думать.

Я от раздражения взъерошиваю волосы руками.

— Я знаю, что я чувствую, и не в пациенто-терапевтическом смысле. Я хотел тебя с первого взгляда, еще до того, как узнал тебя. И, да, ты помогла мне, но ты не забиралась мне в голову и не меняла образ мыслей. Я хочу тебя, потому что хочу *тебя*. И других причин нет. — Я ладонями обхватываю ее лицо. — Я хочу тебя, — повторяю я мягко.

Закрывая глаза, она делает короткий вдох.

На какое-то мгновение я подумал, что она моя, но лишь пока она не открыла глаза, и я не увидел в них отречение.

— Прости, Леандро. В свое время ты поймешь, что я права. Покончить с этим всем — правильно.

Я потерял ее.

Ощущение такое, словно грудь прошила пуля.

— Ты так, блядь, ошибаешься, и со временем ты поймешь это! — Я делаю шаг назад, отступая, и разворачиваюсь.

— Карт... — начинает она, дергая меня.

Я останавливаюсь, но не поворачиваюсь. Не могу смотреть на нее. Слишком больно. В груди как будто кошмарное кровотечение из образовавшейся там из-за нее дыры.

— Делай с ним, что хочешь. Продай и отдай деньги на благотворительность. Мне, блядь, похер.

— Мне жаль, — шепчет она за моей спиной.

— Ну да, я уверен в этом. — Мои слова пропитаны сарказмом.

Я дергаю дверь и торможу. Достая из кошелька карту и бросаю ее на столик в коридоре.

— Если Джетт до сих пор хочет заниматься картингом, позвони этому парню. Он поможет Джетту начать.

Я рискую взглянуть на нее.

Она плачет.

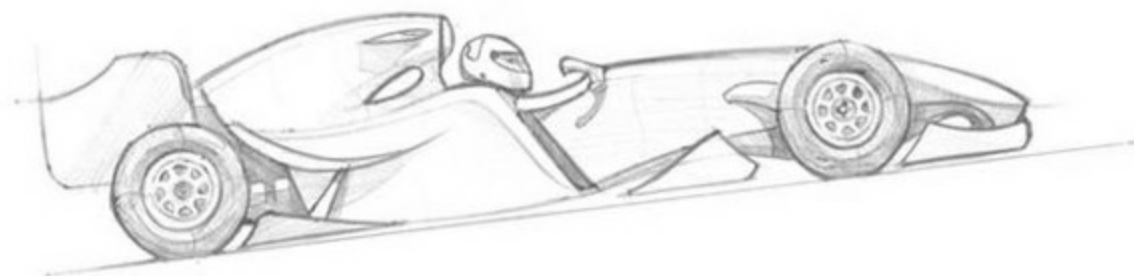
— Мне жа...

— Да-да, я понял и в первый раз. Хорошей гребаной жизни, доктор Харрис.

И я с силой захлопываю дверь, уходя из ее дома и ее жизни.

Глава восемнадцатая

СЕМЬ МЕСЯЦЕВ СПУСТЯ

ИНДИЯ

+ ЛОНДОН, АНГЛИЯ

ХОТЕЛОСЬ БЫ СКАЗАТЬ, ЧТО ПОСЛЕ СЛУЧИВШЕГОСЯ С ЛЕАНДРОС ДВИНУЛАСЬ ДАЛЬШЕ, но правда в том, что я словно все еще стою в коридоре и наблюдаю за тем, как он уходит.

В итоге в голове я проигрываю ту версию событий, в которой я выбегаю за ним, говорю, что передумала и на самом деле хочу быть с ним.

В реальности же рабочий день окончен, и я сижу в кабинете, одинокая и скучающая по нему.

После того, как он покинул мой дом, я дни напролет хотела поговорить с ним. Но каждый раз, стоило только взять в руки телефон, рациональность брала надо мной верх, ведь я знала, что могла бы потерять все, если бы решилась заполучить то, чего хотела.

Затем время шло, и прежде, чем я начала осознавать, проходили недели, плавно перетекая в месяцы, и не было пути обратно.

Он двигался дальше.

Даже несмотря на то, что не видеть его и не общаться с ним подобно аду, я понимала, что так и должно быть.

Но я мучаюсь из-за него до сих пор.

У меня есть ежедневный ритуал, который заключается в том, что я говорю себе не искать новости о нем в Сети. Я успокаиваюсь на несколько дней, думая, что уже достаточно сильная, но потом срываюсь, и сегодняшний день не стал исключением.

Я включаю «Макбук», и компьютер оживает. Открывая браузер, ввожу слова «*Леандро Сильва*». Экран заполняется статьями о нем и гонках, которые он выиграл в этом году, вернувшись в Формулу-1.

Я испытываю незаслуженное чувство гордости, когда вижу фото, на которых он пересекает финишную линию, а потом стоит на подиуме с наградой в руках. Может, я и помогла ему понять проблему, но остальной путь он проделал сам.

Я рада за него. Счастлива, что он участвует в гонках. Что он вернул ту жизнь, о которой мечтал. Он вернул все ее аспекты, если верить прессе.

С начала гоночного сезона имя Леандро было связано с несколькими женщинами, да и вот передо мной фотография, на которой он со спутницей.

Каждая из них причиняет одинаково сильную боль.

Он двигается дальше. Я так и знала.

Знала, что его привязанность ко мне была чистой воды близостью, выстроенной лечением, а его чувства были вызваны благодарностью.

И от того, что я была права, боль меньше не становится, учитывая, что я его не забыла.

Просматриваю только те страницы, где можно прочитать новости.

С прошлого просмотра, несколько дней назад, ничего не изменилось. Все те же фотографии, где он запечатлен возвращающимся в Англию для участия в Гран-при, стартующем на следующей неделе.

Уставившись на фотографию, я пальцем провожу по линии его лица на изображении, напоминая какого-нибудь преследователя, которым, в общем-то, я и стала.

Не то чтобы он не был привлекательным раньше — ведь, конечно же, был — но на этом

фото он выглядит потрясающе. Это сияющее выражение лица, которого не было прежде. Полагаю, это оттого, что он вернулся к гонкам.

Он выглядит великолепно.

Откидываясь на спинку кресла, я закрываю глаза и пытаюсь облегчить страдания, вызванные тоской по нему.

Закончится ли это когда-нибудь?

Я думала, что все пройдет. Может, если бы я перестала пытаться себя просмотром новостей о нем, то тогда была бы способна двигаться дальше.

Садясь ровно, я закрываю крышку ноутбука.

На телефоне высвечивается имя Джетта.

— Привет, дорогой, — отвечаю я на звонок.

— Все еще на работе, мам?

— Ага. Только что закончила и собираюсь домой.

— Ну, я просто хотел, чтобы ты знала, что я на картодроме с дядей Китом и Картером. Мы собираемся перекусить. Постараемся быть дома не слишком поздно.

Ужин на одного. На вынос. И бутылка вина.

— Хорошо, будьте аккуратны и повеселитесь.

— Обязательно. До встречи, мам.

— Пока, дорогой. — Я кладу телефон на стол и туда же с глухим стуком роняю голову.

В пятницу вечером я погружаюсь в состояние всепоглощающей грусти: свободна от ребенка, но лучшее, на что способна, это еда на вынос и бутылка вина.

Каждую неделю я браню себя и за это тоже, но лишь до тех пор, пока сценарий не повторяется вновь.

Раздается стук в дверь.

Я отрываю голову от стола.

— Входи.

Заходит Софи, моя новая секретарша. Она со мной уже месяц. Сэйди со своим парнем отправилась путешествовать.

— Я отправляюсь отдыхать. — Софи пересекает комнату. — Вот почта. Забыла отдать ее раньше.

— Спасибо. — Я забираю почту у нее из руки.

— Верхнее письмо было доставлено лично.

— Лично? Что значит «лично»?

— Чуть раньше приходил мужчина. Попросил меня убедиться, что вы точно получите это письмо.

— Как он выглядел? — Я переворачиваю письмо в руке. Мое имя написано спереди от руки.

— Черные волосы. Очень симпатичный, — ухмыляется она.

Сердце начинает колотиться.

— И у него был акцент. Кажется...

— Бразильский?

— Да... думаю, да.

Руки дрожат, и я не могу перестать пялиться на письмо.

— Ладно, в общем, мне пора уходить. Хороших выходных, доктор Харрис, — говорит она, удаляясь.

— Ага, и тебе тоже, — бормочу я отстраненно.

В ту секунду, когда дверь закрывается, пальцем скольжу под загиб конверта и открываю его. Во рту пересохло, пальцы дрожат. Достая содержимое.

Билеты. Два билета на Гран-при в «Сильверстоуне» на следующей неделе. ВИП проход на все выходные.

И приложен сложенный лист.

Раскрывая его, читаю слова, написанные той же рукой.

«БИЛЕТЫ ДЛЯ ДЖЕТТА, КАК ОБЕЩАЛ. НАДЕЮСЬ УВИДЕТЬ И ТЕБЯ ТОЖЕ.

Л.»

Сердце уходит в пятки.

Он принес билеты сюда. Сам доставил их. Но не попросил о встрече.

Конечно, не попросил.

В нашу последнюю встречу я покончила с нами прежде, чем что-то успело начаться.

Может, он не хотел меня видеть. Надежда пронизывает сердце, даже несмотря на то, что это неправильно, ведь между нами на самом деле ничего не изменилось. Только время. Я все еще оставалась его бывшим психотерапевтом.

«Надеюсь увидеть и тебя тоже».

Вдруг он не хочет меня видеть и просто ведет себя, как хороший парень, каким и является, и отдает Джетту обещанные билеты.

Сердце снова упало.

Я скучаю по нему. Как не скучала ни по кому за всю свою жизнь.

Мне необходимо увидеть его. Зачем — не знаю. Я правда не знаю, что делаю. Знаю только, что не могу продолжать жить с теми чувствами, что овладевают мной сейчас.

И если он не хочет меня видеть, то это станет толчком, чтобы двигаться дальше, потому что за предыдущие семь месяцев я не нашла способа забыть о нем.

Но, кажется мне, есть только один способ узнать, хочет ли он меня видеть.

Так что, по всей вероятности, я отправляюсь на Гран-при в Англии.

Глава девятнадцатая

ЛЕАНДРО

+ НОРТГЕМПТОН, АНГЛИЯ

ОНИ ЗДЕСЬ.

Она здесь... Индия.

Прошло семь месяцев с тех пор, когда я видел ее в последний раз, и сейчас мы под одной крышей.

Я чувствую ее близость подобно проносащимся через мое тело разрядам, систематически делающим меня живым и напуганным до ужаса.

Она здесь. Недалеко от меня, а я боюсь столкнуться с ней лицом к лицу.

В голове возникает миллион причин, почему мне не нужно с ней видеться.

Я попросил парня из ВИП зоны написать мне, когда Индия и Джетт приедут.

Получил я сообщение час назад и до сих пор не набрался мужества встретиться с ней.

Себя я убедил, что мне нужно в бокс. Но на самом деле сейчас тренировочная сессия, и один из тестовых драйверов прогоняет мой болид по трассе.

Я же стою здесь и наблюдаю на экранах за проверкой моего авто.

А мог бы пойти и увидеть Индию.

Вот только мне неизвестно, хочет ли она видеть меня. Само собой, она здесь, но Джетт одержим Формулой-1, так что, несомненно, она привела его.

Это она покончила с нами. Ну, вообще-то, *нас* в этом смысле и не было, ведь она не дала даже шанса.

Конечно, это при условии, что, уйдя, я не пытался вернуться. Выйдя из дома, я отказался от всего.

Я не общался и не виделся с Индией с того дня, когда стоял в ее коридоре.

Впоследствии я был задет, растерян и выведен из себя не на шутку, и вместо того, чтобы отправиться домой, я отправился прямо в головной центр «Лисса», получил свой болид, сел в него и выехал для тестового заезда на трек.

Благодаря моей злости на Индию я преодолел последний рубеж моего страха. Таким образом, я вернулся к гонкам и потому не думал о ней. Это работало только, когда я был за рулем. Любой другой момент был пропитан и контролируем мыслями о ней.

Я вернул все, чего так хотел после аварии. Страхи до сих пор не отпустили меня, но теперь не завладевали мной, как прежде. Но без Индии моя жизнь кажется пустой, какой она была до этого без гонок.

Словно вселенная играет со мной в гребаные игры.

У меня отобрали гонки, но подарили Индию. Заполучив гонки обратно, я потерял ее.

Ну, не скажу, что она когда-то была моей.

Но то, что у меня было с ней, чувства к Индии...

Я не смог с ними покончить.

Я пытался. Изо всех сил. Мне казалось, что возвращение на трассу и в мир гонок помогут.

Не помогли.

Я поселился за пределами страны, подальше от нее. После того, как в марте отправился в Мельбурн, чтобы принять участие в первой гонке сезона, дальше я просто перелетал из одного места проведения соревнований в другое, не возвращаясь домой в надежде, что хоть расстояние поможет.

Не помогло.

Я думал, что связь с другой женщиной может помочь.

Но нет.

Я понимал, что с меня хватит, когда меня целовала одна из сексуальнейших моделей, а я не ощущал ничего, кроме чувства вины, ведь мне казалось, что неким образом, целуя другую женщину, я предаю Индию.

Да, знаю, как тупо это звучит. Но все обстоит именно так.

Так что я держался от женщин подальше, даже если непрерывно контактировал с ними.

Если мне приходилось говорить или позировать с женщиной, то на следующий день пресса выставляла все так, словно я с ней встречаюсь, либо трахаюсь. СМИ вторгаются в мою жизнь чрезвычайно агрессивно с того самого момента, как я вернулся в обойму. Полагаю, этого стоило ожидать после аварии, пагубной зависимости и внезапного возвращения.

Но нездоровая часть меня надеялась, что Индия видела эти фотографии, где я с другими

женщинами, и они задевали струны в ее душе.

Надеюсь, они причиняли ей боль.

Знаю, что подобные надежды делают меня убудком, но мне плевать.

И вот я вернулся в «Сильверстоун» и мне казалось, что, находясь с ней в одной стране, я буду чувствовать себя нормально.

Что же я делаю?

Через пару дней после возвращения я оказываюсь в ее офисе, лично передавая билеты, что обещал Джетту в прошлом году, и тайно надеюсь, что увижу Индию.

Но не увидел.

Чтобы войти в ее офис, я израсходовал все силы, и потому, струсив, не попросил о встрече с ней, просто оставил билеты ее секретарше и выбежал оттуда, словно сдрейфивший цыпленок.

Боже, я такой долбаный неудачник.

Мне просто нужно стать мужиком и увидеться с ней. Она-то, наверное, продолжила жить дальше.

От мыслей о ней с другим мужчиной по моим венам проносится ярость. Я сжимаю руки в кулаки и стискиваю челюсть.

Мне просто нужно увидеться с ней. В любом случае нужно узнать.

От встречи с ней мне станет либо лучше, либо хуже, если это вообще возможно. Но нужно уже сделать хоть что-то, потому что совершенно очевидно — то, чем я занимался последние семь месяцев, не работает.

Дело в том, что я почти уверен, что влюблен в нее.

Я всегда думал, что любовь мне недоступна. Естественно, у меня были подружки, которые мне были безразличны, но любить... даже близко такого не было. Ни разу.

Пока не появилась она.

Это же что-то да значит? Я не могу быть единственным, кто чувствует подобное. Она должна чувствовать то же самое. Испытывать ко мне хоть что-то.

Увидев ее, я пойму, есть ли что-нибудь.

Чувства Индии никогда не были преградой. Преградой всегда были ее чертovsky этические правила.

Да, но вот уже семь месяцев я не ее пациент. И я знаю, что она говорит, будто время не имеет значения, но оно имеет еще какое значение.

Время дарит ясность и перспективы.

Я только надеюсь, что данное ей время и пространство позволили ей осознать, что она, вообще-то, хочет меня.

Парню ведь разрешается надеяться, верно?

Я знаю, где она сейчас — общается с Куином Мур. Куин в прошлом был пилотом. Эксклюзивный разговор с почитаемым пилотом Формулы-1 входит в ВИП билет. Джетт будет в восторге.

Да, я знаю расписание их сегодняшнего дня. Я настолько жалок, что это просто убого.

Я все равно увижу ее, несмотря на то, сколько буду откладывать это мгновение.

Отступая от экранов, по которым слежу за тестовым прогоном моего болида, я обращаюсь к Патрику, одному из моих парней:

— Вернусь через десять минут.

Затем выхожу из бокса и направляюсь к Индии.

ИНДИЯ

+ НОРТГЕМПТОН, АНГЛИЯ

МЫ С ДЖЕТТОМ В «СИЛЬВЕРСТОУНЕ». Приехали час назад. Как только мы приехали, то обнаружили, что VIP билеты, присланные нам Леандро, включают в себя речевое выступление какого-то ушедшего в отставку пилота, о котором я прежде не слышала, прогулку по боксам, наблюдение за тренировочной сессией и ужин. Завтра мы вернемся на квалификационный проезд. После чего, в воскресенье, будет гонка.

И я рада, что заранее забронировала номер в отеле для нас с Джеттом, чтобы уберечь себя от трехчасовых поездок туда-сюда в течение следующих трех дней.

Я могу расслабиться и насладиться времяпрепровождением с сыном и не беспокоиться о Леандро Сильве.

Вообще-то, я буду беспокоиться о нем, но лишь самую малость.

Лишь от одной мысли о встрече с ним желудок сворачивается от нервного перевозбуждения.

Я бросаю взгляд на Джетта, когда выступающий без умолку говорит о том, чего я не понимаю ни ни капельки. Джетт выглядит восторженным и радостным — это самое главное. Когда я рассказала ему, что Леандро прислал билеты, как и обещал, Джетт был на седьмом небе от счастья. Мне нужно сказать спасибо Леандро за них, без шуток. Должна послать ему благодарственную открытку.

Ага, и это совсем не будет выглядеть позорно, Индия.

Думаю, я увижу его на этих выходных, тогда и поблагодарю. Если же нет, то отошлю ему домой письмо.

И если не увижу его, то не буду чувствовать себя разбитой на осколки.

Совершеннейшая ложь.

К счастью, выступающий закругляется.

— Итак, теперь отправляемся на ознакомительную экскурсию по боксам, — сообщает нам наш гид.

Я поднимаюсь на ноги вместе с Джеттом, и мы уходим из помещения за остальными.

Тогда-то и вижу его прислонившимся в стене, чуть впереди, пытающегося быть незамеченным. Но я заметила его.

Даже в этой бейсболке я понимаю, что это он.

Когда он поднимает глаза и наши взгляды встречаются, я чувствую сильнейший толчок в центре груди.

Видеть его по телевизору или на фото в Сети ничто в сравнении с тем, чтобы лицезреть его во плоти; да еще и быть к нему так близко, но одновременно так далеко.

Разум заполонен образами с нашей последней встречи, моментом, когда он был во мне.

— Мам, там Леандро. — Джетт вцепляется в мою руку и идет по направлению к Леандро.

Оглядываясь по сторонам, обнаруживаю, что, к счастью, никто из группы не замечает стоящего вдали пилота, все уходят, отправляясь на экскурсию по боксам.

— Привет, Джетт. — Леандро пожимает моему сыну руку. — Как дела? Развлекаешься?

— Да, все круто. Спасибо за билеты.

— Без проблем. — Он поднимает глаза на меня, когда я становлюсь рядом с Джеттом. — Индия.

Слышать его голос, как он произносит мое имя... воспоминания нахлынули вновь.

— Привет, Леандро, — улыбаюсь я, но чувствую себя неловко и неуютно. Находясь в непосредственной близости от него, я вся горю.

— Как ты? — спрашивает он.

— Хорошо. — Я пожимаю одним плечом. — Кажется, ты тоже неплохо справляешься. — Моих губ снова касается улыбка, и на этот раз искренняя.

— Ну да, наверное. — Он снимает кепку и, проведя рукой по волосам, надевает ее обратно. Затем убирает руки в карманы гоночного костюма. — Итак, я просто подумал, что нужно бы повидаться с вами. — Он смотрит на Джетта, не на меня. — И, слушайте... я хотел спросить, поужинаете ли вы со мной? — В конце предложения его взгляд устремляется на меня.

Сердце начинает биться в два раза быстрее. Я раскрываю рот, чтобы заговорить, но Джетт успевает быстрее меня.

— Конечно, поужинаем! — отвечает Джетт, сияя.

Я мягко смеюсь, в данный момент обожая нахальство своего сына.

Леандро усмехается. Его взгляд проясняется, но в нем все еще таится вопрос.

Он хочет услышать согласие от меня.

— Да, мы бы с радостью поужинали с тобой. Спасибо, — говорю я спокойно, несмотря на то, что внутри у меня все переворачивается.

— Я остановился в «Уитлбери Холл», — сообщает Леандро. — Там есть ресторан «Астонс», он правда милый. Можем поужинать там, или я могу отвезти вас в другое место.

— Мы тоже остановились в «Уитлбери Холл», так что «Астонс» идеальный вариант, — отвечаю я.

Нам повезло получить номер в «Уитлбери Холл» незадолго до Гран-при, но все же удалось отменить бронь. Кажется, удача на моей стороне, раз Леандро остановился там же. От осознания меня охватывает волнение.

— Прекрасно. Итак, я забронирую столик. На семь тридцать?

— Семь тридцать идеально.

— Забрать вас из номера или...

— Встретимся в ресторане. — Я улыбаюсь.

— Ладно. Тогда увидимся с вами обоими вечером. — Он смотрит на Джетта, потом на меня. — Мне нужно вернуться в бокс. — Большим пальцем руки он указывает себе за плечо. Затем как будто понимает что-то. Он снова переводит глаза на меня и жестом обводит пустое пространство вокруг нас. — Вы потеряли свою группу. Знаете, куда вам идти отсюда?

Прикусывая губу, я качаю головой.

— Не беспокойтесь. Я верну вас обеих группе.

Он улыбается мне, и все мои внутренности превращаются в плавленную кашу сантиментов. И ничего не могу с собой поделать, но чувствую легкое возбуждение, предвкушая сегодняшний ужин.

Глава двадцать первая

ЛЕАНДРО

✦ НОРТГЕМПТОН, АНГЛИЯ

ЛАДНО... БУДЬ СПОКОЕН. Это просто ужин.

И с нами будет Джетт, так что не похоже, что я начну приставать к Индии и испорчу все к чертям собачьим.

Не нужно торопить события с Индией. Нужно время.

Я знаю, она все еще хочет меня. Я вижу это по ее глазам. По естественной реакции ее тела на меня. Рядом со мной она сдержана, но ее тело стремится ко мне.

Но она чертовски стеснительна. Мне нужно показать ей, что наши взаимоотношения — это правильно.

И я добьюсь этого мелкими последовательными шагами.

Лифт на моем этаже, так что я захожу в него и нажимаю кнопку, отправляясь в вестибюль.

Рукой провожу по рубашке. Я нервничаю до ужаса. Потею, как свинья.

Лифт останавливается на следующем этаже. Двери разъезжаются, а там стоит Индия.

Тело отзывается единственным способом, которым может, когда рядом, в туфлях на «трахни меня сейчас же» каблуках и с красной помадой на губах, стоит красивейшая женщина в мире. На ней черное платье длиной на несколько дюймов выше колена, демонстрирующее ее длинные загорелые ноги. Волосы распущены и рассыпаны по ее плечам именно так, как я себе представляю их расстелившимися по моей подушке.

Иисусе. Я почти уверен, что она подобно пламени пытается убить меня этими огненными каблуками и алыми губами.

Она выглядит охренительно роскошно.

У меня перехватило дыхание, и к тому же я таращился на нее неприлично долго.

Отличное начало.

— Леандро... привет. — Она сжимает пухлые губки, и мой член тут же дергается в брюках.

— Привет, — говорю я, как настоящий неудачник, пытаюсь отвлечься от возникающего стояка.

Но она тоже кажется нервничающей. До сих пор переминается с ноги на ногу, так и оставаясь стоять перед лифтом.

Успокойся, Сильва. Ты справишься.

— Вызывала лифт? — спрашиваю я хриплым голосом.

Она бросает взгляд прямо по коридору, будто бы решая найти выход.

— Вызывала, но, в общем, Джетт опаздывает. Он все еще в душе, а мне не хотелось, чтобы ты сидел там один и ждал нас, потому решила прийти первой, а Джетт бы спустился вниз позже, но раз ты здесь, наверное... не знаю. — Она легко посмеивается и рукой проводит по волосам.

Она определенно нервничает из-за возможности остаться со мной наедине. От этого я оживаю.

— Почему бы нам не спуститься в бар и не подождать Джетта там?

Она снова бросает взгляд на коридор, затем смотрит на меня.

— Ладно.

Она улыбается мне, и я себя чувствую так... словно эта улыбка явлена только для меня. И если до этого мгновения я мог быть не уверен, что влюблен в нее, то точно понял это в этот самый момент.

Я рукой придерживаю двери лифта, чтобы не дать им закрыться, и Индия проскальзывает мимо меня.

Запах ее духов, пьянящая смесь цитрусовых и цветочных ароматов, окутывает мой разум. Он служит напоминанием того, как я был в ней. Да это чистейшая гребаная пытка. Видеть ее рядом и понимать, что в то же время она далеко.

Двери закрываются, и лифт начинает движение вниз.

— Индия...

— Итак...

Наши взгляды встречаются, и мы оба раздражаемся смехом.

— Сначала ты, — говорю я.

— Нет, ты. — Улыбка касается ее губ.

Говоря с ней, я не разрываю зрительный контакт.

— Я просто собирался сказать, что ты выглядишь отлично.

— Спасибо. — Ее щеки краснеют.

Я, черт подери, ничего не могу с собой поделать. Я тянусь и касаюсь ее лица кончиками пальцев.

Мои чувства к ней... не похожи ни на что, бывшее со мной в прошлом. Они всепоглощающие — это неослабевающее желание быть с ней, делать ее своей, стремление запечатлеть себя на ее коже, потому что она, черт возьми, уже врезалась в мою.

Ее дыхание застревает в горле. Она громко глотает.

Я вижу, как дрожит ее тело. Ее глаза сосредоточены на моих губах.

И тогда я не думаю. Просто действую.

Я целую ее.

Целую за каждый день нашей разлуки. За каждый момент, когда нуждался в ее поцелуе, но не мог его получить. Забираю у нее все, что только могу, потому что не знаю, как долго продлится все это. Как долго она позволит обладать ею. Мне нужно дать ей знать, как сильно я хочу ее. Как сильно скучал по ней.

Невероятно сильно скучал по времени, проведенном с нею. Я же, ко всему прочему, никогда не отличался умением ждать.

Терпение в течение этих семи месяцев и его отсутствие в эти самые минуты свидетельствуют о том, насколько я хочу ее.

Прижимая ее к стенке и наслаждаясь ощущением ее пальцев, хватающихся за мою рубашку, я вслепую исследую кнопки лифта. Быстро отрывая взгляд от Индии, нахожу экстренную кнопку «стоп» и нажимаю на нее.

— Я скучал по тебе, — говорю я низким голосом в ее губы.

— Я тоже по тебе скучала, — шепчет она.

Услышав эти слова, слетающие с ее губ... я теряю последние остатки сдержанности.

Я завладеваю ее ртом так, словно Индия является живительной силой, в которой я нуждаюсь, чтобы выжить. И начинаю задаваться вопросом, может так оно и есть?

Руками она скользит по моей груди вверх, ногтями легко царапает мою шею и затем зарывается пальцами в мои волосы на затылке. Я углубляю поцелуй, делая его еще более влажным и страстным, наслаждаясь гортанными звуками удовлетворения, зарождающимися

в ее горле. Прижимаясь к ней сильнее, коленом скольжу между ее ног. Она прижимается ко мне в ответ, извиваясь от желания.

Я ослеплен жаждой. Ослеплен невыразимой жаждой ее настолько, что мне все равно, где мы. Я только знаю, что мне нужно быть в ней.

Так что вы можете себе представить мое разочарование, когда, дотянувшись рукой до ее бедра и бегло проскользнув по нему пальцами вверх, я почувствовал ее останавливающую меня ладонь.

— Нет ничего, чего бы я хотела сейчас больше, чем продолжения, — задыхается она, говоря у моего рта, — но скоро вниз спустится Джетт, и если не обнаружит нас, будет беспокоиться.

Я закрываю глаза, лбом прижимаясь к ее лбу.

Она права.

— Ладно. — Я тяжело дышу, все еще отчаянно нуждаясь в ней. — Дай мне минутку прийти в себя.

Улыбающимися губами она прижимается к моим.

— Не помогаешь, — ворчу я.

Она хихикает, и я, блядь, обожаю этот звук.

С силой Супермена я кое-как справляюсь с тем, чтобы оторваться от нее. Спиной прижимаюсь к стенке напротив. Видя размазанную вокруг ее рта помаду и зная, что я тому виной, я испытываю глубочайшее удовлетворение.

— Тебе может захотеться поправить помаду, — усмехаюсь я.

Доставая компактное зеркальце из сумочки, она открывает его и, гримасничая из-за увиденного в отражении, начинает поправлять макияж. Убирая зеркало прочь, она направляется ко мне. Я же не могу оторвать от нее глаз.

— На тебе моя помада. — Дотянувшись, она платком стирает размазавшиеся следы.

От ее прикосновения мое сердце устремляется в бег.

— Готов? — Она отступает на шаг и бросает взгляд на мою каменную эрекцию.

Я приподнимаю бровь:

— Типа того.

Она посмеивается и нажимает на кнопку лифта, давая ему ехать дальше.

— Индия... — со скрипом срывается ее имя с моего языка. — Просто чтобы ты знала, это не конец, ни разу. — Рукой я машу между нами. — Я намерен завершить этот поцелуй.

Она прикусывает уголок нижней свеженакрашенной губы.

— Уже жду.

Глава двадцать вторая

ИНДИЯ

+ ЛОНДОН, АНГЛИЯ

"ЭТО ЕЩЕ НЕ КОНЕЦ, НИ РАЗУ, ЧЕРТ ПОДЕРИ, НЕ КОНЕЦ. Я намерен завершить этот поцелуй".

Ладно, хорошо, именно так он и сказал, но с тех пор ничего.

Никаких поцелуев.

С того вечера, когда приключился инцидент в лифте, он буквально ни разу и рукой меня

не коснулся, а прошло уже два дня.

Если бы я сомневалась в своей вменяемости, то уже решила бы, что никакого поцелуя и не было.

Сразу после ужина с Джеттом Леандро проводил нас до номера как настоящий джентльмен. Затем, в субботу утром, мы позавтракали.

Но с тех пор мы не видели Леандро вообще, ну, кроме моментов, когда он был в болиде на трассе, проходя квалификацию. Пришел он на невысокой позиции, шестым, что удивительно — хотя не скажу, что много знаю о Формуле-1, кроме того, что это крайне волнительный спорт. Но я пытаюсь вникнуть, да и Джетт помогает мне своими объяснениями.

Могу себе представить, насколько Леандро недоволен своим низким результатом на квалификации.

И все равно, наблюдать за ним на треке — реальная привилегия, учитывая, что к его возвращению за руль руку помощи приложила и я. Я стараюсь не углубляться в размышления о том, что в прошлом была его психотерапевтом, потому что тогда вспоминаю, что, несмотря на мои к нему чувства, наших отношений быть не может по очень многим причинам.

И все же, тот поцелуй сводил меня с ума. Я хочу еще. Хочу его.

Та сторона моего мозга, что отвечает за рациональность, на данный момент не в игре. Каждый раз, когда меня посещает здравая мысль о том, насколько плохой идеей является занятие с ним чем угодно, возвращаются воспоминания о том поцелуе: они скользят в моей голове, как это делали его руки по моей коже, и тогда я снова становлюсь иррациональной, вспыхивая желанием к нему.

У нас с Джеттом на субботний вечер были свои планы, Леандро же был на каком-то спонсорском мероприятии, так что мы не виделись.

Сейчас воскресенье, мы на трибуне и наблюдаем за гонкой. Атмосфера потрясающая.

Леандро в лидирующей тройке. Вероятно, он и тот другой пилот, Эрнандес, борются за второе место, пока Каррик Райан удерживает первое.

Я знаю, что Леандро и Каррик друзья, но вижу, как они соперничают на треке.

Я держу пальцы за Леандро скрещенными и надеюсь, что он вырвется вперед и займет хотя бы второе место. Но, зная его, он не приемлет ничего, кроме первой позиции.

Джетт наслаждается этими выходными, по его лицу видно, насколько сильно ему нравится Формула-1.

— Тебе хочется, чтобы однажды там оказался ты сам? — спрашиваю я его, перебивая толпу. — Потому что если хочешь, — продолжаю я, когда он поворачивается ко мне, — то просто хочу, чтобы ты знал, я поддержу тебя во всем.

— Кто же не хочет быть пилотом Формулы-1? — усмехается он.

— Я, — смеюсь я.

— Хотя это дорогой спорт, мам. — Он отводит взгляд, смотря на проносящиеся по трассе болиды.

— Заработаю.

— Типа очень дорогой, — выдавливает он.

— Если ты правда очень хочешь, то я найду выход.

— Пока посмотрю, как у меня будет выходить с картингом. Я еще даже не вступал в соревнования. Пока только учусь.

— Я знаю, просто хочу, чтобы ты знал — если ты видишь это своим занятием в будущем, то я поддержу тебя.

— Я уже знаю это, мам. — Он приближается ко мне и целует в щеку. — Осталось пару последних кругов, — информирует он меня.

— Как дела у Леандро? — задаю я вопрос.

— Как будто он займет третье место, — кривится Джетт.

После последнего круга, когда флаг опускается к земле, Леандро занимает третье место. Видя его на большом экране выбирающимся из своего болида в расстроенных чувствах, мне хочется быть рядом, чтобы утешить его.

— Отстой, — комментирует Джетт. — Но сегодня он не в лучшей форме. Это можно сказать по его манере вождения.

— Точно, — соглашаюсь я, хотя и понятия не имею, с чем.

— Итак, какие планы? — спрашивает Джетт. — Мы увидимся с Леандро, прежде чем уехать?

Я качаю головой. Леандро не просил о встрече с нами перед нашим отъездом домой.

— Полагаю, он будет занят, общаясь с прессой.

— Тогда едем домой?

— Да.

Мы выписались из отеля пораньше, и наши сумки уже в багажнике. Так что нам нужно только дойти до машины и двинуться домой.

Ощущая внутреннюю угнетенность из-за того, что не знаю, когда в следующий раз увижу Леандро, и произойдет ли это когда-нибудь, я иду вместе с Джеттом, держа путь к парковке.

— Когда я прихожу и вижу, что ты кормишься бутылкой вина, то знаю, что это не означает ничего хорошего. — Кит садится напротив меня, берет бутылку красного вина и глотает напиток из горла.

— Это первый бокал, да и выпитый всего наполовину. Не назвала бы это кормлением.

— У тебя лицо, будто ты с бодуна. После выходных у "Сильверстоуна" я ожидал более счастливое выражение лица. С тех пор, как вы вернулись, Джетт не говорит ни о чем другом.

— Он прекрасно провел время.

— Он-то да. Рассказал мне все о твоём свидании с Леандро за ужином.

— Это с трудом можно назвать свиданием. С нами был Джетт. Кстати, где он?

— В своей комнате, висит на телефоне. Думаю, общается со своей девушкой.

— Что? У него есть девушка? — Я выпрямляюсь.

Кит пожимает плечами.

— Он не говорил, но я чувствую все предпосылки многообещающего романа.

— Какие предпосылки?

— В последнее время он часто говорит об одной девушке — Анне.

— Как я пропустила такое? — Я лицом ударяюсь о стол, чувствуя себя худшей матерью на свете.

— Ты ничего не пропустила. Ты его мать. Он не станет говорить о девушках с тобой.

— Наверное, — бормочу я, слова заглушаются поверхностью стола.

— Итак, что у тебя с Сильвой? — спрашивает Кит.

Я поднимаю голову и пожимаю плечами.

— Честно, я не знаю. Мы не виделись и не говорили друг с другом семь месяцев.

Кит знает о том вечере, без грязных подробностей, конечно. Что мы переспали, а потом я выставила Леандро вон.

— Потом он объявляется, ждет нас после речи кого-то там из Формулы-1. Приглашает на ужин. Целует меня в лифте. Говорит, что это не конец. Завтракает с нами на следующее утро, будто ничего не произошло, а потом... ничегошеньки.

— Притормози. Отмотай назад. Он поцеловал тебя?

— Ага. — Я делаю большой глоток вина. — Джетт где-то пропал, готовился, я же вышла, чтобы встретить Леандро, чтобы мы не оказались опоздавшими. Он был в лифте, я вошла внутрь. Он поцеловал меня "сорви с меня одежду своими пальцами" поцелуем. Потом я остановилась, потому что мы были в лифте, а мне не хотелось, чтобы Джетт задавался вопросом, где мы. Затем Леандро сказал, цитирую: "Это не конец, ни разу, черт подери, не конец. Я намерен завершить этот поцелуй". И тишина.

Кит смотрит на меня, состроив гримасу.

— Слишком много информации о моей сестре.

— Прости. — Я морщусь, зная, насколько мне самой противно слушать о его любовных похождениях.

— Итак, Сильва с тех пор не сделал ни шага?

— Не-а.

— Он ждет ответных действий.

— Чего?

— В последний раз, когда вы были вместе перед этим поцелуем, ты оттолкнула его и держалась подальше на протяжении семи месяцев. Он проявил инициативу, первым пошел на контакт, когда передал билеты на Гран-при. Затем поцеловал тебя. Он ждет, когда ты сделаешь следующий шаг. Хочет знать, что это игра не в одни ворота.

Я размышляла над этим минуту с наполненным вином ртом.

— Думаешь?

— Ага. Слушай, ты любишь этого парня?

Вопрос застал меня врасплох.

Люблю ли я Леандро?

Я много об этом думала, в последние дни все чаще, и почти уверена, что люблю. Вот только... если скажу это вслух, то сделаю слова реальными. И на самом деле, если я собираюсь признаться в этом кому-то, то этим кем-то должен быть Леандро.

Я пожимаю плечами.

— Приму это как "да". Слушай, я такой тебя не видел никогда. И понимаю твои сомнения, Инди, и никогда бы не сказал тебе делать что-то, способное навредить твоей карьере. Ты это знаешь. Но думаю, сейчас ты в безопасности. Прошло семь месяцев с последнего сеанса. Совершенно очевидно, ты влюблена в этого парня. Я хочу, чтобы ты была счастлива. Ты не была счастлива вот уже семь месяцев. Ты счастлива только с тех пор, как он вернулся в твою жизнь.

— Я была счастлива.

— Брехня. Уверен, со мной и Джеттом ты счастлива. Но тебе чего-то не хватает, и совершенно ясно, что его. И на этой ноте, после раздачи советов, как какая-нибудь херовая

писака сопливой колонки, я собираюсь вернуться к своей мужественной стороне. Я собираюсь пить пиво и смотреть обзор гонок, так как в "Сильверстоуне" мне посмотреть их не удалось, — говорит он многозначительно.

Я показываю ему язык.

Мне тридцать лет, а мой брат все так же может заставить меня почувствовать себя подростком.

Он встает, но прежде делает еще один глоток вина прямо из бутылки.

— Кит, — останавливаю я его. — Как думаешь, как мне следует поступить?

— Думаю, тебе нужно поступить, блядь, по-мужски и поговорить с ним. Рассказать о своих чувствах.

— Ты имел в виду по-женски, — говорю я ему вслед.

Слышу смешок.

— Просто, мать твою, встретиться с ним, Инди. Я останусь дома с Джеттом.

Я пялюсь на свое вино, обдумывая слова Кита.

Увидевшись с Леандро на этих выходных, проведя с ним время... поцеловавшись с ним, я знала, что больше не могу быть без него. Не могу провести еще семь месяцев, не пересекаясь с ним.

Я не могу перенести это на другой день.

Мне нужно увидеться с ним сейчас.

Глава двадцать третья

ЛЕАНДРО

+ ЛОНДОН, АНГЛИЯ

— ДА ЧЕРТ ПОДЕРИ, — ворчу я, слыша дверной звонок.

Если это Каррик пришел позлорадствовать, то тогда может сваливать гребаной баранкой.

Я как раз собирался позвонить Индии. У меня не было возможности увидеться с ней после гонки. Сначала были долговые обязательства перед прессой, затем я полетел на встречу с боссами, чтобы они могли посокрушаться из-за того, что я пришел третьим, и выяснить, почему я проиграл.

Я в бешенстве из-за проигрыша.

Но знаю его причину.

Дело не в болиде. Он движется идеально.

Дело в Индии. Меня отвлекали мысли о ней.

То, что она заполняла мои мысли последние семь месяцев, было отвлечением само по себе, но было намного проще сконцентрироваться, когда она не находилась рядом. Но знать, что она в "Сильверстоуне", наблюдает за гонкой; видеть ее вновь, вдыхать ее запах, чувствовать ее вкус...

Иисусе, этот поцелуй.

Я и забыл, какая она великолепная на вкус, забыл ощущение ее тела, прижатого к моему, находящегося в моих руках.

Я не был способен прекратить думать об этом чертовом поцелуе. И почти уверен, что все выходные ходил со стояком.

Мне едва удавалось сфокусироваться на гонке как следует.

Я мечтал вернуться в нее все семь месяцев, и на самом деле нуждался в том, чтобы завершить начатое. К слову, потому и собирался позвонить ей. Я рассчитывал остановиться у ее дома по дороге к себе, но подумал все же не делать этого. Вместо этого решил вернуться домой и позвонить ей. Прощупать почву и узнать ее настрой.

Я собирался игнорировать дверной звонок, но тот звонил без остановки. Поднявшись с софы, я направился к входной двери. И, не посмотрев в глазок, отворил дверь.

Воздух вышел из легких в одно мгновение, вся кровь устремилась прямо к члену.

— Индия.

Сказать, что я не ждал ее здесь, значит ничего не сказать, но я охренеть как счастлив, что она пришла.

— Привет. — Она нервно крутит руками.

Я смотрю сначала на них, потом возвращаю взгляд к ее лицу.

— Ты в порядке?

— Да. Нет. Не уверена.

— С Джеттом все хорошо? — Я делаю шаг к ней.

В ее голубых глазах мелькает удивление, но потом взгляд смягчается.

— С ним все в порядке. Просто... я не знаю, что здесь делаю.

Она качает головой, мы смотрим друг другу в глаза.

— Все ты знаешь. Скажи мне, зачем пришла, Индия, — нежно настаиваю я.

— Мне начинает казаться, что это наша фишка: оказываться в домах друг у друга и нести всякую чушь. — Она дрожащей рукой проводит по волосам, прикусывая губу.

Я молчу. Я хочу, чтобы она сказала, почему пришла, и, Боже, надеюсь, черт подери, по той причине, о которой думаю.

— Я... — Она снова прикусывает губу, и это, ох, как отвлекает. — Я скучала. И сильно жалею о том, как все между нами закончилось, но, встретив тебя на этих выходных... и этот поцелуй в лифте... не хочу провести еще семь месяцев, не видясь с тобой... и хочу сказать о чувствах... к тебе.

— И что ты чувствуешь? — шепчу я.

Сердце в груди бьется со скоростью миля в минуту, но в ее глазах я замечаю страх. Из-за этого я беспокоюсь о том, что потеряю ее, что она откажется говорить то, ради чего пришла. Индия стеснительная, потому я не колеблюсь перед тем, как признаться ей в своих чувствах.

— Потому что я точно знаю, что испытываю к тебе. — Я делаю шаг вперед и руками обхватываю ее запястья, притягивая ближе. — Я люблю тебя. Я так, блядь, влюблен в тебя, что слеп ко всему прочему. Все эти семь месяцев без тебя были подобны агонии. Я был почти уверен, что влюблен в тебя, еще когда вышел из твоего дома после того, как мы занялись сексом, но встретив тебя на этих выходных, проведя с тобой время снова, я уверился в этом на сто процентов. Мои чувства глубоки, и я не собираюсь отказываться от них. Я хочу углубить их с тобой. Хочу, чтобы ты была в моей жизни... стала моей жизнью.

— Я... — Ее губы размыкаются, слово выходит глухим, а ее глаза наполняются слезами.

— Скажи это, — мягко уговариваю я ее.

Она закрывает глаза, затем распахивает их, и в них отпечатаны все ее чувства ко мне, даже если в выражении ее лица отчетливо читается беспокойство.

— Я влюблена в тебя, Леандро. Боже, как же сильно. Я знаю, что это неправильно, и я не должна испытывать этих чувств к бывшему пациенту, но это так и...

Я прерываю поток ее слов своими губами.

— Никакие из этих чувств не являются неправильными. — Я выдыхаю ей в рот. —

Более охренительно правильно и быть не может.

Ее руки обвиваются вокруг моей шеи, пальцами Индия погружается в мои волосы.

— Я люблю тебя, — шепчет она.

Ее слова подобны афродизиаку. Руками я хватаю ее за задницу и поднимаю вверх, наслаждаясь ощущением ее ног вокруг моего тела. Занося ее в свой дом, я закрываю дверь и несу ее прямо наверх, в спальню. Наши поцелуи ненасытны, мы стягиваем одежду друг с друга на ходу.

Боже, на вкус она просто охерительная.

Мне нужно отнести ее в мою постель и заставить выгибаться под моими руками, выкрикивая мое имя. Затем я зайду в нее так глубоко, что она будет чувствовать меня каждой частичкой своего тела, и ничто иное не будет иметь значения.

Я буду продвигаться постепенно. Не торопиться.

Достигнув спальни, я прохожу через открытые двери. Она роняет сумочку на пол прямо перед тем, как я кладу ее на кровать. Затем я стою и просто смотрю на нее, впитывая ее образ.

— Что? — спрашивает она стеснительно.

— Ты ужасно красива, знаешь это?

Она качает головой, а ее щеки покрываются румянцем. Обожаю то, как легко могу воздействовать на нее.

Я наклоняюсь к ней, беру ее лицо в руки.

— Ну, так вот, ты красива. Ты сводишь меня с ума. — Я трусь своими губами о ее. — Не могу думать ни о чем, кроме тебя.

Я целую ее еще раз, затем отклоняюсь назад и начинаю расстегивать ее блузку. Когда все пуговицы расстегнуты, я отодвигаю ткань в сторону, открывая для себя вид на ее бюстгальтер.

Розовый, шелковый, идеальный.

Я прижимаюсь поцелуем к вершине ее груди, затем языком скольжу по ее ложбинке в зоне декольте. Она хватает меня за голову и с ее губ срывается стон.

Поднимаясь, я тяну ее за собой. Снимаю ее блузку, затем свою рубашку, и только потом перехожу к ее лифчику. Опускаясь ниже, целую ее грудь, посасываю сосок, и она бедрами прижимается ко мне.

Поцелуями продвигаюсь по ее груди вверх, после чего снова захватываю ее рот. Я пытаюсь замедлиться, действовать размеренно, но это становится охеренно сложно, когда я чувствую ее руку, прижатую к моему члену сквозь джинсовую ткань; я практически готов слететь с катушек.

Ее джинсы слетают в секунду, мои идут следом без промедления.

Я падаю на нее, и мы сплетаемся руками, ногами и губами. Я не могу насытиться прикосновениями, не могу нацеловаться с ней. Это сущее безумие, зависимость, желание большего и полная неуверенность в том, когда же этого станет достаточно.

Но что-то говорит мне, что с Индией мне всегда будет мало.

Прижимаясь рукой к матрасу, я приподнимаюсь над ней и ладонью другой руки скольжу по ее животу вниз. Пальцами поддеваю верх ее трусиков.

— Да, — срывается с ее губ шепот с придыханием.

Рукой залажу под ткань трусиков и обнаруживаю, что она мокрая.

— Черт, — рычу я, роняя голову ей на грудь, и пальцем провожу по ее влажности.

Затем двигаюсь к ее клитору, поднимаю голову, чтобы посмотреть ей в глаза, и после этого ввожу в нее палец. Она узкая, и ее лоно сжимается вокруг меня, как тиски. Я начинаю работать пальцем, верхней частью запястья надавливая на ее клитор, и потом вхожу в нее еще одним пальцем.

Мне нужно испробовать ее.

— Я хочу, чтобы ты села мне на рот, — говорю я ей резко сквозь поцелуй. Я вытаскиваю из нее пальцы и скольжу рукой под ее спину. Я меняю нас местами, пока она не оказывается сверху. — Садись мне на лицо, детка. Я хочу ощутить, как ты объезжаешь меня своей киской, прежде чем трахну тебя.

Приподнимаясь на колени, она пялится на меня. Затем встает на кровать и становится надо мной, расставив ноги по сторонам от моей груди. Она стягивает трусики и отбрасывает их прочь. После чего двигается к моему лицу, снова опускаясь на колени.

Без стеснений и колебаний. Я, черт подери, обожаю это.

Я хватаю ее за бедра и притягиваю к своему рту так, как того хочется мне.

От первого же прикосновения языком к ее клитору она громко стонет. Падая вперед, она руками стискивает изголовье кровати.

На вкус она божественна. С ней, верхом на моем лице, я могу провести хоть весь день.

Она начинает вращать бедрами, пока я лижу ее киску.

— Вот так, детка. Трахни мой рот.

— О Боже, — стонет она.

— Не Боже, детка. Я.

Я толкаюсь в нее языком, и вот тогда она кричит.

Я хочу дать ей больше. Хочу чувствовать ее всю.

Хочу заставить ее кончить так охренительно сильно, чтобы она вспоминала об этом до скончания века.

Рукой я провожу вокруг ее попки. И пока пальцем скольжу сквозь ее влажность, языком продолжаю лизать ее клитор.

Не знаю, пробовала ли Индия анальный секс, но есть лишь один способ выяснить это.

Мокрым пальцем я скольжу по ее тугой сморщенной дырочке и нежно жму на нее.

Все ее тело напрягается, так что я убираю палец прочь.

— Хочешь, чтобы я остановился?

Сначала короткая пауза, и лишь после нее она отвечает:

— Я никогда...

— Тогда мы не станем это делать.

— Нет... — Она смотрит на меня сверху вниз. — То есть, да. Думаю... я хочу. Просто будь нежным.

— Всегда только так, детка.

Языком я возвращаюсь к ее клитору. Легонько щелкая по нему, я кончиком пальца аккуратно скольжу к ее дырочке. Я чувствую, как она теряется в ощущениях. Зацепив немного соков из ее киски, я использую их, чтобы протолкнуть кончик пальца в ее узкость.

Я чувствую, как ее пронзает оргазм, когда она выкрикивает мое имя. Никогда не слышал более эротичных звуков.

Как только ее оргазм начинает терять свою силу, я выскальзываю из-под нее. Становясь

позади нее на колени, я грудью прижимаюсь к ее дрожащей спине. Руками обнимаю за талию и тяну на себя, чтобы она села. Мой член тверд, как скала, и упирается в ее попку.

Она поворачивает ко мне лицом.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Ее взгляд устремляется к моим губам.

— Гораздо лучше, чем в порядке.

Я целую ее, переплетая свой язык с ее, давай ей ощутить свой вкус.

— Ты на вкус чертовски хороша, — говорю я ей.

— Теперь я хочу попробовать тебя, — отвечает она.

Я почти кончаю на ее аппетитную задницу.

— Ты не должна.

— Я хочу. — Она прикусывает нижнюю губу, привлекая мое внимание к ее рту.

— Твоя помада с тобой? — задаю я вопрос.

Она приподнимает бровь.

— Зачем?

— Затем... — Я прихватываю ее нижнюю губу зубами. — С тех самых пор, как увидел тебя с накрашенными красной помадой губами, в моей голове застрял один мысленный образ: как ты отсасываешь мне, размазывая эту помаду по всему моему члену.

У нее сперло дыхание, глаза же загорелись желанием.

— Она в сумочке.

Отодвигая ее от себя, я с пола хватаю ее сумку и передаю ей. Она вылавливает помаду и красится ею, нанося новый слой без зеркала.

— Впечатляет, — усмехаюсь я.

— И это лишь один из моих многих талантов.

Я практически уверен, что мой член стал еще тверже. Я близок к тому, чтобы корчиться от боли, а шары настолько синие, что уже даже не смешно.

— Ты всех женщин просишь красить для тебя губы? — спрашивает она.

Я хватаю ее за подбородок и смотрю прямо в глаза.

— Нет. Только тебя. И после тебя у меня никого не было, если тебе интересно и это.

Я вижу, как в ее глазах мелькает удивление. И от этого мне не становится лучше. Но ничего странного, моя репутация идет впереди меня.

— Ты *ни с кем* не спал после меня? — Неверие в ее голосе раздражает.

— Ни с кем. — Я убираю руку от ее подбородка, но продолжаю сверлить взглядом.

— Но все эти фотографии в прессе с другими женщинами...

— Только этим они и были — фотографиями. Ты трахалась с кем-нибудь после меня? — Я перевожу стрелки на нее, хотя не знаю, хочу ли знать ответ на этот вопрос.

В ее глазах вспыхивает возмущение.

— Нет. — Она вздергивает подбородок.

— Хорошо. Теперь становись на колени и соси мой член.

В спальне я властный ублюдок, но она, по всей видимости, не возражает.

Ее взгляд проясняется, и она наклоняет голову набок.

— Мог бы сказать «пожалуйста».

Пальцами я провожу по ее волосам, притягивая ее лицо ближе к своему.

— Прости. Индия, становись на колени и соси мой член, *пожалуйста*.

Она одаривает меня надменным взглядом.

— Так-то лучше. — После чего она соскальзывает с кровати и становится на ноги.

Я повторяю за ней, опускаю ноги на пол и сажусь на край постели.

Она опускается на колени. Мне в жизни не открывался вид прекраснее, чем стоящая передо мной на коленях Индия, смотрящая на меня своими большими голубыми глазами. Пальцами я погружаюсь в ее волосы, хватаюсь за них и направляю ее голову к своему члену. Через секунду ее губы касаются моей эрекции. Я знаю, что все это закончится слишком быстро, если я не буду себя контролировать.

— Черт, да, — рычу я.

Я тяну ее за волосы сильнее, когда она ртом захватывает мой член, беря его очень глубоко.

— Черт. Иисусе, вот так, детка, — говорю я сквозь стиснутые зубы со свистом. — Бери его весь.

Она охерительно великолепна. Докторша, отсасывающая, как порно-звезда. Я чувствую, как головка члена ударяется о стенки ее горла.

Я убираю ее волосы в сторону, чтобы видеть, как она ласкает меня.

— Теперь, когда я вижу твою помаду на моем члене, то понимаю, что это даже лучше, чем я представлял.

Когда она начинает лизать член, каждый раз заглатывая его максимально глубоко, я начинаю двигать бедрами.

Я сейчас кончу. Нужно остановить ее. Но ощущения настолько охренительные.

Она втягивает щеки, жестко отсасывая мне, и картина преждевременного оргазма пронизывает мой мозг.

— Ах, Индия, детка... тебе нужно остановиться. Если не остановишься, я кончу. — Я нежно тяну ее за волосы.

Она вытаскивает член изо рта с хлопком. Присаживается на пятки, и я вижу, что ее помада размазана по ее губам и по моему члену, а ее волосы взъерошены моими же руками.

Чертовски красивая.

— Мне казалось, что в том и смысл. — Пальцами она пробегается по моей эрекции, отчего тот дергается.

— В следующий раз. А сейчас мне необходимо трахнуть тебя. — Хватая Индию под подмышки, поднимаю ее на ноги, после чего бросаю на кровать.

Из кошелька, лежащего на прикроватном столике, достаю презерватив. Надеваю его в считанные секунды и оказываюсь между ее зазывающих бедер, членом прижимаясь к ее пылающей и мокрой киске.

Она поднимает руки над головой и грудью, пытаюсь прижаться ко мне.

— Мне нужно, чтобы ты вошел в меня, — шепчет она.

— Безумно, — рычу я.

Я наклоняюсь и целую ее грудь. Зубами прихватываю сосок, заставляя ее приподнять бедра.

— Трахни меня, Леандро! Сейчас же! — кричит она.

— Скажи «пожалуйста».

Она бросает на меня взгляд.

Я ухмыляюсь.

— *Пожалуйста*, отымей меня, — произносит она сквозь стиснутые зубы.

Я вхожу в нее без промедления.

— О Боже, — шепчет она.

— Иисусе, Индия... — Я смотрю на нее и теряюсь. — Быть в тебе... ничего подобного я прежде не испытывал. Никогда больше не отпущу.

— Никогда, — выдавливая она, сосредоточив взгляд на мне.

Удерживая ее взгляд, я медленно выскользываю из нее и затем вколачиваюсь обратно.

Очень быстро все выходит из-под контроля, и мы трахаемся, как бешеные животные: лижемся, целуемся и кусаемся. Я трахаю ее очень жестко, она же ногтями впивается в мои руки, и мне это нравится.

— Черт, Индия, скажи мне, что ты близко, потому что я собираюсь кончить.

Руками она обхватывает мою задницу. Ногтями царапает кожу, пытаюсь прижать меня к себе сильнее.

— Я близко. Продолжай... так же... и я... ах, черт... кончаю! — кричит она.

Чувствуя, как она сжимается вокруг моего члена, я улетаю на небеса и кончаю вместе с ней.

— Черт... Индия! — Хриплю я, ударяясь своими бедрами о ее. Этот оргазм сильнее, чем любой, который был у меня прежде.

И это не только потому, что у меня давно не было секса. Это из-за нее. С ней все ощущается иначе.

Она изменила мою жизнь. Она та самая.

Я роняю голову в выемку между ее плечом и шеей и оставляю нежный поцелуй. Она обхватывает мою шею, обнимая меня и запускает пальцы в мои волосы. Я лежу так довольно долго, осыпая ее мягкими поцелуями.

Думаю, я жду, когда она передумает и оттолкнет меня, но этого не происходит.

Поднимая голову, я убираю волосы с ее лица. Смотрю на нее и наслаждаюсь тем, как она улыбается мне.

— Это было... ого. — Ее улыбка сменяется усмешкой.

— Я бы сказал, что лучше, чем ого. Намного, черт подери, круче.

— Переломный секс?

— Определенно. — Я снова целую ее. — Позволь мне помыть все.

Покидая ее, я отправляюсь в ванную комнату, снимаю презерватив и ополаскиваюсь. Увлажняю полотенце теплой водой и возвращаюсь с ним в спальню. Она все там же, где я ее оставил.

Полотенцем провожу между ног Индии, вытирая ее, и наблюдаю за ней, в то время как она кажется изумленной и восхищенной.

Никто не проявлял к ней подобного рода заботу?

Это и злит меня, и радует.

Я бросаю полотенце в направлении ванной и возвращаюсь в кровать. И обнимаю ее всем телом.

— Остайся на ночь, — шепчу я ей на ухо.

Она поворачивается ко мне лицом, и я кое-что замечаю в ее глазах.

Еще до того, как она начинает говорить, я знаю, что она собирается сказать.

— Я не могу.

Глава двадцать четвертая

ИНДИЯ

+ ЛОНДОН, АНГЛИЯ

Я ВИЖУ, КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЕГО ЛИЦА МЕНЯЕТСЯ, стоит только словам сорваться моего языка, так что спешу объяснить.

— Это не то, что ты подумал. Дело в Джетте. Я никогда не ночевала где-то. И сначала хочу поговорить с ним, прежде чем мы начнем оставаться друг у друга.

— То есть мы все-таки будем оставаться друг у друга? — Пальцами он скользит по моей руке, в его глазах кроется похоть.

— Если тебе повезет, — усмехаюсь я.

— Сейчас я чувствую себя чертовски везучим.

Моя ухмылка сменяется мягкой улыбкой.

— Я тоже.

— Но?

— Почему ты думаешь, что должно быть "но"? — хмурюсь я.

Он ложится на спину, закидывая руку за голову. Я моментально отвлекаюсь на изгиб его накаченного бицепса. У него потрясающие руки.

— Потому что я неплохо читаю тебя.

Выдыхая, я располагаю руку на его груди и ею подпираю подбородок.

— Я просто переживаю.

— Из-за чего? — Он приподнимает бровь.

— Есть пара вещей... — Я смотрю ему в глаза. — Переживаю, что Джетт привяжется к тебе. — Я прикусываю нижнюю губу.

— Разве это плохо? Почему? — Теперь хмурится он.

— Потому что, если по какой-то причине между нами ничего не выйдет, я не хочу причинять ему боль. Поэтому я никогда не знакомила его с мужчинами, с которыми встречалась, хотя не скажу, что их было много, или что мы с тобой встречаемся...

— Что нужно исправить в скорейшем времени.

Эти слова уносят мои мысли в другое русло.

— Хочешь пригласить меня на свидание? — Мои губы растягиваются в улыбке.

— Да, и очень скоро. — Наклоняя голову, он целует меня в кончик носа, прежде чем обратно лечь на подушку. — Тебе нечего бояться, Индия. Я не наврежу ни Джетту, ни тебе. Обещаю. Думаю, Джетт — отличный ребенок, и не могу дождаться, когда познакомлюсь с ним поближе. — Он делает глубокий вдох, отчего его грудь вздымается, поднимая меня вверх. — Я прежде никогда не влюблялся, Индия, так что, поверь мне, я не воспринимаю наши отношения легкомысленно.

— Ты никогда не влюблялся? — Я смеряю его скептическим взглядом. — Вообще?

— Вообще.

— Как такое возможно?

Знаю, что сама ни в кого не влюблялась, пока не объявился он, но его окружало куда большее количество женщин, чем меня мужчин. Просто не верится, что он не влюблялся ни в одну из них.

Он пожимает плечами.

— Я ждал этого. Но так и не дождался. И теперь понимаю, почему.

Во рту пересыхает. Облизывая губы, я спрашиваю:

— Почему?

Его глаза темнеют от насыщенной чувственности. Указательным пальцем он проводит по моей щеке, убирая волосы за ухо.

— Потому что я ждал тебя.

Может ли сердце танцевать в груди? Потому что мое определенно точно так и делает.

— Я тоже ждала тебя. — Ложась на локоть, я вытягиваю руку и касаюсь его лица.

— Ты не была влюблена... в отца Джетта?

— Нет. — Я сильно замотала головой. — Я была молода и наивна. Думала, что то была любовь, но и понятия не имела, что это за чувство на самом деле. — Я смотрю на него очень пристально. — Теперь знаю. То, что я чувствую к тебе... Раньше я не испытывала ничего подобного. Вот почему я решилась на риск, связанный с нашими отношениями.

Пальцами он скользит по моим волосам. Притягивая мой рот к его, он запечатлевает на нем мягкий поцелуй.

— Мне нравится то, что мы друг у друга первые.

Я улыбаюсь ему в губы.

— Мне тоже, — шепчу я. — Но...

— А вот и снова это проклятое "но", — ворчит он.

Отодвигая голову так, чтобы взглянуть ему в глаза, я говорю:

— Прости, но пока мы говорим об отце Джетта, тебе нужно знать о нем кое-что.

На его лицо ложится мрачная тень.

— Я слушаю.

Я сглатываю, чтобы утихомирить нервозность.

— Отец Джетта в тюрьме.

Это завладевает его вниманием.

— Ладно. За что он сидит?

Ощущение такое, словно мне нужно быть максимально сосредоточенной, чтобы сказать это, так что я сажусь рядом с ним. Подминаю ноги под себя и натягиваю одеяло в порыве скромности. Леандро сразу же стягивает его с меня.

— Я чувствую себя обнаженной.

— Так и есть. Обнаженная или нет, нет ничего такого, что тебе нужно было бы скрывать от меня или не рассказывать.

Я чувствую себя раскрытой нараспашку. Словно он может видеть меня насквозь.

Я нервно облизываю губы.

— Отец Джетта, Пол, в тюрьме за половую связь с несовершеннолетними, изнасилования и сексуальные нападения.

Его глаза увеличиваются, а черты его лица искажает гнев. Он садится и спиной прислоняется к изголовью кровати. Закрывает глаза. Челюсть напряжена, он щипает себя за переносицу.

— Он... изнасиловал тебя?

Я рукой касаюсь его лица, пальцем кружа вокруг его пальцев, потирающих переносицу, пока он не опускает руку и не открывает глаза.

— Он не насиловал меня. Я была той частью его приговора, что обозначалась половым актом с несовершеннолетними. — Я делаю вдох, чтобы собраться с силами. — Мне было пятнадцать, когда мы начали спать вместе. Полу было тридцать. — Я опускаю взгляд. —

Когда мы с Китом были детьми, нас бросили, оставив на пороге старого завода, где нас и нашел уборщик. Киту было дано имя человека, обнаружившего нас. Мое имя дано мне в честь названия строения — "Индия Хаус". Оно в Манчестере, где мы и родились.

— Иисусе, Индия. Мне так жаль, что с тобой и Китом произошло подобное. — Он обнимает меня и сильно сжимает.

— Все нормально. Я давно смирилась с этим. У меня был Кит. Он лучший брат, с которым может мечтать девушка. Но тогда о нас с Китом было сложно заботиться. Мы были озлобленными детьми, Кит более озлоблен, чем я. Он всегда влипал в неприятности, в большинстве случаев из-за того, что защищал меня. Когда я была моложе, то была скандалисткой.

— По тебе и не скажешь, — улыбается он.

— Сейчас я другая. Став матерью, мне пришлось измениться. Я стала ответственнее. Но тогда мне было плевать на все, кроме Кита. Так что мы никогда нигде не оседали, переходя от одной приемной семьи к другой. Нас было очень сложно куда-то определить, учитывая, что мы шли в связке. Если нас пытались разделить, мы просто сбежали и возвращались друг к другу, из-за чего попытки, наконец, были прекращены. Затем мы начали взрослеть, а люди не хотели проблемных подростков. В конце концов, мы остались в приюте для проблемных детей. Мы как раз были там, когда Пол получил место одного из опекунов.

— Он был твоим опекуном? Вот же срань господня, — выдавливая он, головой ударяясь об изголовье, стискивая меня еще сильнее.

— Я была молодой и впечатлительной. Он проводил со мной довольно много времени, выслушивая меня, заставляя поверить, что на самом деле заботится обо мне. И тогда я не знала, что он обрабатывал меня. Мне было пятнадцать, и я просто хотела быть любимой. Я не осознавала, что искала этого в неправильном месте. — Я сжала руку Леандро, которая все так же нежно сжимала мою. — Я спала с Полом около двух лет, когда узнала, что беременна Джеттом. Когда я пошла рассказать ему... — я втянула воздух, так как воспоминания даже сейчас имели надо мной власть, — то обнаружила в постели с другой. Она была новенькой девочкой в приюте, в котором мы жили. Ей было четырнадцать, на год меньше, чем мне, когда он начал спать со мной.

Леандро издает звук, полный боли.

— Черт, Индия.

— Это паршиво, я знаю. Прости.

Он выпрямился и обхватил мое лицо руками.

— Никогда не извиняйся. Я просто злюсь, что такое произошло с тобой.

— Я тоже, но не могу жалеть, потому что по вине Пола у меня появился Джетт. — К моему удивлению, глаза наполняются слезами. Прошло очень много времени с момента, когда я плакала в последний раз. — Когда я обнаружила Пола с той девочкой, я позвонила Киту и рассказала обо всем. Он слетел с катушек. Он выбил из Пола все дерьмо.

— Мне уже нравится твой брат.

— Когда дело касается меня и Джетта, он готов защищать нас со всей свирепостью.

— Так и должно быть.

— Когда в доме Пола разгорелась драка, кто-то позвонил копам. Кит был арестован. Благо, раньше у него не было арестов, но Пола он избил хорошенечко. Чтобы помочь Киту, я рассказала полиции о причине его срыва на Поле: кем тот был, о нем и обо мне, о моей беременности и о несовершеннолетней девочке, которую обнаружила в его постели. Мне

нужно было защитить Кита, как всю мою жизнь защищал меня он. Пол был арестован. Каким-то образом все просочилось в прессу... и тогда все стало хуже. — Я закрываю глаза, противясь нахлынувшим воспоминаниям. — Я была не первой несовершеннолетней девушкой, с которой спал Пол, и, совершенно ясно, не была последней. У него был пунктик по поводу молоденьких. Чем дальше, тем больше. Кто-то рассказал, что подвергался сексуальным домогательствам со стороны Пола. Что он даже насильвовал кого-то из них. Дело пошло в суд. Я была одной из основных свидетельниц. Его приговорили на пятнадцать лет тюрьмы за половые отношения с несовершеннолетними, изнасилования и сексуальные домогательства.

— Джетт знает обо всем этом?

— Да. Я не таю от него, кто его отец.

— Джетт когда-нибудь встречался с ним?

— Нет.

— И он все еще в тюрьме?

— Да. Как только он сел, я получила компенсацию от государства за случившееся. Немного, но тогда этого хватило. Мы с Китом уехали из Манчестера и перебрались в Лондон. Полученные деньги я использовала на покупку дома, в котором мы живем, и на свое образование. Здесь я хотела начать все заново и дать Джетту лучшую жизнь, чем была у меня.

— Ты потрясающая, ты знаешь это?

— Не особо.

— Ну вот ты такая. — Он смотрит на меня с пронизательностью. — И твоё нежелание быть со мной теперь обрело смысл.

— Я не хотела быть как он. Не хотела использовать кого-то под моим присмотром.

— Я никогда не был под твоим присмотром, детка. И ты ни разу не воспользовалась своим положением. Если кто и воспользовался, то это я. — На его губах возникает сексуальная улыбка.

— Итак, я подумала, что, может, лучше наши отношения пока не афишировать.

По тьме в его глазах я поняла, что он не согласен.

— Из-за отца Джетта?

— Из-за того, кто ты. Ты публичная личность. Ради Джетта. Я не хочу, чтобы в газеты попало что-то, что могло бы ранить его. И еще из-за моей карьеры. Я была твоим психотерапевтом. Если Совет Медицинских Профессий узнает, моей карьере конец.

— Как они могут узнать? Те, кто знают, не проговорятся ни за что, ну, с моей стороны точно. А что насчет твоей?

— Кит знает, — морщусь я. — После нашего первого поцелуя я была в раздрае. — Я встречаюсь с ним взглядом. — Он догадался. Но ты можешь доверять Киту. Он никогда ничего не расскажет.

— Все в порядке, Индия. — Он берет мою руку и сжимает ее.

— И Сэйди, моя бывшая секретарша, безусловно, знает, что ты был пациентом, но она связана договором о конфиденциальности, который я обязываю подписывать всех моих секретарш.

— Так что мы прикрыты.

— Наверное. Но как насчет Джетта? Я не хочу, чтобы он попал на всеобщее обозрение только из-за того, что мы вместе.

— Я защищу его. Я прикажу юристу и специалисту в сфере журналистики, чтобы они тормозили любую прессу, в которой могут появиться его снимки. Я не хочу прятать нас, детка. У меня есть ты, и я хочу, чтобы весь мир знал, что ты моя. Теперь ты и Джетт — моя семья.

— Семья?

— М-м-м-м... у тебя с этим какие-то проблемы?

— Никаких проблем. Ты осознаешь, что мы воплощаем в жизнь мечту Джетта — чтобы мы были вместе? Он будет в восторге. Также он будет ждать того, что будет ходить на все твои гонки.

— Я бы обиделся, если бы он не пошел, — улыбается он. — Джетт может ходить со мной куда угодно. Пока его горячая мамочка находится рядом.

— И она будет рядом, когда позволит работа.

— Ты можешь отдохнуть от работы? Мне через пару недель нужно будет ехать в Венгрию. Как раз будут школьные каникулы. Я был бы рад, если бы вы с Джеттом поехали со мной.

— Я не могу ответить «нет», так?

— Не можешь, детка.

— Мне нужно будет оценить ситуацию, и, если это необходимо, всегда могу найти кого-то, кто бы взял моих пациентов на время, пока меня не будет.

— Значит, вы поедете?

— Я спрошу Джетта, но уже знаю его ответ. Так что, да, мы поедем.

— Хорошо. — Он перекатывает меня на спину и жестко целует в губы.

— Из-за работы тебе часто приходится ездить, да? — Я зажмуриваюсь.

— Ага. Но мы решим этот вопрос. Все получится.

— Лучше бы получилось, потому что из-за тебя я рискую карьерой. — Я пальцем тычу его в бок.

— Эй! — Он смеется, хватая мои руки, чтобы остановить. — Это я тут должен тыкать.

Я приподнимаю брови.

— У тебя порочные мысли.

— О, детка, ты и не представляешь.

По мне пробегают мурашки, отчего я сжимаю пальцы на ногах.

— Тогда тебе нужно просветить меня.

— У меня есть план. — Он скользит, прижимаясь ко мне его готовой к действию эрекцией.

— Уже?

— Вот что ты делаешь со мной. Я могу продолжать всю ночь.

— Ты ненасытный.

— Потому что ты неотразима.

Своим ртом он накрывает мой, прикусывая мою нижнюю губу. Я целую его в ответ, пальцами пробегаясь по его прядям. Дотрагиваюсь до шрама на его голове, который от всего мира скрыт волосами.

Рукой глажу его по лицу.

— Хотела бы я быть рядом с тобой после аварии.

— А я бы не хотел, чтобы ты была там... и видела меня таким, каким я был.

Он закрывает глаза, медленно опуская веки, после чего неторопливо поднимает их

снова, чтобы встретиться со мной взглядом. В его глазах я вижу все: как воспоминания все еще причиняют ему боль. И жалею, что вызвала их сама.

— Я был разбит.

— Я уже видела тебя в худшие времена, Леандро. — Рукой я провожу по его шее.

— Нет, не видела, — качает он головой. — Ты видела всего лишь расстроенного мужчину, борющегося со своими демонами в облике алкоголя и женщин.

Я вздрагиваю от упоминания его нескромного прошлого.

— Прости, — шепчет он, носом потершись о мою щеку.

— Тебе не нужно просить прощения. Ты не сказал ничего такого, чего бы я уже не знала. Просто и тогда слушать об этом было сложно. А сейчас... еще сложнее.

— Это все в прошлом.

— Я знаю. — Пальцами я снова скольжу по его шраму. — Я рада, что я твое будущее.

— И я рад. — Он тянется ко мне губами, обрушиваясь на мои. — Сколько ты еще можешь оставаться, прежде чем тебе нужно будет возвращаться домой?

— Еще несколько часов.

Пальцами я провожу по его волосам и опускаю руку к спине. Мягко царапаю его кожу ногтями, вызывая звуки наслаждения.

— Хорошо, потому что следующие несколько часов я собираюсь быть глубоко в тебе, заставляя тебя кончать так охеренно сильно и так часто, что ты никогда не захочешь уходить.

— Меньше разговоров, больше действий, — бормочу я, снова теряясь в нем.

— О, сейчас я тебе покажу, — загадочно усмехается он. — Прямо, блядь, сейчас.

Он захватывает мой рот, упиваясь поцелуем. Затем коленом раздвигает мои ноги и, прижавшись своим твердым членом к моей горячей влажности, неожиданно вдалбливается в меня.

— Леандро! — выкрикиваю я, неспособная дышать.

Оставаясь во мне, он смотрит вниз своим всепоглощающим затуманенным взглядом.

— Моя, — произносит он низким голосом, вкладывая в слово очень много. — Ты моя, Индия, и я больше никогда тебя не отпущу.

Я проснулась, чувствуя теплое упругое тело Леандро, прижатое ко мне. С лучами солнца на моем лице я ощутила боль между ног, которая могла быть только от изумительного секса.

Постойте-ка. Солнечные лучи на лице. Который час?

Глаза резко распахиваются, чтобы увидеть через его раскрытые шторы, которые он никогда не закрывал, как снаружи брезжит рассвет. Оглядываю комнату в поисках часов и вижу их на прикроватном столике. Шесть утра.

— Дерьмо! — Я подрываюсь, несмотря на то, что рука Леандро все еще на мне. — Мы заснули. — Я трясую его за плечо. — Мне нужно идти.

— Хм-м-м... что? — Он моргает его великолепными глазами, но продолжает удерживать меня в объятиях.

Я тяну его за руку.

— Тебе нужно отпустить меня. Мы заснули. Мне нужно добраться домой.

Сердце в груди бьется с глухими ударами. Еще рано, так что Джетт пока спит, но я поверить не могу, что заснула.

Худшая мама на свете!

Выбираясь из кровати, я бегаю по его комнате, собирая свою одежду и напяливая ее, чтобы уйти.

— Что? — спрашиваю я.

— Ничего. Ты выглядишь чудесно.

— Я выгляжу ужасно. — Рукой провожу по испорченной прическе.

Он поднимается с постели и подходит ко мне. Все еще голый и такой сексуальный.

— Чудесно. — Он запечатлевает нежный поцелуй.

— Как и ты. К тому же очень соблазнительный, когда прижимаешься ко мне в чем мать родила... но мне нужно бежать, — бормочу я ему в губы.

Он гортанно посмеивается, и грудью я чувствую вибрации, проносящиеся по его телу.

— Можешь идти, если позволишь увидеть тебя вечером. Я хочу сводить мою девочку на свидание.

Я отклоняю голову назад и смотрю ему в глаза.

— Звучит потрясающе.

— Так и будет.

Он целует меня снова. Кладет свою руку мне на затылок и языком проскальзывает в мой рот. Другой рукой обхватывает мою задницу и стискивает ее, прижимаясь к моим бедрам утренней деревянной эрекцией.

Еще несколько минут ничего же не решат? Мы могли бы...

Нет, мне нужно идти.

Глубоко изнутри вырывается рычание, и я говорю снова:

— Мне нужно идти.

Он ворчит от разочарования.

— Ладно. Иди, — произносит он добродушно, после чего шлепает меня и отпускает.

Я хватаю туфли, сумку и спускаюсь по лестнице. Леандро вскоре оказывается позади меня, уже одетый в боксеры.

Жаль. Он мне нравится голым.

Стоя у входной двери, я обуваюсь.

— Я расскажу о нас Джетту сегодня.

— Хорошо.

— Он будет в порядке, само собой, потому что... ну, это *ты*, — машу я вверх и вниз, указывая на него.

Он усмехается.

— У Джетта хороший вкус, как и у его матери.

Улыбаясь, я качаю головой.

— Я подумала, что ему может быть полезно проводить некоторое время с тобой. Может, ужин у нас дома на неделе? Тогда ты сможешь познакомиться и с Китом тоже.

— Звучит отлично. — Он наклоняется и снова целует меня, пальцами запутываясь в моих волосах.

И я оказываюсь пригвожденной к двери, а поцелуй в это время становится все более страстным.

— Тебе правда нужно уходить прямо сейчас? — тяжело дышит он мне в губы.

— Правда, — отвечаю я с тоской.

Он делает глубокий вдох и отступает на шаг назад. Меня пронизывает взгляд его темных глаз.

— Вечером ты моя. Я свожу тебя поужинать, а потом верну сюда и буду трахать, пока ни один из нас не сможет ходить.

Низ живота потянуло от ожидания.

— Не могу дождаться. — Я тянусь к ручке и открываю дверь.

— Заберу тебя в семь тридцать.

— Что мне надеть?

— Как можно меньше.

Смеясь, я выхожу за дверь.

— И под этим ты подразумеваешь нижнее белье, верно? — Я одариваю его сексуальным взглядом, приподнимая бровь.

— Именно это и подразумеваю. — Он облакачивается о дверной косяк, на груди скрещивая его потрясающие руки.

Он наблюдает за тем, как я сажусь в машину, и поднимает руку, когда отъезжаю. Я посылаю ему воздушный поцелуй.

Ненавижу себя за то, что бросаю его, но в первую очередь я мама — тотально облажавшаяся, умудрившись заснуть. Поверить не могу, что заснула. Думаю, это демонстрирует, насколько Леандро измотал меня и как мне с ним хорошо.

Боже, а секс! Никогда еще у меня не было такого секса.

Может, таким и является секс с тем, кого ты любишь, но кажется мне, что в основном дело в нем. Этот мужчина очень хорош в постели.

Я без проблем добираюсь домой благодаря пустым дорогам, ведь еще довольно раннее время. Через пятнадцать минут заезжаю на подъездную дорожку. Выключая двигатель, выбираюсь из машины и аккуратно закрываю дверь.

Бесшумно отпираю входную дверь и захожу. В доме тихо. Все еще спят.

Хвала Господу.

Оставляю сумку на полу в коридоре и иду на кухню, чтобы сделать себе кофе. Затем приму душ. От меня пахнет сексом. И Леандро.

Я тут же думаю пересмотреть решение с душем, потому что мне нравится пахнуть как Леандро, но я не настолько вульгарная.

Я иду на кухню и практически получаю сердечный приступ, когда за столом вижу Джетта, который преспокойно поедает хлопья и лазит в телефоне.

— Чем занимаешься? — выдавливаю я слова.

Он поднимает на меня взгляд. Я наблюдаю за тем, как он осматривает мой внешний вид.

— Почему ты в той же одежде, в которой была и вчера? Ты пришла домой только что? — спрашивает он меня, приподнимая брови.

— Н-нет, я-я... эм... я...

— Мам, ты заикаешься?

— Нет, — выпаливаю я, защищаясь. — Я во вчерашней одежде, потому что... — *Черт подери!* Почему я не могу врать без запинки? — Потому что мне очень нравится эта рубашка.

— Ладненько... Ну, тогда просто чтобы ты знала, твоя любимая рубашка застегнута

неправильно.

— Что? — Я оглядываю себя и вижу, что, спеша покинуть дом Леандро, перепутала петли, застегнув рубашку не так, как надо. Я начинаю перезастегиваться.

— Так что, значит, прошлой ночью ты оставалась у Леандро?

Мое лицо краснеет от стыда.

— Да. Нет! То есть, нет. — Боже, ненавижу его автоматную очередь вопросов, когда я отвлечена.

— Знаешь, мама, врать своему единственному сыну — кошмарное решение. Я почти уверен, что ложь между матерью и ребенком является началом потенциального разлада. То есть, ты врешь, а я могу почувствовать себя задетым и отвергнутым. Могу взбунтоваться. Начать тусоваться с нехорошими людьми. Курить. Принимать наркотики. Кто знает, чем все это закончится?

Качая головой, я пытаюсь не улыбнуться, и занимаю стул напротив него.

— Отлично сыграно. Когда ты стал таким умным?

— Я всегда был таким. Я учился у суперумной и очень привлекательной мамы.

— Ты сегодня утром в ударе, — смеюсь я, чувствуя себя пугающе впечатленной. — Ладно, правда. Я собиралась поговорить с тобой сегодня, но, полагаю, сейчас самое лучшее время. Да, прошлой ночью я была с Леандро, и мне жаль, что я солгала и сказала, что этого не было.

— Я так и знал, блин! Итак, теперь он твой парень? Сколько это уже длится? Это значит, что я могу бывать на Гран-при, когда захочу?

— Ого. Притормози-ка. — Я поднимаю руку, останавливая поток неиссякаемых вопросов. — Во-первых, позволь мне извиниться. Я пошла к Леандро, чтобы поговорить. А после разговора устала и заснула. Прости, что осталась там на ночь, ведь я не должна была. — Мне пришлось немножко соврать, потому что черта с два я скажу своему двенадцатилетнему сыну, что занималась с Леандро сексом и только потом уснула. Раньше ад замерзнет.

— Дядя Кит был здесь, так что не страшно. Я не был один.

— Я знаю, и никогда не должен был. Но, оставшись на ночь, я поступила неправильно. В будущем, если я буду планировать провести ночь не дома, ты узнаешь об этом заранее. Ладно?

— Ладно. — Он набирает в ложку хлопьев, помещает их в рот и начинает хрустеть.

— Отвечая на твой второй вопрос, да, мы с Леандро вместе.

— Круто! Так, значит, я смогу получать билеты и на другие гонки Гран-при?

Улыбаясь, я качаю головой. Я начинаю обожать приоритеты моего ребенка, ну и его упорность.

— Смотря куда, потому что мы говорим о загранице, но, уверена, Леандро достанет тебе билеты, если гонка будет во внеурочное время, и я смогу выкроить время на работе, чтобы отвезти тебя. Вообще-то, он уже пригласил нас в Венгрию. — Я услышала вылетающие изо рта слова раньше, чем поняла, что говорю их. Даже если я не сомневаюсь, что путешествие будет потрясающим, то все равно собиралась подождать какое-то время, прежде чем вываливать эту новость Джетту.

— Ты серьезно?

— Хм-м-м. — Я сжимаю губы, раздражаясь на свою говорливость.

— О боже, это так круто! Это будет невероятно круто! Как думаешь, он даст нам

посмотреть гонку из бокса?

— Эм, я не знаю. Может быть.

— Уверен, что разрешит. О, боже мой, это будет фантастически! С ума сойти, Венгрия!

Не могу дождаться, когда расскажу друзьям!

— Ладно, ладно, не будь таким возбужденным.

— Почему бы и нет? — Он хмурится в смятении.

— Не знаю. — Я беспомощно пожимаю плечами. И предпочитаю сменить тему разговора. — А ты чего так рано?

На его лице возникает хитрая ухмылка.

— Хотел поймать тебя, когда ты вернешься.

Моя челюсть падает на пол.

— Ты знал, что я уехала?

— Конечно, знал. Я слышал, как вы вчера вечером разговаривали с дядей Китом. У меня слух как у летучей мыши. И учти на будущее, я могу слышать почти все, о чем вы с дядей Китом говорите на кухне. — Он поднимает палец, указывая на потолок. — Ваши голоса проникают прямо в мою комнату.

— О, Боже, — выдыхаю я. Вытянув руки на столе, я роняю на них голову и размышляю о разговорах, что недавно вела с Китом.

Я слышу смех Джетта и как он встает из-за стола. Через несколько секунд он кладет руки мне на плечи. Я поднимаю голову и смотрю на него.

— Я рад, что ты счастлива, мам. Не то чтобы ты не была привлекательной, потому что, безусловно, ты красивая, но ты сорвала джек-пот в виде пилота Формулы-1. Я не мог бы гордиться еще больше. Прошлым вечером ты сделала меня самым популярным учеником в школе. Осталось только, чтобы дядя Кит привел домой модель из «Виктории Сикрет», и тогда я смогу сказать, что жизнь удалась. Хочешь, сделаю тебе кофе?

— Эй, кто ты и что сделал с моим мальчиком? — смотрю я на него шокированная.

— Твой мальчик почти подросток.

— Ох, думаешь, я не знаю? — ворчу я, роняя голову обратно. — И это был ответ «да» на предложение о кофе.

— Будет сделано прямо сейчас, — посмеивается он.

Глава двадцать пятая

ЛЕАНДРО

+ ЛОНДОН, АНГЛИЯ

— ИТАК, КУДА МЫ ЕДЕМ?

Я только что забрал Индию, чтобы отвести на свидание, и мы уже в пути, но лишь после обстоятельного исследования меня Китом, который, кажется, хороший парень, и после пары слов от Джетта: в основном о том, что, несмотря на то, как я крут, богат и знаменит, если хоть чем-то обижу его маму, то он надерет мне зад. Он сказал, что никогда прежде не видел никого из тех, кто водил его маму на свидание, так что понимает, как много я для нее значу, и что, должно быть, очень сильно нравлюсь ей. Я убедил его, что мне его мама тоже очень сильно нравится.

Я схожу по ней с ума.

Утром, когда она ушла, я скучал по ней, как умалишенный. После я вернулся в кровать. Все, чем я мог заниматься, это вдыхать ее запах, оставшийся на моих простынях и подушках. От этого только сильнее захотел, чтобы она все еще была здесь, и чтобы я мог погрузиться глубоко в нее снова.

Никогда я еще не чувствовал себя таким потерянным и таким охрененно обретшим себя, когда находился в ней.

Мне всегда было суждено быть с Индией. Внутри нее и рядом с ней.

Всегда было интересно, что значит быть влюбленным, что это за ощущения. Теперь я знаю.

— Я подумал, что ты бы хотела чего-то спокойного, а мне хотелось провести время с тобой вдвоем. Так что я везу тебя ужинать в мой ресторан.

— У тебя есть ресторан?

Я отмечаю нотки удивления в ее голосе.

— М-м-м-м. Купил его пару лет назад. Я любил там поесть. Они делают лучшую бразильскую еду в Лондоне. Из-за каких-то финансовых затруднений место вот-вот должно было закрыться. Мне очень нравился владелец, и я не хотел потерять любимый ресторан, потому купил его. Инвестировал в некоторые инновации и раскрутку. Теперь дела идут очень даже хорошо. Виктор им управляет за меня, а я по большей части занимаюсь деловой стороной.

— Ты милый.

Я устремляю на нее взгляд.

— Леандро Сильва милый? Ни за что, черт подери. Смекалистый в бизнесе. Лучший пилот всех времен. Сексуален как грех, само собой.

Она смеется, и от этих звуков мое сердце переполняется теплом.

Я тянусь и беру ее за руку. Оставляю нежный поцелуй на ее коже. Она сжимает мою руку пальцами и я, удерживая, располагаю наши руки у себя на бедре.

— Ты раньше пробовала бразильскую еду?

— Нет. Она мне понравится?

— Тебе нравится мясо?

Она усмехается, прикусывая нижнюю губу, и я точно знаю, о чем она думает. Мне нравится порочный ход ее мыслей. Внешне она кажется такой приличной и благодетельной, но внутри оказывается непокорной и похотливой.

— А колбаска будет?

Я многозначительно посмеиваюсь.

— Нет, но могу обеспечить колбаску позже, когда мы вернемся ко мне.

— Это уж точно. — Языком она скользит по нижней губе, и мой член почти взрывается. — Итак, может, пока мы будем в ресторане, ты научишь меня бразильским фразам, которые говоришь, пока эта колбаска находится у меня во рту?

Черт подери.

— Ты такая охерительно сексуальная. — Я отпускаю ее руку и пальцем провожу по предплечью вверх. Когда достигаю ее плеча, пальцами погружаюсь в ее волосы, разворачивая Индию лицом по мне. — После ужина я повезу тебя прямо к себе домой, раздену и буду трахать до наступления следующей недели.

— Не могу дождаться. — Ее обещающая улыбка сексуальна как сам ад.

Не проходит много времени, как я привожу ее в ресторан. У меня уходят все силы на то,

чтобы не развернуть машину и не отвезти ее ко мне сразу же. Но я хочу дать ей обещанное свидание. Не хочу, чтобы она думала, будто я хочу ее только трахать, хотя это все, о чем я думаю, находясь как с ней, так и без нее. Но я хочу от нее большего. Хочу ее всю, и чтобы она знала об этом.

— «У Эдуардо», — читает она вывеску ресторана.

— Мой отец. Я изменил название ресторана, дав ему имя своего отца.

Выключая двигатель, я выбираюсь из машины и быстро обхожу ее, чтобы открыть Индии дверь.

Я беру ее за руку и помогаю вылезти.

— Спасибо. Даже не могу вспомнить, когда в последний раз мужчина открывал передо мной дверь машины. Вообще-то, никогда, — хихикает она.

— Ну, привыкай, потому что теперь ты со мной. И я всегда буду открывать перед тобой двери.

Наклоняясь, я нежно целую ее в губы и получаю удовольствие от мягкого стога, который она издает.

Когда я отхожу от нее, она вытирает пальцем места вокруг моих губ.

— Губная помада.

— Я уже говорил тебе, как обожаю твои красные губы?

— Ты говорил мне об этом несколько раз еще прошлой ночью. — В ее глазах появляются озорные искры, отчего мой член встает наизготовку, я становлюсь весь внимание. — Знаешь, я могла бы встретиться с тобой здесь. Уберегла бы тебя от поездки ко мне и возвращения сюда. — Она говорит о том, что сейчас мы в Мейфере, в паре минут от моего дома.

— Я ни за что не позволил бы тебе ждать меня где-то. Мы на свидании, и я подвожу мою девочку на ужин.

— Мне нравится, когда ты меня так называешь.

— Моей девочкой? — Я останавливаюсь у двери.

— М-м-м.

— Ну, ты моя.

От улыбки, которой она одаривает меня, мне на мгновение становится трудно дышать.

Я открываю двери, пропуская Индию вперед. Запах этого места всегда навевает воспоминания о доме.

— Мистер Сильва, добрый вечер. Ваш столик уже готов.

— Спасибо, Мигель.

За Мигелем я следую к столику, который просил — в кабинке в конце ресторана. Сам ресторан сегодня битком, но расположение этой кабинки обеспечит нас абсолютной приватностью. Только я и Индия.

Индия проскальзывает в кабинку. Вместо того, чтобы сесть напротив, я располагаюсь рядом с ней. Этим вечером я планирую практически не отрывать от нее рук.

Как только мы рассаживаемся и заказываем напитки, Мигель приносит нам меню. Мне не нужно его открывать. Я и так знаю все блюда.

Индия снимает пальто, и, благодаря глубокому вырезу, мне открывается потрясающий вид на ее декольте. Мой член начинает твердеть. Она открывает меню и наклоняется вперед, чтобы прочесть его, я же в этот момент рассматриваю ее платье.

— Что здесь лучше всего на вкус? — спрашивает она, не смотря на меня.

— Все. Но сейчас я сгораю от желания съесть только одно — тебя.

Она поднимает на меня взгляд.

— В этом платье ты выглядишь очень горячо.

— Рада, что тебе нравится.

— Мне гораздо больше чем нравится.

Она прикусывает губу, из-за чего мой член дергается. То, как она ее прикусывает, сильно действует на меня.

— Готовы заказать? — Мигель возникает у столика с нашими напитками.

Из-за его вмешательства мне приходится сдерживать раздраженное ворчание.

— Хочешь, закажу для нас обоих? — спрашиваю я Индию.

— Конечно.

Я быстро проговариваю Мигелю заказ, чтобы он мог унести свои ноги отсюда нахрен и оставить нас наедине.

— Место изумительное. — Она поднимает бокал вина и делает глоток.

— Спасибо.

— Поверить не могу, что ты владеешь рестораном, а я и не знала об этом. — Улыбаясь, она качает головой. — Я думала, что знаю о тебе не мало, но ощущение такое, что мне предстоит узнать еще очень много.

— Спрашивай что угодно. Я отвечу. Ты же знаешь. — Я одариваю ее взглядом, намекая на наши терапии, где я не особенно смущался раскрывать информацию о себе.

— Еще какой-то бизнес, о котором я не знаю?

— Нет. Только этот.

— Сколько тебе было, когда ты начал заниматься гонками?

Я пожимаю плечами.

— Немного. Я был подростком.

— Первая гонка, которую ты выиграл?

— Ну, если не считать нелегальных уличных гонок, которыми я увлекался... — Я вижу, как опасно вспыхивают ее глаза. — Чемпионат по ралли для юниоров в Бразилии, когда мне было четырнадцать.

— Значит, когда ты был моложе, ты был плохим парнем?

— Да и сейчас такой, — усмехаюсь я.

Она кладет локти на стол, подпирая руками подбородок.

— Спорю, что у горячего гонщика плохиша было много поклонниц.

— Хватало. — Я лениво пожимаю плечом.

— С кем были первые серьезные отношения?

— Ларисса Гарсиа.

— Сколько тебе было, когда ты потерял девственность?

— Шестнадцать.

— С Лариссой?

— Нет. Со старшей сестрой Лариссы, Марисой. Ей было восемнадцать.

— Ты шутишь? — Она шокировано то ли усмехнулась, то ли хмыкнула.

— Нет. Это и послужило причиной нашего с Лариссой расставания. Когда я был ребенком, то был куском дерьма, — усмехаюсь я, гримасничая.

— Как и взрослый, в общем-то. — Она приподнимает брови, ссылаясь к моим завоеваниям, о которых она знает благодаря нашим встречам у нее в кабинете.

Единственный минус отношений с психотерапевтом.

Мое игривое настроение сразу же улетучивается.

— Таким я был. Я больше не тот мужчина.

— Я знаю, — говорит она мягко, рукой касаясь моего лица. — Прости, мне не следовало говорить этого.

Я встречаюсь с ней взглядом.

— Нет, ты не ошиблась. Просто хочу, чтобы ты знала, что прежний я... в прошлом. Мое будущее — ты.

Ее глаза засияли от счастья, и мое сердце забилось быстрее.

— И ты мое будущее. — Она приближается и целует меня в губы. — Я люблю тебя, Леандро. — Прошептанное слова, приласкавшие мою кожу, только увеличили мое желание.

Я продолжаю поцелуй, рукой погружаясь в ее волосы, отклоняя ее голову назад, чтобы углубить поцелуй. Другой рукой я сжимаю ее бедро, притягивая Индию ближе. Она хнычет, пальцами сминая ткань моей рубашки.

Я разрываю поцелуй и тяжело дышу, после чего смотрю в ее распахнутые глаза.

— Хочешь знать обо мне еще кое-что?

Она кивает.

— Я расслабляюсь, доводя мою девушку до оргазма на публике. — Рукой я провожу по ее бедру и пальцами скольжу под подол ее платья.

Ее глаза расширяются, но она не возражает и не отводит взгляд.

— Нас могут увидеть? — шепчет она, с трудом дыша.

— Только если кто-то зайдет сюда.

В ее глазах виднеется возбуждение. Затем она раздвигает ноги, приглашая меня. Дрожь удовольствия проносится по моей спине. Я рукой двигаюсь вверх по внутренней части ее бедра. Пальцами наталкиваюсь на шелковые трусики и понимаю, что она уже чертовски готова.

— Мокрая для меня, — шепчу я. Приближаясь, я губами прижимаюсь к ее шее.

— Всегда.

Кончиком пальца провожу по ее трусикам. Она извивается под моей рукой. Желая ощутить ее, я отодвигаю ткань в сторону и пальцем вхожу в нее. Она стонет немного громковато, так что я затыкаю ее своим ртом.

— Тихо. Ни звука, детка. Я собираюсь трахать тебя пальцами и заставить тебя кончить благодаря моей руке, но ты не можешь издать ни звука.

Я пристально смотрю на нее, когда она шепчет:

— Я буду тихой. Прошу, заставь меня кончить. Мне нужно это... *ты*.

С рычанием я начинаю трахать ее пальцами, большим же тру ее клитор, и наслаждаюсь тем, как жадно она сжимается *там*.

Я охеренно заведен. Либо я кончу в штаны, либо нагну ее над столом и оттрахаю до потери пульса у всех на глазах.

— О боже... — шепчет она, содрогаясь. — Я близко.

— Вот так, Индия. Кончи для меня. Покажи мне, что я с тобой делаю.

Она смотрит мне в глаза проникновенным взглядом, и я чувствую ее оргазм благодаря тому, как она сжимается вокруг моих пальцев. На ее лице читается абсолютное блаженство, когда ее тело вздрагивает от освобождения. Когда она получает последние капли удовлетворения, то падает на меня.

Я вытаскиваю из нее пальцы и возвращаю ее трусики на место.

– Ты в порядке?

– Лучше, чем в порядке. – Она поднимает голову и смотрит мне в глаза. – Это было потрясающе.

Ее лицо покраснелось после оргазма, а губы распухли от моих поцелуев.

– Это было нечто. – Боже, мне нужно в ней быть, очень сильно нужно. Не знаю, смогу ли вынести этот ужин.

– Поверить не могу, что ты только что сделал это. – Она смотрит на меня, смущаясь.

Мне кажется забавным ее стыдливая скромность, учитывая, что всего минуту назад мои пальцы были внутри нее, пока она кончала.

– Поверь мне, детка, потому что так мы будет делать часто. Я намерен заставлять тебя кончать везде, где смогу.

Я кладу в рот пальцы, которые недавно были в ней, и обсасываю их от ее соков.

Ее глаза заволакивает жажда.

– Как долго продлится этот ужин?

– А что?

– Мне необходимо оказаться у тебя как можно быстрее, чтобы я смогла ответить тебе тем же. – Ее взгляд устремлен на мой член, который упирается в молнию брюк.

Я уж думал, она никогда, блядь, не спросит.

– Мы можем взять еду с собой.

Наши взгляды встречаются, и в ее глазах явное желание.

– Так и поступим.

Глава двадцать шестая

ИНДИЯ

+ ЛОНДОН, АНГЛИЯ

– СЛИШКОМ МНОГО ДЛЯ УЖИНА, – смеюсь я мягко, держа в руках контейнеры едой, когда мы проходим через входную дверь дома Леандро.

– Эй, не вини меня. Это ты приняла такое решение.

– Знаю. Я и не жалуясь. – Я проскальзываю перед ним и иду по коридору, направляясь на кухню. – Просто интересно, сможем ли мы высидеть свидание, не расплатившись раньше и не вернувшись к тебе, чтобы заняться сексом.

– Мы собираемся заняться сексом?

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на него, стоящего в дверном проеме. На его сексуальном лице виднеется ухмылка.

Отворачиваясь, я ставлю контейнеры на кухонный остров.

— Если хочешь, можем просто поужинать.

— Черт, нет. — Он грудью прижимается к моей спине, прижимая меня к столу. Убирает мои волосы в сторону и целует в шею. — С тех пор, как ты ушла утром, я отчаянно нуждаюсь в том, чтобы оказаться в тебе. — Он пальцами пробегает по внешней стороне моего бедра, задирая платье. — Давай избавимся от этого.

Губами он проводит по моему уху, вызывая у меня дрожь, пока пальцами обхватывает резинку моих трусиков. Он тянет их вниз.

Давая им спуститься по ногам, я отступаю, чтобы оттолкнуть белье в сторону.

Он поднимает платье до талии.

— У тебя потрясающая задница, Индия.

Я бросаю на него взгляд, когда он опускается на колени. Он целует меня в ягодицу и зубами касается кожи, заставляя меня вздрогнуть. Затем пальцем проводит по моим влажным складкам, и я издаю неопределенный звук.

— Ложись грудью на стол и раздвинь ноги, Индия.

Я без колебаний делаю, как он просит. И знаю, что мое стремительное согласие заводит его.

Он руками обхватывает мою попку, сжимая ее. Я чувствую его дыхание на своей коже, а затем его горячий язык касается моего клитора, отчего мои колени едва не предают меня.

— Леандро! — кричу я, кончиками пальцем обхватывая края острова.

Он не прекращает. Он толкается языком в меня, трахая меня, после чего снова скользит к клитору, облизывая его по кругу.

Затем он отстраняется. Поднимается на ноги. Руками сжимает мою талию, поднимая меня со стола, и разворачивает к себе лицом.

— Я хочу, чтобы ты была голой. Сейчас же.

Он стягивает с меня платье через голову. Следом идет лифчик. Я обнаженная, за исключением туфель на каблуке, он же полностью одет.

Он поднимает меня и сажает на стол. Телом прижимается ко мне, ткань его рубашки трется о мои затвердевшие соски, а от соприкосновения его жестких брюк с моим клитором я возбуждаюсь еще сильнее, после чего он дарит мне самый влажный и страстный поцелуй из всех, что у меня были.

Он внезапно прерывает поцелуй, оставляя меня тяжело дышащей.

— Не шевелись. — Он подходит к холодильнику, снимая запонки. Кладет их на стол и снимает рубашку, открывая мне обзор на его великолепное тело.

Черт подери, он потрясающий.

Поверить не могу, насколько мне повезло с Леандро. Он мог обладать любой женщиной, стоило ему только захотеть, но по какой-то причине он выбрал меня.

Я наблюдаю за тем, как он открывает морозилку и достает оттуда форму с кубиками льда. Я наклоняю голову с интересом. Он с формой возвращается ко мне. Затем переворачивает ее, опустошая ячейки, роняя лед на стол рядом со мной.

Некоторые из кубиков скользят ко мне, касаясь бедра, охлаждая меня.

Поднимая один кубик, Леандро подносит его к моей груди и проводит им по соску, вызывая мурашки по коже.

Убирая его, он наклоняется, ртом прихватывает тот же самый сосок и сильно его сосет. *Матерь господня, как же хорошо.* От контраста холодного и горячего меня прошивает жажда.

Он отрывает свой рот от груди и снова проводит по моему телу кубиком льда, следуя по дорожке между грудей вниз, к животу, языком слизывая ручеек талой воды.

Когда он достигает бедра, то выпрямляется и кладет кубик на стол. И берет свежий.

Сверля меня помутневшим взглядом, он кладет лед в рот и зажимает его между губами, после чего опускается на колени, раздвигает мои ноги и ртом прижимается ко мне.

— О боже! — выкрикиваю я.

Когда холодность прижимается к влажному горячему клитору, я понимаю, что прежде

не испытывала ничего подобного.

Мне просто нужно... больше его. Больше этого.

— Тебе нравится, детка?

— Боже, да. Не останавливайся. — Я хватаю его за волосы и прижимаю его рот к тому месту, которое нуждается в его ласках больше всего.

Он усмехается загадочно и эротично. Я слышу хруст, когда он раскусывает кубик льда. Затем он возвращается ко мне и проводит по моему клитору языком, покрытым льдом.

Я закатываю глаза.

— Черт подери.

Руки лишаются сил, и я спиной падаю на стол, пока Леандро продолжает играть с моим клитором. Он проскальзывает в меня пальцем, начинает трахать меня им и одновременно не прекращает безжалостную ледяную игру с моим клитором. После я чувствую, как он увлажняет другой палец, входя в меня, и двигается им к моей дырочке сзади, начиная массировать ее.

— Да, — выдыхаю я, давая ему знать, что хочу этого.

Я никогда никому не позволяла трогать меня там до Леандро. Поверить не могу, как сильно мне нравится, когда он так делает. Я чувствую такую эротичную порочность и страсть, и кончаю настолько сильно, что раньше и не подозревала, что так вообще возможно.

Он рычит, и потом входит пальцем в попку.

Трахая обе мои дырочки, он сосет клитор, скользя по нему зубами, и тут я кончаю.

Моя кульминация подобна запущенной ракете. Я кричу из-за получения самого сильного оргазма в жизни, мое тело продолжает извиваться, а мускулы напряжены до предела.

Я все еще отхожу от пика удовольствия, когда слышу звук расстегиваемой молнии.

Мне с трудом удастся приподняться на локтях, и, смотря на него, я обнаруживаю выражение нескрываемого животного желания на его лице.

Он нуждается во мне.

— Ты на таблетках? — спрашивает он меня.

— Да.

— Я чист. Последняя проверка была как раз перед нашим первым сексом, и, как ты знаешь, потом у меня никого не было. Я хочу трахнуть тебя без презерватива. Хочу чувствовать, как твоя киска сжимается вокруг моего члена, когда буду кончать в тебя.

Иисусе. Обожаю то, как откровенно он говорит о сексе.

— Я тоже хочу этого.

Его взгляд моментально смягчается, после чего в его глазах снова вспыхивает жадная ненасытность. Руками хватаясь за мои ягодицы, он тянет меня на себя, пока я не оказываюсь сидящей на краю кухонного острова.

Он держит свой член в руке и трется им о меня, дразня напоследок.

— Леандро, прошу. — Я прижимаюсь к нему, надавливая на его задницу каблуками, чтобы добиться того, чего хочу. Я отчаянно хочу ощутить его внутри.

В ответ он хватается за мои ноги. Скользит по ним, добираясь до стоп, и снимает с меня туфли, бросая их на пол.

Он ставит мои ноги на края стола.

— Терпеливость, — говорит он мне, а от его низкого голоса по телу проносится дрожь.

— Я хочу тебя внутри. — Я смотрю ему в глаза. — Я думала, и ты тоже.

— Ты же знаешь, что хочу. — Головкой члена он прижимается к моему входу. — Но здесь контроль в моих руках, Индия. — Его акцент становится более явным, отчего у меня срывает голову.

— Так держи все под контролем и трахни меня уже.

Он гортанно смеется, откидывая голову назад. Затем смотрит на меня. Пригвождая меня своим жаждущим взглядом, он вколачивается в меня, давая то, чего я хочу, в чем так нуждаюсь.

— Да! — кричу я, чувствуя, как он, такой большой и широкий, наполняет меня.

— Черт, — рычит он, оставаясь во мне. — Ты невероятная, Индия. Такая тугая и горячая. Охерительно потрясающая.

Руками он скользит по моему животу. Затем обхватывает грудь и большими пальцами массирует соски, посылая заряд похоти прямо в клитор. Я прижимаюсь к нему, нуждаясь в трении.

Убирая руки с груди, он огромными ладонями обхватывает мое лицо. Большими пальцами он надавливает на горло.

— Я хочу, чтобы ты все время смотрела на меня.

Он выходит из меня и медленно скользит обратно.

Затем приближается ко мне, своей грудью прижимаясь к моей, заходя в меня своим членом еще глубже. Не отрывая от меня взгляда, он целует меня в губы.

— Я, черт подери, люблю тебя, — произносит он у моих губ. — И люблю тебя трахать.

— И я тебя люблю. И люблю быть оттраханной тобой, малыш.

От того, как я его назвала, его глаза наполняются нежностью.

Держа мое лицо одной рукой, другой он сдавливает край стола рядом со мной, и трахает меня на этом кухонном острове, пока мы оба, влажные и разгоряченные, не кончаем с невообразимой силой.

Глава двадцать седьмая

ЛЕАНДРО

БУДАПЕШТ, ВЕНГРИЯ

МЫ С ИНДИЕЙ ОФИЦИАЛЬНО ВМЕСТЕ вот уже несколько недель, и это лучшее время в моей жизни.

Не было ни дня, чтобы я не виделся с ней, даже если это был всего лишь обед. Я хотел быть уверен, что не отрываю ее от времяпрепровождения с Джеттом слишком часто. Но быть вдали от нее довольно сложно.

Мы пару раз ходили с ним в кино и в боулинг, один раз съездили к нему на картодром.

Честно говоря, парень крут. Он абсолютно точно покорило мое сердце.

Прежде я никогда не проводил столько времени с детьми, но Джетт умен не по годам. Он обожает свою маму. И в гонках очень хорош.

Я неплохо лажу с Китом, что хорошо, так как они с Индией очень близки.

Мы в Будапеште, где продолжается сезон. Со мной Джетт, Кит и Индия.

Сначала, когда мы только начали встречаться, мне удавалось скрывать Индию от прессы, но здесь это невозможно. Я пролистываю новости на моем "Айпаде" и вижу наши с Индией фотографии, сделанные на вчерашнем спонсорском вечере. Названа она моей

"загадочной блондинкой". От данного термина меня душит смех. Но оставаться "загадочной" у нее долго не получится. Когда они дознаются, что она остановилась со мной, и что у нее есть сын, пресса начнет присматриваться к ней пристальнее.

— Это мы?

Я не слышал, как она подошла.

Я бросаю на нее взгляд через плечо. Она в моей футболке. Ее волосы взъерошены после сна и из-за того, как я стягивал их и спутывал, когда вдальбливался в нее сзади. Она охерительно прекрасна.

И вся моя.

— Да. Но пока они тебя не знают, так что у нас есть немного времени побыть в уединении.

— Когда-то это должно было случиться, но они хотя бы опубликовали симпатичное фото. — Она садится напротив меня, упираясь ногами в стул, в котором расположился я, помещая их между моих ног.

Я кладу "Айпад" на стол.

— А разве у тебя могут быть плохие фото? Потому что я что-то в этом сильно сомневаюсь.

— Одна, где я беременна Джеттом и раздутая до пределов дома.

— Спорю, когда ты была беременна, то выглядела потрясающе.

— Вообще ни разу, — смеется она.

Рукой я скольжу по ее стопе, удерживая ту и приподнимая. Когда я кончиком большого пальца пробегаюсь по изгибу на внутренней стороне ее стопы, она вздыхает от удовольствия.

— Когда приедем домой, я покажу тебе несколько фото, где я беременна, и ты быстро изменишь свое мнение.

Она заканчивает говорить, хихикая, а я качаю головой, не соглашаясь с ней. Никогда не смогу увидеть Индию иначе, чем красивой.

— Боже, это так приятно, — комментирует она мое умение тереть стопы.

— Я рад. И говоря о радости, я заказал нам завтрак. — Я киваю на еду на столе. — Джетт и Кит уже встали? Как думаешь, она захотят поесть с нами?

— Без сомнений, они все еще спят. И почти уверена, что Кит говорил, будто собирался заказать еду им обоим.

Изначально я заказал номер с двумя спальнями для Индии, Джетта и меня, и отдельный односпальный для Кита. Но потом Джетт сказал, что хочет остаться с Китом, так что они поселились в двухспальном номере, а нам с Индией достался односпальный. Не могу сказать, что разочарован договоренностью о комнатах для сна. Это значит, что у меня беспрепятственный доступ к Индии, и пока я трахаю ее, она может создавать столько шума, сколько ей будет угодно.

— Они же придут посмотреть тестовый заезд, верно?

Она откидывает голову и улыбается мне.

— Как будто они пропустили бы.

— Хорошо.

— А чем мы займемся вечером?

— Я думал, мы все могли бы сходить и тихо поужинать. Потом мне нужно лечь пораньше, чтобы отдохнуть перед квалификацией.

— Звучит отлично. — Садясь ровно, она убирает ноги, выскользывая из моих рук.

Я наблюдаю за ней, пока он подходит и устраивается у меня на коленях, раздвинув ноги в стороны. Руками я обхватываю ее ягодицы.

— И этот ранний сон совсем не подразумевает меня?

— Все мои ранние сны включают тебя. Я вожу лучше после того, как трахну тебя.

— С тех пор, как мы начали заниматься сексом, ты еще ни разу не был за рулем болида, — говорит она.

— Еще как был. Если не считать тренировок, я участвовал в десяти гонках Гран-при после нашего первого секса, когда я имел тебя в твоём коридоре, прижав к стене, помнишь?

Ее щеки вспыхивают от смущения.

— Помню.

Я отталкиваю болезненные мысли о тех десяти гонках, что провел без нее.

Теперь она со мной. И только это имеет значение.

— И мои победы, и общие очки были выше, чем прежде. — Руками я проскальзываю под мою футболку, которую она надела. От ощущения ее нежной кожи мой член в боксерах начинает твердеть. — Я бы даже сказал, что трахать тебя — это часть моего нового предгоночного ритуала на удачу.

— Хм-м-м... это так? — Она приподнимает брови.

— Определенно. И, думаю, я мог бы проделать некоторые элементы предгоночного ритуала прямо сейчас.

Я поднимаюсь вместе с ней, и она начинает хихикать, обхватывая мою шею. Я несу ее в спальню и кладу на кровать, после чего в течение часа демонстрирую, как много удачи она дарит мне на самом деле.

Глава двадцать восьмая

ИНДИЯ

БУДАПЕШТ, ВЕНГРИЯ

Я В БОКСЕ КОМАНДЫ ЛЕАНДРО, стою между Китом и Джеттом, на экране наблюдаю за тем, как Леандро борется за первое место в квалификации.

Отличие в атмосфере от наблюдения за происходящим из бокса, а не с трибуны "Сильверстоуна", огромное. Когда его команда на грани, желает, чтобы он занял полупозицию, напряжение в воздухе прямо-таки вибрирует.

— Он сделает это, мам! — произносит Джетт взволнованно рядом со мной.

Мне нравится слышать радость в его голосе. Здесь он определенно в своей стихии. И Леандро с ним прекрасно ладит, включая его и Кита во все события: демонстрацию всего вокруг, представление их всем пилотам из противоборствующих команд. Также они провели много времени с Карриком в боксе команды «Райбелл».

Прошлым вечером был изумительный ужин с Карриком и Энди. Они привели с собой нескольких друзей. Подруга Энди, Петра, работает в команде Каррика, и Кит казался довольно заинтересованным в общении с ней на протяжении почти всего вечера. Также я познакомилась с автомехаником Каррика, Беном, и дядей Энди — Джоном. Безусловно, на терапиях я слышала обо всех этих людях от Энди, так что были приятно увидеть их собственными глазами.

Каррик и Энди очень рады тому, что мы с Леандро вместе, несмотря на их знание о том,

что я была его психотерапевтом. Я испытывала смутную тревогу от мыслей о проведении времени с ними, беспокоилась, что они обо мне подумают, но Леандро убедил меня, что они действительно счастливы за нас.

От осознания этого мне слегка полегчало, но я не чувствовала себя расслабленной, пока мы не начали общаться, и пока я не поняла, что им все равно, как мы с Леандро познакомились. Они казались искренне радовавшимися, что мы вместе.

В заднем карман джинсов завибрировал мобильный телефон.

Интересно, кто бы это мог быть. Все люди, которые мне звонят, находятся рядом со мной. А все звонки пациентов переадресовываются Аманде, психотерапевту, к которому я обратилась, чтобы она прикрыла меня, пока я буду в Венгрии.

Я вытаскиваю телефон из заднего кармана.

На экране высвечивается номер, которого я не видела уже очень давно. И у меня тотчас же возникает наихудшее предчувствие.

— Я отвечу на звонок. — Я поднимаю вибрирующий телефон, чтобы показать его Киту, который бросает на меня короткий взгляд, означающий, что он получил информацию, после чего брат снова смотрит на телевизионный экран.

Я быстро пересекаю бокс. Выскальзывая за дверь, отвечаю на вызов.

— Расселл?

Расселл — адвокат, работавший над делом Пола и посадивший его в тюрьму.

— Индия. Привет. Я сожалею, что звоню на выходных, но я сам только что получил звонок, и подумал, что ты хотела бы знать.

— Что за звонок? — Мои губы едва заметно дрожат.

Он мягко вздыхает.

— У Пола вчера было слушание о досрочном освобождении. Я не знал. Вероятно, бумажная работа была переправлена ко мне, но я ее никогда не проверял. Мне жаль, Индия, но дело было пересмотрено.

Позвоночник прошивают волны страха.

— Он выпущен. — Я почти давлюсь словами.

— Пока нет. Его выпустят во вторник.

Несколько дней. Воздух покидает легкие. Я прижимаю руку ко лбу, пытаюсь уgomонить стремительно носящиеся мысли.

— Но я думала, что до его выхода еще несколько лет.

— Как и я. Я, правда, не думал, что его просьба о досрочном освобождении будет удовлетворена. Мне казалось, он отсидит весь положенный срок, особенно после попыток побега... и писем, что он посылал тебе. Угроз.

В памяти воскресают письма. Те слова. Ненависть, которую он выражал.

Меня атакуют чувства боли, предательства, злости на него и на себя, из-за этого я едва не задыхаюсь.

— В понедельник первым же делом я запрошу срочное запретительное постановление для тебя и Джетта, — говорит мне Расселл.

— Думаешь, он будет искать нас? Джетт в опасности? — Меня охватывает паника, и я быстро начинаю думать о том, как нам сбежать от Пола. В голове возникает идея покинуть страну.

Пока он не попал в тюрьму, он не был жестоким человеком, но я видела выведенную им чернилами ненависть, что он испытывал ко мне, считая, будто я украла у него жизнь —

тюремщик может изменить даже самого мягкого человека.

Пол, выходящий из-за решетки через несколько дней — мужчина, которого я не знаю.

— Не думаю. Пол освобожден, но будет носить электронный браслет и у него будет комендантский час. Он не сможет покинуть пределы Манчестера. Не думаю, что он рискнет вернуться в тюрьму после стольких попыток выйти, и что будет нарушать условия освобождения, отправляясь в Лондон. И он не знает, где ты. Но все же лучше, чтобы запретительное постановление было.

Я знаю, как легко найти людей, да и мое имя не самое заурядное. Может, мне стоило сменить его, чтобы он не смог нас обнаружить.

Все мы хороши задним умом.

— Ладно.

— Все будет нормально, Индия. Мы всегда знали, что этот день наступит. Просто это случилось раньше, чем мы ожидали.

— Ты прав. Я знаю.

— Раз Полу одобрили просьбу о досрочном освобождении, может, он теперь другой. Может, он отпустил свою ненависть к тебе.

— Ты веришь в это?

— Хотелось бы, ради твоей же безопасности. В понедельник запрошу протокол пересмотра, чтобы понять, почему его освободили. Думаю, все должно быть в порядке.

— Если там будет что-то... о желании увидеться с Джеттом...

— Он знает, что ему это не позволено, но, конечно, если что-то обнаружится, я дам тебе знать сразу же.

— Спасибо.

— Кит все еще живет с тобой?

— Да.

— У твоего дома хорошая система безопасности?

— У нас стандартная система.

— Может, пришло время ее улучшить.

— Рассел, ты сейчас не помогаешь мне успокоиться, — посмеиваюсь я невесело.

— Прости. Даже несмотря на то, что я верю, что ты будешь в порядке, я просто пытаюсь предложить тебе способы почувствовать себя безопаснее.

— Я знаю и ценю это. — Я выдыхаю, проводя пальцами по волосам.

Я слышу рев мотора, и мои мысли возвращаются к Леандро. Кто он. Где я.

— Я кое с кем встречаюсь, — говорю я Расселлу. — Новые отношения, но он известная личность.

— Нахождение с ним подразумевает внимание общественности к тебе и Джетту?

— Да. Нас уже сфотографировали вместе. Не Джетта, но уверена, что не пройдет много времени, как они узнают мое имя и Джетта. Думаешь, это создаст проблемы?

Наступает пауза, пока он думает. Его молчаливость нервирует меня.

— Если Пол на самом деле изменился, тогда нет, проблем быть не должно. Но он узнает, где именно ты живешь и как. Пресса даст ему полный доступ к тебе и Джетту. Мой тебе совет: пока Пол на свободе, держись от прессы как можно дальше. И мы посмотрим, как все пойдет.

— Спасибо, Расселл, за все. И спасибо, что поставил в известность.

— Без проблем. Буду держать тебя в курсе событий... и мне правда жаль, Индия.

— Да, мне тоже.

Я вешаю трубку, прекращая разговор с Расселлом, и прислоняюсь спиной к стене, головой прижимаясь к кирпичам. Поверить не могу, что он выходит. Я всегда знала, что этот день настанет, но рассчитывала на еще несколько лет, когда Джетт будет постарше.

Как мне, черт подери, рассказать Джетту, что его отец на свободе?

Я закрываю лицо руками. Скользя по волосам руками, и тяну их в самых расстроенных чувствах.

— Вот ты где! — срывает меня голос Джетта.

Я поднимаю взгляд, чтобы увидеть его в дверном проеме входа в бокс.

Его счастливое выражение лица меняется, и он делает шаг ко мне, давая двери закрыться за его спиной.

— Мам, ты в порядке?

Я избавляю лицо от любых эмоций и выдавливаю яркую улыбку.

— Все хорошо.

— Кто звонил? — кивает он на телефон, который я жестко сжимаю пальцами.

— Просто пациент. — Я убираю телефон обратно в карман, пытаюсь расслабить напряженные мышцы тела.

Я вижу его скептический взгляд. Сейчас я не могу ему сказать. Не здесь. Мне нужно время подумать. Прийти к какому-нибудь решению.

— Как Леандро справляется? — киваю я в сторону бокса, меняя тему разговора.

Широкая улыбка освещает его лицо.

— Завтра он стартует первым.

Искренняя улыбка на краткий миг заменяет искусственную.

— Это отличные новости.

— Он завтра выиграт, ни капли не сомневаюсь.

— Само собой выиграт.

— Ты возвращаешься? Он скоро вернется в бокс.

— Сейчас приду.

Я отталкиваюсь от стены, пытаюсь стряхнуть со своих плеч тяжеленный вес всепоглощающего страха.

Глава двадцать девятая

ЛЕАНДРО

+ ЛОНДОН, АНГЛИЯ

ИНДИЯ УЖЕ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ОТВЛЕЧЕНА. До квалификации с ней все был порядке, но с тех пор она будто не со мной. Она кажется озабоченной чем-то.

Даже когда мы занимаемся любовью, создается впечатление, будто отчасти она отсутствует, и мне это не нравится. Совсем не нравится.

Сразу после гонки в Будапеште я должен был отправиться с командой в Бельгию, но изменил планы и полетел обратно в Лондон вместе с Индией. Я не собирался оставлять ее, пока она была в таком состоянии. У меня было всего несколько дней, прежде чем нужно было улетать в Бельгию, и до того момента я был настроен выяснить, какого черта с ней происходит.

Мы прибыли домой вчера, и она пошла на работу. Не встретила со мной, чтобы пообедать. Она, извиняясь, выдумала какую-то чушь про сильную занятость.

Сейчас я вижу с ней в первый раз после нашего возвращения, и мы находимся у нее дома. Джетт наверху, Кит на свидании, а мы с Индией смотрим фильм, но с тем же успехом я мог бы сидеть здесь один.

В общем, она сейчас со мной, и я никуда не уйду, пока она мне не скажет, что с ней такое.

— Ты собираешься рассказать мне? Или мне, блядь, начинать угадывать? — Слова получились несколько более грубыми, чем я рассчитывал.

Ее взгляд направлен на меня. В нем плещется гнев.

— Расскажу тебе что?

Я беру пульт и выключаю телевизор.

— Расскажешь мне, что тебя гложет.

Ее выражение лица проясняется.

— Ничто меня не гложет.

Да ради всего святого!

— В воскресенье я выиграл Гран-при в Венгрии.

Она смотрит на меня в смятении.

— Я знаю. Я была там.

— Физически была. Мысленно — нет. За день до этого ты стала смотреть на меня иначе. Иисусе, Индия, как-то мало у тебя было энтузиазма в связи с моей победой на первой гонке, на которой ты присутствовала после начала наших отношений, а мне ведь было немного, блядь, важно, чтобы ты была свидетелем этой победы, и все, что я получил, это поздравления и похлопывания по плечу.

— Иисусе, прости, что не дала тебе полагающегося количества оваций! — огрызается она. — Что ты хочешь, чтобы я сделала? Запихнула язык тебе в глотку? Сорвала одежду и отымела прямо здесь и сейчас? Прости, но это было бы неуместно, знаешь ли, из-за моего ребенка и остального гоночного населения, находящегося здесь!

— Ты кричишь на меня? — спрашиваю я ее.

Серьезно, со мной что-то не так, потому что я невероятно завелся, когда она разозлилась. От ее разъяренного вида мой член становится твердым как гвоздь. Ну, почти все, что она делает, заставляет мой член твердеть, но ее гнев определенно мой афродизиак.

— Мать твою, звучит очень похоже, да? — Она хмурит брови.

Она сексуальная как сам секс.

— Я правда хочу тебя трахнуть прямо сейчас, — говорю я ей со всей серьезностью.

Она смотрит в мою сторону, ее глаза расширяются и в них пылает огонь.

— Ты серьезно?

— Я никогда не шучу о желании трахнуть тебя.

— Иисусе! Ты правда выводешь меня из себя, — раздражается она.

Она поднимается с софы, но я ловлю ее за руку, останавливая, и тяну к себе. Она издает протестующий звук, но на самом деле не пытается встать.

— Ты правда заводишь меня, — говорю я ей.

Она смотрит на меня, выдерживая паузу.

— Я сейчас очень зла на тебя, Леандро, — бормочет она, но ее голос уже не такой злой,

каким был до этого.

— Да, ну так и я тоже зол на тебя, Индия. Но все равно готов для тебя. — Я скользну руками к ее заднице, чтобы стиснуть ее.

Она щурится, уставившись на меня.

— У нас не будет секса.

— В данный момент не будет, но как только Джетт заснет, я привяжу тебя к твоей кровати и отражаю до потери пульса.

От моих прикосновений она вздрагивает. Обожаю то, что она не может устоять передо мной, как и я не могу устоять перед ней.

— И если мне придется тебя пытаться, чтобы вытянуть правду, лишая оргазма, тогда так тому и быть. Но я бы предпочел, чтобы ты рассказала мне, что же тебя гложет, чтобы мы могли это исправить, и чтобы я мог провести время в постели, даря тебе множественные оргазмы.

Она роняет голову мне на плечо и выдыхает с грустью. От этого я взвинчиваюсь до предела.

— Поговори со мной, детка.

Она поднимает на меня взгляд. Я вижу в ее глазах страх, а потом они наполняются слезами.

Я сажусь ровно и обхватываю руками ее лицо.

— Иисусе, Индия, ты на самом деле начинаешь меня пугать.

Она бросает взгляд в направлении закрытой двери в гостиную, после чего снова смотрит на меня. Она выдыхает, затем начинает говорить приглушенным голосом:

— Пола, отца Джетта, сегодня выпустили из тюрьмы. Пока ты в субботу был на трассе, я получила звонок от Расселла, адвоката, который занимался его заключением. Делом, в котором я была главной свидетельницей. Причиной, по которой он отправился в тюрьму.

— Ты не являешься причиной того, что этот ублюдок отправился в тюрьму. *Он* сам тому причина.

— Пол винит меня за то, что отправился за решетку.

— Индия, он сел, потому что он педофил. У него был секс с девочками-подростками. Ты сама забеременела, когда была подростком, ради всего святого.

Она съеживается. Страдание искажает черты ее лица и из глаз текут слезы. Из-за этого я чувствую себя тотальным мудаком.

Я ловлю ее скатывающуюся слезу и вытираю большим пальцем.

— Прости, детка. Мне не следовало этого говорить.

— Нет, ты прав. Просто, слыша это, мне кажется, будто я жертва.

— Ты была жертвой, сейчас ты выжившая. — Я наматываю ее волосы на руку. — Ты гребаное чудо. Ты сильнейшая личность из всех, кого я знаю, Индия. Кем ты была, и кем стала... большинство людей сдались бы, но не ты. Ты боролась изо всех сил, чтобы дать своему сыну наилучшую жизнь. Ты должна гордиться собой.

Ее глаза наполняются нежностью.

— Я, вроде как, люблю тебя. — Она пальцами проводит по моим волосам.

— Я тоже, вроде как, люблю тебя. Очень сильно. — Я приближаюсь к ней и прижимаюсь к ее губам поцелуем.

Отодвигаясь, я откидываю голову на софу.

— Пол вышел из тюрьмы, что это значит для нас?

Я вижу, что она улыбнулась, когда я сказал «нас». Затем она пожимает плечами.

— Он будет жить в Манчестере, где и жил. У него будет электронный браслет и комендантский час, так что он не сможет приехать сюда, если захочет. Но Расселл добился запретительных постановлений для меня и Джетта.

— Пол угрожал тебе?

Она опускает взгляд.

— Да. Давно. Сразу после того, как сел в тюрьму, он отправил мне письма с угрозами.

Чистая праведная ярость зажглась внутри меня. Пусть только этот мудозвон приблизится к Индии или Джетту, и я убью его сам.

— Я найму для тебя и Джетта охрану, когда меня не будет рядом. — Как мне паршиво осознавать, что мне скоро нужно улетать, а этот ублюдок на свободе и делает, что ему угодно.

— Что? Нет, в этом нет необходимости. — Она качает головой. — Не думаю, что он побеспокоит нас. Я не слышала о нем ничего с тех самых писем. И он уже давно пытался получить досрочное освобождение, сейчас же ходит на свободе и, уверена, не станет ею рисковать.

— Пол когда-нибудь просил увидеться с Джеттом?

— Нет. Думаю, он относит Джетта к причине, по которой отправился в тюрьму. Почти уверена, что ему кажется, если бы я не забеременела, то о нем никто бы ничего и не узнал.

Гнев, раздражение и беспокойство за нее и Джетта несутся по моим венам.

— Прошу, позволь мне нанять нескольких охранников, чтобы обезопасить вас.

— Нет необходимости, Леандро. — Она ладонью касается моей щеки. — Со мной все будет в порядке. Но, так и быть, нанять охрану для Джетта хорошая идея. Просто на всякий случай.

— Я, черт подери, разрываюсь от злости на то, что мне нужно отправляться в Бельгию, — вздыхаю я. — Я правда не хочу оставлять тебя. Почему бы тебе и Джетту не отправиться со мной?

— Мы не можем. Мне нужно возвращаться на работу. У меня есть пациенты, зависящие от меня. Я и так уже брала отгулы. Больше не могу. — Она выдыхает и выглядит немного потерянной.

— Тогда и я не отправлюсь в Бельгию.

Она смотрит на меня ошеломленно, роняя руку, что касалась моего лица.

— Нет. — Она настроена решительно. — Ты должен поехать. У тебя контракт, и это важно для тебя. Это твой первый сезон после аварии.

Я обхватываю ее лицо руками.

— Ты для меня куда важнее.

— Со мной все будет в порядке. — Приближаясь ко мне, она целует меня в лоб. — Здесь Кит. — Затем она целует меня в кончик носа. — Прошу, не беспокойся.

Ненавижу ощущать себя пойманным в ловушку и быть в противоречивых чувствах. Мне на самом деле не хочется оставлять ее, пока этот гребаный ублюдок ходит по улицам, но по контракту я обязан отправиться в Бельгию. Как бы мне хотелось, чтобы она полетела со мной.

Я начинаю говорить, но она прерывает меня своими губами, целуя меня со всей страстью.

Я знаю эту ее игру, но беспомощен перед ощущением ее нежного язычка в моем рту и ее

упругого тела, прижатого к моему.

— Это еще не конец, — бормочу я напротив ее губ, руками изучая ее задницу.

— Не сомневаюсь в этом, — шепчет она в ответ. Затем углубляет поцелуй, толкаясь бедрами по моей эрекции.

Я могу поработать над этим позже: уговорить ее отправиться со мной.

Потому что ни за что на свете у меня не получится чувствовать себя нормально, если я оставлю ее здесь одну.

И если она не поедет, тогда я без колебаний найму охрану и приставлю ее к Индии и Джетту до тех пор, пока не вернусь к ним. Затем я буду разбираться, какого хера делать с остальными гонками, потому что уверен, что ни за что, блядь, не буду оставлять ее на длительные промежутки времени, пока этот уголовник, ее бывший, на свободе.

Глава тридцатая

ИНДИЯ

+ ЛОНДОН, АНГЛИЯ

— ОН СВОДИТ МЕНЯ С УМА! — шиплю я в трубку Леандро. — Он следует за мной повсюду. Я даже не могу спокойно сходить пописать без того, чтобы он не стоял за дверью. Такое впечатление, будто я вернулась во времена, когда Джетт только начинал ходить и преследовал меня, куда бы я ни пошла, даже в ванную!

Леандро смеется глубоким искренним смехом.

— Это не смешно! — огрызаюсь я.

— Я знаю, детка, но Андре всего лишь делает свою работу.

— Работу, о которой я не просила. Я сказала, что нанять охрану для Джетта — хорошая идея, но мне она не нужна. — Я указываю на себя пальцем, будто он может видеть. — У меня вообще-то есть пациенты, которые приходят ко мне, когда он сидит в комнате ожидания и пугает их до чертиков. Это плохо сказывается на моем бизнесе. Я работаю в приватной обстановке, Леандро.

— Ладно, я скажу ему сидеть в машине. Так будет лучше?

— Намного. Спасибо. Я ценю, что ты присматриваешь за мной, — добавляю я, чтобы не казаться неблагодарной сукой, даже несмотря на то, что не хотела личной охраны. — Просто странно, что он следует за мной тенью.

— Я просто хочу, чтобы ты была в безопасности, Индия. И ты, и Джетт.

Джетт не знает, что Пол вышел из тюрьмы. Я долго думала и мучилась сомнениями, говорить ли Джетту об этом, но Леандро и Кит согласились со мной, что пока лучше попридержать эту информацию. Я не хочу портить ему жизнь прямо сейчас. Он думает, что к нам приставлена охрана из-за популярности Леандро. Честно говоря, ему нравится, что у него есть телохранитель. Думаю, он считает, будто сам уже знаменитость.

— С нами все хорошо. Прошла неделя с тех пор, как Пола выпустили, и он не сделал ни одной попытки связаться со мной.

— Ну, я и не предоставляю ему такой возможности, так что Андре с его командой будут с вами, пока я не вернусь.

— Как там дела? — спрашиваю я, меняя тему разговора.

— Хорошо. Болид ведет себя прекрасно, так что все будет зависеть от меня.

— Ты справишься великолепно, как и всегда, мы будем смотреть гонки все выходные и болеть за тебя.

— Как бы мне хотелось, чтобы ты была здесь. — Его голос становится глуше. — Я скучаю по тебе так охрененно сильно. Ненавижу быть далеко от тебя.

— Я тоже.

— Когда я вернусь, мы проведем весь день в постели.

Я чувствую трепет между ног. Я провела много лет без намека на секс, но с тех пор, как у меня появился Леандро, я занималась им каждый день, по многу раз, и теперь мое тело страдало без него.

— Звучит потрясающе.

— Так и будет. Я раздену тебя, после чего расцелую и вылижу каждый сантиметр твоего сексуального тела. Подарю свое безраздельное внимание каждой части твоего тела. Затем, когда закончу обожествлять тебя, то посажу на мое лицо и заставлю тебя кончить своим языком. А когда слижу все твои соки, то буду трахать твой рот своим членом, после чего отымею твои великолепные сиськи, нагну тебя и возьму сзади, пальцем трахая попку.

— Иисусе, Леандро. — Я дрожу.

— Ты мокрая для меня, Индия? — Его голос становится низким и пылким.

— Да, — выдыхаю я.

— Я твердый, детка. Охеренно твердый. Потрогай себя для меня.

Я только начинаю тянуться рукой вниз, как в моем кабинете раздается звонок, оповещающий меня о пришедшем пациенте.

Я рычу от неудовлетворения.

— Дерьмо. У меня пациент. Может, отложим на потом?

— Конечно. Но мне придется передернуть в номере, прежде чем отправиться в бокс. Или мне придется ходить со стояком весь день.

— Мне жаль, — хихикаю я.

— О, когда я увижу тебя, то еще как будет жаль, — рычит он.

— Я люблю тебя.

— И я люблю тебя.

— Поговорим вечером?

— Позвоню тебе, когда закончу на треке.

Я неохотно вешаю трубку и связываюсь с Софи, чтобы та впустила следующего пациента.

Рабочий день окончен. Я запираю офис и иду к машине, в которой меня ждет Андре, чтобы отвезти домой.

Как только я выхожу из здания, то чувствую, как по позвоночнику проносится странная дрожь.

Словно кто-то за мной наблюдает.

Это чувство у меня возникает последние несколько дней, но я списываю его на тревожность. Тот факт, что Пол не предпринял никаких попыток связаться со мной, делает меня немного нервной и капельку параноиком.

Когда я дохожу до машины, Андре уже стоит с открытой для меня дверью и ждет.

— Спасибо, — улыбаюсь я ему.

Хоть его назойливое присутствие иногда раздражает меня, он очень даже милый мужчина.

Он обходит машину, садится в нее, и та проседает под весом его габаритного тела.

— Хороший день? — спрашивает он, заводя мотор.

— Долгий. Я готова отправиться домой и расслабиться.

— Джона сменит меня через полчаса, так что вы будете видеть его машину снаружи, — ставит меня в известность Андре, когда мы подходим к моей двери. — Стандартный протокол. Если будут любые подозрения, жмите на кнопку сигнализации.

— Со мной все будет в порядке, — уверяю я его.

Охранник разворачивается у входа. Леандро хотел, чтобы за нами присматривали двадцать четыре часа без перерыва.

Я отпираю дверь и удивляюсь тому, что начинает пищать сигнализация.

— Странно. Сигнализация включена.

— Джетт не сказал вам, что Кит повез его на картинг? С ними Саймон. Он довезет и обратно, когда они закончат, и Джона будет на посту до утра, пока я не вернусь за вами, а Саймон за Джеттом.

— Нет, не сказал.

Совершенно очевидно, мой телохранитель знает о передвижениях моего сына больше, чем я сама.

— Спасибо, Андре.

Я закрываю дверь и снимаю обувь. Направившись на кухню, чтобы выпить бокал вина, я на холодильнике вижу прикрепленную записку от Джетта и Кита.

"ОТПРАВИЛИСЬ НА ТРЕК. ПРИВЕЗЕМ ДОМОЙ ПИЦЦУ.

С ЛЮБОВЬЮ

ДЖ. И К."

Я наливаю себе вина, хватаю телефон и иду в ванную.

Но на полпути меня тормозит лежащая по центру моей кровати книга.

"Красный дракон".

Эту книгу мне дал Пол. Она была его любимой. Он даже подчеркивал любимые строки.

Я зачем-то хранила ее все эти годы. Думаю, какая-то часть меня, которая хотела верить, что он был не настолько плох, которая помнила времена, когда он был добр ко мне, держалась за эту книгу. Теперь она лежит на моей постели.

Я никогда не хранила ее на полках в гостиной, потому что не желала, чтобы Джетт нашел ее и начал задавать вопросы.

Она лежала в коробке в шкафу вместе с вырезками из газет, освещавшими судебное разбирательство.

Руки трясутся, когда я ставлю бокал на прикроватный столик.

С чего бы ей оказаться здесь?

Может, Джетт нашел ее и начал читать?

Я иду к шкафу и вытаскиваю коробку, которая по-прежнему там. Я кладу ее на кровать и открываю. Кроме отсутствующей там книги, все остальное на месте.

Я таращусь на книгу.

Может ли это значить...

Нет. Я бы знала, если бы Пол очутился в Лондоне. Его электронный браслет оповестил бы полицию о том, что он покидает Манчестер. Расселл позвонил бы мне.

Это не может быть он.

Должно быть, это Джетт или Кит. Может, Кит искал что-то и просто оставил ее по ошибке.

Но Кит не знает, что я храню книгу Пола.

Я беру вино и делаю жадный глоток, чтобы вернуть себе силы, после чего ставлю бокал обратно.

Хватаю телефон и набираю номер Кита.

— Привет, — здоровается он со мной.

— Привет. Как картинг?

— Хорошо. На данный момент Джетт всех уделывает. Ты видела записку?

— Видела.

— Мы не будем здесь очень долго, а потом сразу домой. Что ты хочешь на своей пицце?

— Как всегда, курицу и ветчину... Кит, ты был в моей комнате?

— Нет. А что?

— Ничего. Просто на кровати книга, которую я там совершенно точно не оставляла.

— Может, Джетт?

— Да... может.

— Инди... с тобой все в порядке?

— Да, все в норме. Просто долгий день, вот и все.

— Ладно, в общем, мы скоро будем дома.

Я кладу трубку, завершая разговор с Китом, и смотрю на издевающуюся надо мной книгу.

Тянусь и поднимаю ее. Руки снова трясутся.

Я смотрю на нее и пальцами провожу по обложке. После этого бросаю ее обратно в коробку, которую закрываю крышкой. Поднимаясь на ноги, убираю коробку в шкаф, после чего закрываю дверь не только гардеробной, но и в собственное прошлое.

Глава тридцать первая

ЛЕАНДРО

 СТАВЕЛО, БЕЛЬГИЯ

— Я ДУМАЮ В СЛЕДУЮЩЕМ ГОДУ УЙТИ ИЗ СПОРТА. Сделать этот шаг последним.

— Прости, что? — Каррик качает головой, подавшись вперед на своем стуле. — Я не уверен, что правильно расслышал. Ты только что сказал, что думаешь уйти из спорта?

— Даже не просто думаю. И говори на полтона тише. Уши. — Я рукой указываю на людей вокруг нас.

Мы в баре отеля. Каррику скучно, потому что Энди с Петрой ушли на ночные гуляния, так что я присоединился к нему. Хотя предпочел бы не быть здесь. В баре есть несколько женщин, и одна из них трахает меня глазами все те десять минут, что я нахожусь здесь.

Брюнетка с большими сиськами. Тип женщины, которую я трахнул бы, не колеблясь ни секунды — но до того, как появилась Индия.

Теперь же мне неинтересны другие женщины. Я вижу только Индию.

— Ты первый, с кем я говорю об этом, так что держи себя в руках, то есть не говори никому, включая Энди, потому что пока еще ничего не решено.

— Ты еще не говорил об этом с Индией?

— Нет, — качаю я головой.

— Ну, на правах первого человека, удостоившегося такого признания, могу я спросить, какого хера ты пришел к таким мыслям?

— Потому что... — Я пожимаю плечами.

— Ох, ладно, это все объясняет. — Он вскидывает руки, после чего роняет их на колени. — Ты только что вернул свою карьеру и *думаешь* над тем, чтобы выбросить ее к херам собачьим.

— Я не выбрасываю ее к херам собачьим. — Я хмурюсь. — Мне тридцать один. Это последний год действия моего контракта. Конечно, его можно продлить, но я не уверен, что хочу. Сколько себя помню, я всегда был за рулем. Я практически лишился жизнь из-за любви к гонкам. Но сейчас все изменилось. Я изменился. Я думал, что возвращение будет для меня всем, но этого не случилось. Безусловно, я все еще люблю гонки. Просто иначе. Сейчас у меня есть то, что я люблю больше.

— Индию?

— М-м-м-м.

— Но Индия не просила тебя уйти, так ведь? — Он вопросительно приподнимает брови.

— Нет, не просила. Она никогда на этой не пойдет. Но, да ладно тебе, Каррик, ты же знаешь, что это за жизнь. Мы в дороге девять месяцев из двенадцати. Я едва ли буду видеться с ней. Я и сейчас с ней редко вижу. И все не так, как у вас с Энди. Она ездит с тобой. Индия так не сможет.

— Так найми Индию, чтобы она работала на тебя. Совершенно очевидно, что у тебя очередной нервный срыв и тебе нужно вмешательство профессионала.

Я показываю ему средний палец.

— Слушай, даже если я придумаю какую-то должность и смогу убедить Индию бросить свою работу и перейти ко мне, чего я совершенно точно не сделаю, потому что я не эгоистичный ублюдок, у нее есть Джетт. У него школа. Ей нужно быть в Лондоне, а мне нужно быть с ней.

Каррик откидывается на спинку стула и делает глоток пива.

— Ты серьезно настроен, да?

— Да, серьезно. — Я начинаю сдирать этикетку с бутылки.

— Просто... не принимай поспешных решений. Сначала поговори с Индией, узнай, что она думает.

— Я обсужу это с ней, когда вернусь домой.

— Хорошо. Боже, без тебя все будет не так. В прошлом году было странно не видеть тебя на треке мешающимся перед глазами и стоящим на моем пути.

— И я люблю тебя, Райан, — усмехаюсь я ему.

— Ага, вот только не жди, что я уступлю тебе победу на чемпионате из жалости, чтобы ты ушел на высоте.

— Ха! Как будто мне это надо. Я надеру тебе зад, и ты знаешь это.

— Пошел ты, Сильва. В воскресенье я сделаю тебя. Мой болид летает как мечта. И на моей стороне лучший автомеханик.

— Да, так-то оно так. — Мне приходится согласиться. Энди — одна из лучших механиков. До аварии было время, когда я размышлял, как переманить ее к себе.

— Не беспокойся. Если ты уйдешь из спорта, я сделаю так, чтобы тебя запомнили величайшим пилотом. После меня, конечно.

Смеясь над ним, я делаю глоток пива.

— Итак, чем займешься, если решишь уйти? — спрашивает Каррик с неподдельным интересом.

— Не знаю. — Я ставлю бутылку на бедро. — Но мне придется что-то придумать, чтобы не сойти с ума от скуки, пока Индия будет на работе.

— Ты всегда можешь надираться и забавляться случайным сексом, как делал в прошлом году.

— Придурок.

— Я знаю, — усмехается он. — Но, если серьезно, ты же знаешь, что мой отец ушел с работы, когда я был юнцом, чтобы тратить все время на мою карьеру.

— И какое это имеет отношение к моему уходу?

— Ну, Джетт же проявляет настоящий интерес к картингу, и парень очень хорош. У него врожденный талант. Ты бы мог помогать ему оттачивать мастерство, подталкивать к гонкам, записывать на соревнования, создавать его репутацию. Благодаря этому твоя отошедшая от дел задница будет занята. Я знаю, что мои гонки обеспечивали отцу сильную занятость. Да и до сих пор так. И ты хотя бы по-прежнему будешь частью гоночного мира, так что я буду видеть твою уродливую рожу.

— Думаю, я бы мог. Но все будет зависеть от желания Джетта.

— Одержимый гонками парень получает шанс, чтобы его тренировал Леандро Сильва. Да-а, я уверен, он откажется, — посмеивается он.

Я раздумываю над тем, что сказал Каррик, когда слышу, что кто-то рядом со мной прочищает горло. Я поворачиваю голову, и моим глазам открывается вид на пару огромных грудей. То есть, они буквально напротив моего лица.

Я откидываю голову, чтобы увидеть, что цыпочка, трахавшая меня глазами, теперь стоит у бара рядом со мной.

— Ты Леандро Сильва, верно?

У нее английский акцент. Должно быть, она приехала ради гонок. И без сомнений знает, кто я. Хотя удивительно, что она не заприметила Каррика.

— Ну да. — Я улыбаюсь ей блестящей улыбкой, чтобы не показаться мерзавцем. Мне по-прежнему надо поддерживать имидж.

— Могу я сделать фото с тобой?

— Конечно. — Я задавил неприятное чувство. Последнее, чего мне хочется, так это фотографию с девицей, которая, вероятно, хочет забраться ко мне в штаны.

— Бев! — зовет она свою подругу у бара. — Иди сфотографируй меня.

Ее подруга шатается на высоких каблуках, ясно давая понять, что пьяна. Пока она забирает камеру у Больших Сисек, то строит мне глазки.

Большие Сиськи обнимает меня за талию и прижимается ко мне всем телом.

— Меня зовут Андреа, — говорит она, пытаясь звучать сексуально.

У меня это вызывает лишь отвращение.

— Приятно познакомиться, Андреа. — Я дружелюбно улыбаюсь ей. — Ты фанат гонок?

— Нет, мой парень фанат. Он огромный поклонник. Его компания достала ему билеты на гонки, так как он и его лучший друг смотрят их. Они взяли на эти выходные меня с Бев.

— Звучит мило. — Я смотрю вперед, готовый сфотографироваться и вернуться к своему пиву.

— На самом деле не очень, но мои выходные стали лучше благодаря встрече с тобой.

Я посылаю ей улыбку и снова отвожу взгляд, смотря прямо. Ее подруга будет делать это фото гребаную вечность.

— Итак, мой парень на ужине, треплется с какими-то клиентами компании, раз уж он тут. — Она льнет еще сильнее, шепча мне на ухо: — что значит — мой номер пуст следующие несколько часов. Хочешь пойти и трахнуть? Я делаю потрясающий минет, и очень хочу отсосать твой член. Спорю, он огромный. — Она рукой хватается за мое хозяйство через джинсы.

— Какого хера? — Я сдавливаю ее руку, чтобы убрать ее с моего хозяйства, и поворачиваюсь к не лицом.

У меня не было и шанса сказать хоть что-нибудь. Она уже припечатывается поцелуем.

Я отдергиваю голову и отталкиваю девицу прочь.

— Иисусе! Какого хера с тобой не так? Seriously, ничего не будет. — Я поднимаю руки, пятясь от нее. — У меня есть девушка.

— И что? — Она пожимает плечами. — Я ей не скажу, если ты не скажешь.

— Ты не слышала с первого раза? *Ничего, мать твою, не будет.*

— Много теряешь. — Она снова пожимает плечами. — А что твой друг? — Она смотрит на Каррика. — Я не шучу насчет умения делать минет. Я хороша.

Каррик подавляет смех. Поднимая руку, он говорит:

— Я не сомневаюсь, и сказал бы тебе, что женат — и очень счастливо — но для тебя, совершенно очевидно, это не имело бы никакого значения. Так что я скажу, что ты определенно не в моем вкусе. Нет, спасибо, и на этом остановимся.

— Андреа, получились правда обалденные фотки! — Ее подруга светится от радости, возвращая телефон обратно.

Мой взгляд метнулся к экрану.

О, нет.

— Ты сделала фото, как она целует меня?

— Э, ну да, конечно, сделала. — Ее подруга смотрит на меня, как на тупого.

— И эта тоже ничего. — Андреа показывает мне экран, на котором видно фотографию.

Иисус Христос. Она не могла быть еще более дискредитирующей, даже если бы эта девица седлала меня. Ее рука на моем достоинстве, ее рот прижат к моему.

Да ради всего святого.

— Тебе нужно удалить эту фотографию. Сейчас же.

Услышав мой взбешенный голос, Каррик поднимается со стула и подходит ко мне.

— Я ни за что ее не удалю! — смеется Андреа. — Эта станет моей личной порно-фотографией, и я выложу ее на "Фейсбук". Бесчисленное количество "лайков" обеспечено. Я буду чертовой знаменитостью среди знакомых.

— Ты, блядь, серьезно? — Я подхожу к ней, но Каррик хватает меня за руку и тянет назад. — У меня, твою мать, есть девушка. А у тебя есть парень!

— Ему плевать. — Она пожимает плечами, отвечая безразлично. — Если он и заметит,

то будет впечатлен, что я добилась поцелуя от тебя. Ты его герой. Он обожает смотреть твои гонки. Ты причина, по которой мы здесь.

Эта женщина сумасшедшая.

— Ты чокнутая. Ты и твой гребаный парень. А теперь удали эту херову фотографию.

— Нет. — Она дерзко вздергивает подбородок и убирает телефон в клатч.

Я стискиваю зубы от раздражения.

— Я не спрашиваю. Я приказываю. Удаляй гребаную фотографию.

Она смеется.

— Ты не можешь меня заставить. Хотя... — Она прикладывает палец к губам. — Эта фотография и то, что у тебя есть девушка. Спорю, я могу немало заработать, продав ее таблоидам.

Я рычу, без шуток.

— Пускай продает, — говорит Каррик, стоя рядом со мной. — Важно, чтобы Индия знала правду. Расскажи ей, что случилось, чтобы она была готова увидеть эту фотографию. Я был здесь. Я поручусь за тебя.

Игнорируя Каррика, я делаю шаг к Андреа, она же отступает от меня.

— Удаляй чертову фотографию, — повторяю я низким угрожающим тоном.

— Пошел нахер. — Она разворачивается на каблуках и начинает уходить.

— Ты долбаная сука! — кричу я ей в спину, теряя над собой контроль.

Остановившись, она разворачивается, и на ее лице появляется самодовольная ухмылка.

— Ты только что удвоил сумму этим комментарием. — Она взмахивает рукой, указывая на людей, наблюдающих нашу стычку. — Ты моя свидетельница, Бев, верно? — подталкивает она локтем свою подругу.

— Ага. — Бев задирает подбородок. — Я все слышала. Как он пытался наброситься на тебя, а когда ты отбилась, назвал тебя сукой.

Какого, мать его, хера?

Мне не следовало бы быть шокированным, но я в шоке. Думаю, я привык находиться с Индией, настолько хорошим человеком, что просто забыл, насколько убудочными могут быть люди.

— А ты... — Я указываю на Бев. — Ты херова давалка. Используй и это, чтобы увеличить сумму вчетверо, пара вы бездушных сук!

Андреа показывает мне средний палец, и они обе уходят.

— Хорошо разыграно. — Каррик кладет руку мне на плечо. — Думаю, ты справился довольно хорошо. Особенно мне понравилась реплика про бездушных сук.

— Отвали, — ворчу я, стряхивая его руку.

Он громко смеется.

— Хорошо, что ты уходишь из спорта. Если бы такое дерьмо продолжалось, ты бы ни за что не бросил эту гребаную карьеру. Ладно, старик. Давай прикончим пиво, и потом ты можешь позвонить Индии, чтобы рассказать о произошедшем.

Глава тридцать вторая

ИНДИЯ

✚ ЛОНДОН, АНГЛИЯ

Я РАССЛАБЛЯЮСЬ В ВАННОЙ, потягивая вино, а Адам Левин говорит мне: "Всегда была только ты". То есть, не именно я, но девушка может помечтать, верно?

Затем мой телефон начинает сходить с ума. Когда я говорю "сходить с ума", то имею в виду быструю серию сообщений, следующих одно за другим и одновременное непрерывное названивание.

Я вытаскиваю руку из ванной, стремительно вытираю ее полотенцем, висящим на вешалке-перекладине над моей головой, и поднимаю телефон с пола.

Я не узнаю номер, но в начале стоит код этого города, так что я отвечаю на звонок.

— Алло?

— Я говорю с доктором Харрис?

— Верно. Кто это?

— Меня зовут Салли, я оператор из "Безопаснейшей охраны", вашего охранного агентства. Я звоню, чтобы дать вам знать, что в вашем офисе сработала сигнализация. Я временно отключила ее, оповестила полицию и те уже в пути, чтобы проверить, в чем дело.

— Вы шутите? — Я сажусь, вокруг меня хлопает вода. — В мой офис вломились?

— Пока я не знаю всей ситуации. Но если хотите, могу перезвонить вам, когда с нами свяжется полиция.

— Нет. — Я поднимаюсь и вылезаю из ванной. — Вы говорите, что полиция уже в пути. Я сама поеду туда. Спасибо за звонок.

— Это часть услуги, доктор Харрис. Прошу, позвоните мне сразу, как только полиция даст оценку ситуации. Я отсюда могу включить сигнализацию, и советовала бы вам установить новый код.

— Так и сделаю. Спасибо. — Я кладу трубку и хватаю с вешалки полотенце, чтобы обмотаться им.

Не могу в это поверить.

Я бросаю взгляд на телефон и вижу сообщение от Леандро. Четыре сообщения.

"Пытаюсь дозвониться тебе, но по какой-то причине нет соединения."

"Перезвони мне, когда увидишь сообщение."

"П.С. Я люблю тебя."

"Сильно. Целую."

Благодаря им на моем лице временно возникает улыбка, но затем я вспоминаю, что в мой офис возможно вломились.

Я напишу ему, как только узнаю, что произошло с моим офисом.

Я быстро натягиваю джинсы и футболку, оставляя волосы собранными, и лечу по лестнице вниз.

Только добегаю до нижней ступеньки, как в дверь входят Кит и Джетт с пиццей в руках.

— Привет, мам. В чем дело? — спрашивает Джетт, видя мое выражение лица.

— Мне только что звонили из охранной компании. В моем офисе сработала сигнализация. Я сейчас же еду туда.

— Ты шутишь, — говорит Джетт.

— Хотела бы, — вздыхаю я.

— Хочешь, поеду с тобой? — спрашивает Кит.

— Нет, все в порядке. Там будет полиция.

— Полиция? — хмурится Кит.

— В этой охранной организации такой стандарт, чтобы полиция выехала на место, где

сработала сигнализация. Оставайся здесь с Джеттом.

— Ну, возьми с собой Джону, для безопасности.

— Нет. Я бы предпочла, чтобы Джона остался здесь и просмотрел за Джеттом.

— Со мной все в порядке, — говорит Джетт.

— Я пригляжу за Джеттом. — Кит одаривает меня многозначительным взглядом. —

Бери Джону.

— Ладно, — уступаю я, не имея энергии спорить с Китом. Я обуваю балетки, накидываю пальто и кладу телефон в карман. — Увидимся позже. Оставьте немного пиццы.

Я выхожу в ночь с продирающим до костей воздухом и иду к машине Джоны. При моем появлении он выбирается из автомобиля.

— Кое-какие проблемы в офисе, сработала сигнализация, так что мне нужно отправиться туда. Кит остается здесь с Джеттом.

— Хорошо. Я отвезу вас.

По пути к офису я размышляю, звонить ли Леандро, но решаю подождать, пока не узнаю, что произошло.

У здания я вижу машину полиции. Джона паркуется прямо за ней. Я вылезая из авто. Джона следует за мной. Я подхожу к офицеру-женщине, стоящей у машины.

— Я доктор Харрис. В этом здании мой офис, — говорю я ей. — Мне позвонили из «Безопаснейшей охраны» и сказали, что сработала сигнализация.

— Боюсь, в ваш офис вломились, доктор Харрис.

— Зачем кому-то вламываться в мой офис? Там нет каких-то особых ценностей. Только мой «Аймак». О, черт! Мой «Аймак» украли? Там много информации о пациентах.

— Когда я была в вашем кабинете, доктор Харрис, то не видела компьютера. Боюсь, там наведен некоторый беспорядок. Мы ждем кое-кого, чтобы снять отпечатки. Но вы можете войти и посмотреть, что пропало, если ничего не будете трогать.

— Хорошо, я пойду сейчас же. Простите. Я не услышала вашего имени.

— Я офицер Феллоус. Мой коллега офицер Хантер сейчас в вашем офисе.

Я следую за офицером Феллоус, Джона идет сразу за мной. Офицер Хантер стоит у ресепшена. Стойка кажется нетронутой, не считая «Аймака» Софи, который пропал.

— Хантер, это доктор Харрис. Это ее офис. Я сказала, что она может осмотреться глянуть, что пропало, но ничего не трогать.

— Конечно, — отвечает он.

Проходя мимо офицера Хантера, я прохожу в двери своего кабинета, который всегда запираю в конце рабочего дня. Сейчас же дерево выглядит разнесенным в щепки в месте, где был замок, который вынесли с удара. Я резко вдыхаю, когда захожу в кабинет. Все в комнате разрушено: мебель перевернута, книжный шкаф на полу, книги и бумаги валяются повсюду.

Моего «Аймака» нигде нет.

Твою мать.

— Что-нибудь пропало?

Я поворачиваюсь на голос стоящей в проходе офицера Феллоус.

— «Аймак» моей секретарши оттуда. — Я указываю за спину офицера. — И в этой комнате пропал мой «Аймак». — Я глубоко вдыхаю. — Там вся информация о моих пациентах. Конфиденциальные детали. Файлы запаролены, но все равно... — Я замолкаю, обеспокоенная тем, что личная информация о моих пациентах и детали их лечения могут быть кем-то прочитаны.

— Я бы не беспокоилась. Уверена, что ноутбук будет отформатирован и сбыт на руки скупщиков краденного довольно быстро. Именно так обычно и происходит.

— Я не получу его обратно?

— Сомневаюсь в этом. — Она смотрит на меня, и в ее глазах смирение. — Хотя, все это странно. Когда мы сталкиваемся с грабежом, то обычно место не громят вот так. Они просто берут, что им надо, и уходят, особенно когда срабатывает сигнализация. Вероятно, наркоманы под кайфом.

Я выдыхаю рывками.

— Не могу поверить. — Я качаю головой, не в силах принять происходящее. — Думаю, лучше мне позвонить в страховую.

— Мне жаль, доктор Харрис.

Я выхожу из кабинета за офицером Феллоус. Джона все еще у стойки ресепшена, ждет меня, офицера Хантера нигде не видно.

— Я буду снаружи, — оповещает меня офицер Феллоус, покидая помещение.

— Что-нибудь пропало? — спрашивает меня Джона.

— Из того, что я заметила — наши с секретаршей «Аймаки». Ох, и еще разнесли мой кабинет.

— Разнесли? — хмурится он.

— Ага. Мебель перевернута, повсюду валяются книги и документы. Будто через кабинет пронесся торнадо.

Его брови сходятся на переносице.

— Мне нужно сделать звонок, убедиться, что Пол все еще в Манчестере.

— Что? Думаете, это мог быть он? Офицер сказала, что это скорее всего обычный грабеж.

— С каких это пор при обычном грабеже разносят помещение? Я сделаю звонок, чтобы убедиться, что он все еще там. — Он достает телефон из пиджака и звонит. — Это Джона. Мне нужно проверить один электронный браслет. Пол Коннелли. Ага. Перезвони. — Он убирает телефон обратно в карман. — Через пару минут мы узнаем, там ли он еще.

— Ладно. — Я начинаю нервно тереть пальцами.

Кажется, будто до звонка проходит вечность.

— Да? Он все еще там. — Он встречается со мной взглядом. — Хорошо. Спасибо. — Вешает трубку. — Он все еще дома в Манчестере. Это не он.

— Слава богу, — я выдыхаю с облегчением.

— Я позвоню Андре, расскажу ему о случившемся. Вы, может, захотите позвонить Леандро. Андре позвонит ему сразу после моего звонка, он должен все время отчитываться, так что вы, возможно, захотите опередить его.

— Я позвоню прямо сейчас.

Глава тридцать третья

ЛЕАНДРО

СТАВЕЛО, БЕЛЬГИЯ

— Я ЛЕЧУ НАЗАД ПЕРВЫМ ЖЕ РЕЙСОМ. — Я подрываюсь с постели, хватаю джинсы со стула и натягиваю их.

— Нет, оставайся там, — раздаётся на линии твердый голос Индии.

— Тебя только что, черт подери, ограбили, Индия. Я возвращаюсь домой.

— Ограбили мой офис. Я не была в опасности. Я была дома.

— В твой офис вломились, а угрожавший тебе гребаный педофил как раз недавно вышел из тюрьмы. Совпадение? Не думаю. Я возвращаюсь домой. Это не обсуждается, Индия.

— Это совпадение. Джона проверял электронный браслет Пола. Он все еще дома в Манчестере. Леандро, — она меняет тон голоса, делая его мягче, — Тебе нужно остаться в Бельгии. У тебя гонка.

— Сейчас мне на эту гонку вообще насрать, — огрызаюсь я.

— Тебе, может, и насрать, а вот твоей команде — нет. И твоим спонсорам, и фанатам, купившим билеты, чтобы посмотреть гонку — им всем не насрать. Грабители не имеют никакого отношения к Полу. Полиция считает, что это были наркоманы, искавшие что-нибудь, что можно продать.

— Блядь! — Рукой я провожу по волосам, потирая череп, чувствуя себя раздраженным, беспомощным, и проникаясь ненавистью к тому, что ничего не могу сделать. — Кто, мать твою, грабит психотерапевтов? Не похоже, чтобы у тебя в офисе было что-то ценное.

— Полиция считает, что они могли наткнуться на надпись на двери, зацепиться за слово «доктор» и посчитать, что у меня есть рецепты на таблетки.

— Чертова падаль, — рычу я. Беря паузу, я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться. Я сжимаю переносицу. — Ты в порядке? — спрашиваю я ее.

— Со мной все хорошо, малыш. Не беспокойся.

— Я буду беспокоиться, потому что пока ты там, а я здесь, я чувствую себя охеренно беспомощным. Как же паршиво, что я сейчас не с тобой, чтобы помочь.

— Один звук твоего голоса уже помогает мне. И те сообщения, что я получила. Они поступили в то же время, что и звонок от охранной компании, так что я отправилась прямо в офис. Прости, у меня не было возможности ответить.

Я кривлюсь, вспоминая, почему написал ей сообщения.

— Не переживай по этому поводу. Где ты сейчас? Можешь говорить? Тебе нужно кое-что знать. Причина, по которой я написал... Боже, всю ночь происходит какое-то дерьмо.

— Я в машине Джоны. Он в здании офиса, звонит Андре. Что случилось, Леандро?

Я слышу в ее голосе очевидное беспокойство.

— Тебе не о чем волноваться... и мне очень жаль взваливать на тебя это, когда ты и так должна справляться с фактом ограбления, но не хочу замалчивать это, да и потом, в новостях появятся фотографии, и ты увидишь их.

— Фотографии? — В ее голосе холод. — Какие фотографии?

Я выдыхаю.

— Мы с Карриком были в гостиничном баре, пили пиво. Подошла женщина, попросила с ней сфотографироваться. Ну, я сказал «да», потому что должен делать подобное дерьмо, но, короче говоря — и это прозвучит очень плохо, Индия, так что сначала выслушай меня — эта женщина делала мне предложение, пока ее подруга фотографировала нас и... она схватила меня за хозяйство. Когда я попытался отодрать от себя ее руки и шокированный развернулся к ней лицом, она... поцеловала меня. — Я сам вздрагиваю от того, что рассказываю ей. — Ее подруга всю эту гребаную катастрофу запечатлела на камеру... и я... вроде как потерял терпение. Она грозилась продать эти фото прессе, — тороплюсь я добавить. — Так что я мог назвать ее бездушной сукой, а ее подругу херовой давалкой.

Когда я договариваю, то на том конце линии слышу только абсолютную тишину. Я закрываю глаза, переживая о том, что же сейчас творится в голове Индии.

— Индия... детка, ты еще здесь?

Она выдыхает.

— Здесь.

Облегчение.

— Ты... нормально?

— В процессе.

— Прости.

— Не твоя вина, что какая-то помешанная женщина набросилась на тебя. Вообще-то, я немного, черт подери, зла. Если бы такое сделал парень с девушкой, то его бы арестовали за домогательство.

Моих губ касается улыбка.

— Я так, черт подери, люблю тебя, очень сильно, Индия Харрис.

— Я тоже люблю очень сильно, Леандро Сильва.

— Когда сезон закончится, я возьму тебя и Джетта в длительное путешествие, где не будет грабителей-наркоманов или психованных, лапающих промежность женщин.

— Звучит как рай.

— Так и будет, детка. Обещаю.

— Мне нужно идти, — вздыхает она. — Нужно звонить в страховую, и кто-то едет снимать отпечатки пальцев. Мне придется подождать, пока они закончат, чтобы я могла позвонить в охранную компанию, и они бы могли перезапустить сигнализацию. Хотя не похоже, чтобы там осталось что-то, что можно украсть.

— Оставь. Езжай домой и реши проблемы с сигнализацией утром. Как ты и сказала, красть там больше нечего.

— Да... может, так и надо поступить. Сначала нужно позвонить Софи, ввести ее в курс дела. Нам нужно отменить все записи на приемы в понедельник, потому что, кажется мне, что к тому моменту я не смогу вернуть кабинету хоть сколько-нибудь подобающий вид. Нужно достать новую мебель и компьютеры. Боже, у меня голова болит только от мыслей обо всем этом. Ох, денек завтра будет шибанутый.

— Шибанутый? — смеюсь я.

— Это значит... не очень хороший. Вообще, я понятия не имею, где услышала это и почему использовала, — хихикает она, и этот звук меня успокаивает.

— Обожаю этот звук, — говорю я ей. — У тебя милейший смех.

— А у тебя сексуальнейший голос. И этот акцент... — Она замолкает.

— Мой акцент заводит тебя? — Мой член готов внимать.

— Может, — признается она робко.

— *Estou com saudades de você.*

Она мягко постанывает.

— Скажи, что это значит?

— Я сказал, что соскучился по тебе.

— Я тоже соскучилась, очень. Скажи еще что-нибудь по-португальски.

— *Preciso muito te foder.*

— А это что значит? — У нее хриплый голос, из-за чего мой член становится еще тверже.

Я накрываю его ладонью, трогая сквозь джинсы, и нуждаюсь в том, чтобы его коснулась она, а не я сам.

— Я сказал, что действительно хочу трахнуть тебя.

Она сексуально хихикает.

— И мне действительно нужно быть трахнутой тобой.

Я рычу, сжимая член рукой.

— Позвони мне, как только будешь дома. Чтобы я мог заставить тебя кончить своим голосом.

— На португальском? — В ее голосе нежное воркование.

Я закрываю глаза, проникаясь звуками, представляя ее рядом с собой.

— Что захочешь, детка. Мне только нужно будет слышать, как ты кончаешь.

— Обожаю, как ты можешь исправить любую ситуацию сексом.

— Это дар.

— Дар, которым ты умеешь управлять. Позвоню тебе, как только буду дома, в постели. Люблю тебя.

— И я тебя люблю.

Прекращая разговор, я кладу телефон на кровать и хватаю из холодильника бутылку воды, прибавляя звук на телевизоре. Черта с два я теперь засну. Теперь только тогда, когда буду знать, что она дома, в безопасности.

И если до этого я не был уверен насчет ухода из спорта, то теперь решение принято окончательно. Этот сезон будет последним, и после этого года я никогда не оставлю Индию одну.

Глава тридцать четвертая

ИНДИЯ

+ ЛОНДОН, АНГЛИЯ

МОИ ВЫХОДНЫЕ ОФИЦИАЛЬНО ШИБАНУТЫЕ, разве что Леандро выиграл Гр при в Бельгии. Я беспокоилась, что из-за стресса и проблем у него не получится, но это было единственное хорошее событие этого уикенда.

Все субботнее утро я отменяла сеансы на понедельник, пока Софи отменяла те, что должны были быть во вторник. Я подумала, что предоставить себе окно, чтобы привести кабинет в божеский вид, неплохая идея.

Кит и Джетт пришли в офис вместе со мной. Тут нас встретила Софи, и весь остаток субботнего дня мы провели, перебирая офисный хлам, создавая хотя бы видимость нормального помещения. На «Айпаде» Джетта, который он притащил собой, мы смогли посмотреть часть квалификации Леандро. Это к лучшему, потому что я бы возненавидела себя, если бы пропустила ее.

Кабинет был грязным, покрытым порошком из-за тех, кто снимал отпечатки. Честно говоря, он казался запачканным и оскверненным. Я хотела отскрести его до чистоты. Так что вернулась в воскресенье и отчистила офис до блеска.

После я отправилась в местный «Мир компьютеров» и приобрела новые «Аймаки» для себя и Софи.

Когда я приехала домой, то в новостях увидела фото Леандро с той женщиной. Кит

приволок местную газету, и фотография была на титульной странице. Внизу было наше маленькое фото, сделанное в Венгрии.

Конечно же, прессе было известно, что мы с Леандро вместе. Они знают мое имя, чем я зарабатываю на жизнь, и что у меня есть сын, но кроме этого они не знают ничего.

Но истории такого типа, уличающие его в измене его девушке, что-то вроде пищи для жадных журналистов.

Если бы я не ждала фотографию, то была бы опустошена. Она выглядит действительно дискредитирующе. От одного взгляда на нее мне становилось плохо. Я даже не стала читать, что под ней написано.

Я доверяю Леандро, и мне мерзко, что его использовали.

Пресса постаралась нанести максимальный урон, вывалив статью утром в день Гран-при.

Леандро позвонил мне перед гонкой. Я ни словом не обмолвилась ни о статье, ни о фотографии. Я предполагала, что его команда и менеджер придержат новость от него до тех пор, пока не закончится гонка, чтобы не сбить его концентрацию. И была права, потому что и он во время разговора по телефону не упомянул об инциденте с газетой.

Я была рада, что они не рассказали ему все, ведь он выиграл, а я знала, что этого могло и не произойти, если бы ему на глаза попалась эта злополучная статья. Это бы напрочь сбilo концентрацию.

Он позвонил вскоре после гонки и был счастлив, хотя и взбешен тоже. Как только он пересек финишную прямую, ему рассказали о распространяющейся истории, чтобы во время общения с прессой о победе не получить неожиданный удар с их стороны.

И с тех пор мой телефон не переставал звонить. Журналисты хотели процитировать меня. Я не давала никаких комментариев относительно наших с ним отношений, после чего и вовсе стала игнорировать все звонки с неизвестных номеров.

Сейчас утро понедельника, Леандро вернется домой вечером. Не могу дождаться. Ему нужно выполнить какие-то контрактные обязательства, дать несколько интервью, и после этого он полетит домой.

Мне кажется, что его не было целую вечность. Честно говоря, не знаю, как буду справляться с его частыми отъездами. Это в тысячу раз сложнее, чем я думала.

На кухонном столе начинает вибрировать лежащий там телефон, на нем высвечивается неизвестный номер. Вздыхая, я игнорирую вызов и встаю из-за стола, наливая себе еще одну чашку кофе. Я сажусь обратно, а вибрации начинаются по-новой. Я сбрасываю звонок и продолжаю читать некоторые записи о пациентах, которые получилось спасти из общего офисного беспорядка.

Телефон снова вибрирует. Тот же номер.

Снова сбрасываю.

Номер немедленно перезванивает.

Сброс.

Еще звонок.

Это становится почти игрой.

Я разозлилась на безумного абонента, раздражение взяло надо мной верх, и я ответила на звонок.

— Прекратите звонить мне. Я не дам вам ни одной гребанной цитаты, так что просто отвалите, понятно?

На линии слышится глубокий смешок. За смешком следует голос... голос, который я узнаю без промедления.

— Все еще огонь, как я посмотрю.

Позвоночник прошивает дрожь.

— П-Пол.

— Сколько лет, сколько зим, Индия. Я соскучился.

Я чувствую, как становлюсь девочкой, которой была прежде.

— З-зачем ты звонишь мне? У меня есть запретительное постановление. Тебе нельзя приближаться ко мне.

— А я и не рядом с тобой, Индия. Я в нескольких сотнях миль. Нигде не было сказано, что мне нельзя тебе звонить.

— Нельзя. Тебе нельзя связываться со мной любыми путями. Никаких звонков. Писем. Ничего.

Она снова посмеивается.

— Должно быть, я просмотрел эту часть.

— Я сейчас прерву разговор. И не смей связываться со мной.

— В твой офис вломились пару дней назад, правильно? Кошмар. Сегодня никому нельзя верить.

Моя кровь стынет в жилах.

— О-откуда ты знаешь?

— Потому что одним из тех, кто вломился, был я — то есть, не я, конечно. Я не могу покинуть Манчестер, спасибо за это подлому электронному браслету. У меня есть друзья, что помогли мне.

— Я звоню в полицию.

— Звони, и что ты скажешь? Что у тебя отношения с бывшим пациентом.

Я почти задыхаюсь.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Прекрасно ты все знаешь, я о Леандро Сильве. Он был твоим пациентом, теперь же ты трахаешь его. Поверь мне, кому как не мне знать, что это неправильно, Индия. А Сильва? Ты и правда выросла, — посвистывает он.

— Ты не знаешь, о чем говоришь.

— Конечно же, знаю. У меня твой ноутбук. Здесь есть все, все кровавые детали трогательного ПТСР Сильвы и того, как ты его лечила. Забавная шутка, я, должно быть пропустил ту часть, где говорится, что отменный трах с ним часть лечения.

Мое тело замирает.

— Ты безжалостный.

Он смеется.

— Я видел вашу фотографию в газете. Боже, Индия, ты выглядишь еще более красивой, чем тринадцать лет назад. Но мне стало интересно, где бы ты могла встретить кого-то вроде Леандро Сильвы. То есть, не похоже, чтобы вы крутились в одних и тех же кругах. Мне захотелось узнать о тебе больше. Так что я вломился к тебе в офис. Как же мне повезло, что в нем оказались файлы о Леандро Сильве. Вся эта жалостливая история написана черным по белому прямо для того, чтобы я ее прочитал. Потому что, если бы я не смог найти что-нибудь в твоём кабинете, то пришлось бы переверачивать вверх дном весь твой дом, пока не обнаружилось бы хоть что-нибудь, но мне не хотелось расстраивать своего сына подобным

вторжением.

— Он не твой сын! — кричу я в телефон.

— Он мой, Индия, и не смей, твою мать, забывать это. В его венах течет моя кровь.

— У него, может, и твоя кровь, но он не твой, и никогда им не будет.

Он раздражается безумным смехом.

— Ты неплохо справилась в одиночку. Я хочу знать о тебе и Джетте все.

— Откуда ты знаешь его имя? — шепчу я. Я не говорила ему. Держала Джетта от него подальше.

— Да ладно, Индия. Узнать было не сложно. Он увлекается футболом и Формулой-1, верно? Думаю, этому поспособствовало то, что ты трахаешься с пилотом Формулы-1.

— Пошел ты, — огрызаюсь я.

Он снова хохочет.

— Ты сохранила книгу, что я дал тебе. Это правда тронуло меня, Индия.

Я застываю, дыхание спирает.

— Помнишь, когда я ее тебе дал? Это было сразу после нашего первого занятия любовью у меня дома. Мы лежали перед камином, завернувшись в одеяло, что ты любила. Я хотел отдать тебе что-то свое, что-то ценное, потому что ты подарила мне нечто особенное.

— Ты имеешь в виду мою девственность? Которую ты забрал, когда мне было пятнадцать! Мне не нужно путешествие по гребаным памятным углам, Пол. Как ты узнал о книге?

— Мой друг нашел ее в маленькой памятной коробке, когда ошивался рядом с твоим домом. Я попросил его оставить книгу на кровати. Крошечное напоминание обо мне. Мне не нравится быть в коробке, Индия. Я провел в коробке гребаных тринадцать лет! — кричит он, лишившись спокойствия.

Его гнев вынуждает меня отпрянуть от телефона. Я слышу, как он дышит в трубку.

— Это время в тюрьме... твоя вина, Индия. Ты должна мне.

— Ничего я тебе не должна. Ты сидел, потому что развлекался манипулированием и склонением ранимых юных девочек к сексу с тобой.

— Ты никогда не была ранимой, и я, черт подери, уверен, что не принуждал тебя. Ты сама хотела. Не могла насытиться мной, если я все правильно помню. Всегда умоляла меня заняться с тобой сексом.

— Ты сделал меня больной.

Он издает мерзкий смешок.

— Боже, я соскучился, Индия.

— А я по тебе — нет! Честно говоря, я и не думала о тебе со дня, когда ты был приговорен в суде, и когда я с облегчением наблюдала, как полицейские уводят тебя прочь. А теперь скажи мне, что тебе нужно, потому что ясно как день, что ты чего-то хочешь.

Перед тем, как он отвечает, звучит короткая пауза.

— Денег.

Теперь моя очередь смеяться.

— У меня их нет, а даже если бы и были, то я бы тебе их не дала.

— У тебя парень при деньгах. Чистого капитала около ста пятидесяти миллионов, если верить «Гуглу». Уверен, он может расщедриться. Для него это сущие копейки.

Капитал Леандро сто пядьсят миллионов? Безусловно, я знала, что он богат, но не осознавала, что *настолько*. Мы никогда не говорили о деньгах, потому что это не имеет

значения. Мне не нужны его деньги. Мне нужен только он.

— Я не буду просить у него денег.

— А придется, потому что, хоть я и думаю, что ты неплохо зарабатываешь своим терапевтическим делом, уверен, у тебя нет тех денег, что я хочу получить, тогда как у твоего парня есть. Если я не получу денег, то отошлю твои файлы прямо Совету Медицинских Профессий вместе с вашей с Сильвой фотографией и милым письмом, в котором будет написано о том, как ты испортила пациента. Ты предстанешь перед Советом раньше, чем успеешь привести доводы о своей невиновности, и лицензия на практику будет вырвана из твоих маленьких милых ручек. Ты знаешь, насколько Совет нелоялен к такому роду инцидентам. Ты больше никогда не сможешь заниматься своим делом. Ты будешь занесена в черный список. Психотерапевт без лицензии. И все эти годы подготовки и тяжелой работы, все время, проведенное вдали от нашего сына, пойдут псу под хвост. Тогда я подумал, просто между делом, что мог бы дать утечь документам в руки журналистам. Ты же знаешь, как они любят сочные скандалы.

— Зачем ты это делаешь? — Мой голос ломается, предавая меня.

— Зачем? — Он звучит разъяренно. — Потому что ты украла мою гребаную жизнь, и теперь я хочу расплаты!

Глаза застилают слезы.

— Откуда мне знать, что эти документы вообще у тебя? Ты можешь врать.

— Я не вру, и ты знаешь это. Но если не веришь мне, то всегда можешь приехать и посмотреть сама. Я бы приехал к тебе, но, совершенно ясно, не могу нарушить условия досрочного освобождения.

— Я не приеду, — выпаливаю я без колебаний. — Тебе придется отослать их мне. Электронной почтой. Уверена, у тебя есть мой адрес.

Он сухо посмеивается.

— Хорошо. Я отправлю их тебе через пару минут. Но, Индия, когда ты увидишь их, то поймешь, что я говорю правду, ни минуты не рассчитывай на то, что я блефую. Я уничтожу твою жизнь, как ты уничтожила мою, если ты не дашь мне пять сотен.

— Пятьсот тысяч фунтов. — Я почти давлюсь.

— Маленькая сумма для твоего парня. Уверен, он и не заметит. И еще одно условие: когда ты получишь доказательства того, что я не вру, и достанешь деньги, ты привезешь их мне. Я хочу увидеть тебя. И моего сына... Хочу познакомиться с ним.

— Нет. — Я ударяю рукой по столу. — Этому не бывать никогда.

— Я просто хочу встретиться с ним, Индия. Только раз. Хочу знать, какой он. И тогда я оставлю вас обоих в покое. Никогда больше не свяжусь с тобой.

— Я никогда не подпущу его к тебе.

— Я не монстр, Индия.

— Говорит мужчина, шантажирующий меня. Я этого не сделаю. Требуй от меня что угодно, но к Джетту я тебя не подпущу.

— Тогда ты потеряешь все. Карьеру. Репутацию. Сама знаешь, как люди обожают сочные истории о плохих личностях. Скандал — это последний писк моды. Доктор, пользующийся ее ранимым пациентом. Пациентом, который страдает от ПТСР после практически летального исхода из-за аварии... — говорит он. — Это паршиво, Индия. Я сделаю так, что ты будешь выглядеть безжалостной и не вызывающей доверия, каким ты сделала меня всего лишь из-за любви не к тому человеку. Кажется, мы не такие уж и разные.

И внезапно я снова становлюсь той девочкой. Я смотрю в прошлое на мужчину, манипуляциями заставлявшего меня делать все, чего он желал, говоря мне о своей любви.

Слезы реками стекают по моим щекам.

— Ты никогда не любил меня, Пол. — Я вытираю слезы рукой.

— Тут ты ошибаешься. Я любил тебя. Безумно. И до сих пор люблю в некотором долбанутом виде. Ты мать моего ребенка, Индия. — Его голос смягчается. Наступает короткая пауза, и затем он продолжает более резким тоном: — Я отошлю имеющиеся у меня документы. После чего у тебя будет двадцать четыре часа на принятие решения. Если ты умная, как я думаю, ты привезешь мне деньги и сына, чтобы я познакомился с ним. Если ты не сделаешь этого, я уничтожу тебя. А когда я покончу с тобой, Индия... даже Сильве ты больше будешь не нужна. Он тебя не захочет.

Глава тридцать пятая

ЛЕАНДРО

+ ЛОНДОН, АНГЛИЯ

САМОЛЕТ НАКОНЕЦ ПРИЗЕМЛИЛСЯ после того, как рейс был отложен на три часа из-за чего пришлось торчать в чертовом аэропорту в Бельгии. Почти полночь, я в машине, покидаю аэропорт и направляюсь к дому Индии.

Я написал ей сообщение, когда застрял в Бельгии, оповестил, что рейс отложен, и что как только приземлюсь, то сразу же поеду к ней, но она не ответила. Когда я миновал охрану аэропорта, то решил написать снова, чтобы дать ей знать, что уже на земле и на пути к ней.

Все еще нет ответа.

То, что она не отписала обратно, грызло меня, черт подери, изнутри. Что-то произошло. Я только собирался позвонить, когда получил сообщение.

«Я у тебя. Увидимся там.»

Это не обычное счастливое сообщение, и никаких поцелуев в конце, которые она всегда добавляет, но я все равно счастлив знать, что она ждет меня в моем доме. Надеюсь, в постели, голая.

Он этой мысли мой член начинает вставать.

Боже, не могу дождаться, когда вернусь домой и погружусь глубоко в нее. Я буду трахать ее всю ночь, во всех уголках дома. Когда я закончу с ней, не будет ни одной поверхности, которую мы не обновили.

— Планы меняются. — Я наклоняюсь вперед, обращаясь к водителю. — Едем прямо ко мне. — Затем я откидываюсь назад и закрываю глаза.

— Вы дома, мистер Сильва.

На коже я чувствую ночной воздух, моргаю, чтобы открыть глаза, и вижу открытую дверь машины и лицо водителя.

— Черт. Должно быть, я заснул. — Я тру глаза.

— Я достану ваш чемодан.

Я выбираюсь из машины. Водитель протягивает мне чемодан.

— Спасибо, — говорю ему. Вынимая кошелек, я вытаскиваю несколько пятидесятифунтовых купюр. — За то, что приехал так поздно и забрал меня.

— Благодарю, но я не приму это. Политика компании, мистер Сильва. Это не стоит

моей работы.

— Уверен?

— Да, но спасибо.

Я убираю деньги в карман вместе с кошельком и тяну сумку к входу. Вставляю ключ в замок, окрываю дверь и бросаю чемодан в коридоре.

— Милая, я дома! — кричу я, улыбаясь от уха до уха. Я закрываю и запираю за собой дверь.

— Я на кухне.

Ну, это не то приветствие, на которое я рассчитывал. И ее голос звучит монотонно. У меня возникает неприятное ощущение, как будто сосет под ложечкой.

С дурным предчувствием я разубаюсь и иду на кухню.

Индия сидит за кухонным островом. Она пялится на бокал с красным вином, что стоит перед ней.

— Индия?

Она поднимает голову и смотрит на меня. Ее глаза покрасневшие и распухшие. Выглядит так, будто плакала.

— Я пришла сюда, потому что нам нужно поговорить, и я не хочу, чтобы Джетт слышал то, что я тебе скажу.

Во рту пересыхает и сдавливает грудь.

— И что ты хочешь сказать мне?

— Пол... он звонил мне этим утром.

— Что? — восклицаю я, ступая на кухню.

Она на табурете поворачивается ко мне. Кротко закрывая глаза, она выдыхает и сжимает колени.

— Он вломился в мой офис. То есть, кто-то сделал это за него, полагаю, один из его тюремных приятелей. У него мой ноутбук. Он каким-то образом взломал пароли и влез в файлы пациентов. Она знает, что ты был моим пациентом, Леандро. Он шантажирует меня. Хочет, чтобы я дала ему пятьсот тысяч фунтов, либо он отошлет записи о тебе и нашу фотографию Совету МП.

— Иисусе. — Я пальцами тру лоб. Двигаясь к ней, сажусь на табурет рядом. — Прошу, скажи, что ты шутишь.

Она невесело смеется и вытирает с щек слезы. То, что она плачет, убивает меня.

Когда этот мудака попадетя мне в руки, я выбью из него всю жизнь.

— Хотела бы. — Она трет щеки запястьем. — Есть кое-что еще... — Прежде чем встретиться со мной взглядом, она от беспокойства закусывает нижнюю губу. — Он грозился отправить детали твоего ПТСР прессе, если я не соглашусь.

Я иронично фыркаю.

— И у меня есть адвокат, который запихнет запретительное постановление в их задницы так глубоко, что у них из носа пойдет кровь. Они на за что не смогут напечатать это дерьмо, потому что информация поступит из незаконного источника. Даже, блядь, не беспокойся об этом, детка.

— Но мне нужно волноваться за Джетта. — Она хлопает носом. — Пол хочет, чтобы я отвезла ему деньги в Манчестер... и взяла Джетта с собой, чтобы он мог познакомиться с ним. — Ее челюсти сжимаются от гнева. — Этому никогда не бывать. Потому я и сижу здесь, пью твое вино и оплакиваю закат моей карьеры. Даже если бы у меня были деньги, я

ни за что не подпустила бы его к Джетту.

Я беру ее мягкие руки в свои, нуждаясь в прикосновениях.

— Если он согласится просто взять деньги, но не видеться с Джеттом, то заплати.

— У меня нет таких денег.

— У меня есть. Пять сотен тысяч фунтов это ничто. Это лишь верхушка айсберга моего капитала.

— Пять сотен тысяч фунтов — *очень* большие деньги. Я не возьму их у тебя, Леандро. — Она решительно качает головой.

— Индия. — Я смотрю на нее с нежностью.

— Нет, Леандро. Даже если Пол согласится взять деньги и не видеться с Джеттом будет ли это концом? Он получит деньги, промотает их, потом вернется и попросит еще. Я не смогу поверить, что у него не будет копий записей о моих пациентах. — Ее грустные глаза встречаются с моими только на мгновение, после чего она смотрит в пол. — Я ценю твое предложение, но это не твоя проблема. А моя.

Я хмурюсь.

— Я попытаюсь не обижаться на твои последние слова, потому что ты расстроена и не можешь мыслить ясно. — Отпуская ее руки, я беру ее за подбородок и заставляю взглянуть на меня. — Но все же я скажу. Ты моя. Ты и Джетт — моя семья, сейчас и до, мать их, скончания веков. Так что это и моя проблема. Этот ублюдок навредил тебе, а я охеренно наврежу ему — довольно мощно.

— Нет, — едва дышит она. — Пожалуйста, Леандро, не делай глупостей. Не хочу, чтобы ты ввязывался в неприятности. — Она руками обхватывает мою талию и устремляет на меня умоляющий взгляд.

— Я правда чертовски зол, Индия. — Я убираю руку от ее лица, проводя ею по ее волосам. — Я чувствую себя беспомощным, и мне не нравится это ощущение. И определенно точно не хочу, чтобы мудака-педофил шантажировал мою девушку. И я как будто не нужен. Ты не даешь надрать ему зад. Не позволяешь заплатить ему. И ты потеряешь свою работу из-за меня. Мне нужно чувствовать контроль, но сейчас его нет и грамма.

Я хочу потерять терпение. Хочу уехать в Манчестер и разбить лицо этому мудозвону.

Она смотрит на меня, и она шокирована.

— Это не из-за тебя, Леандро. Поверить не могу, что ты допускаешь такую мысль.

— Да ладно. Если бы мы не были вместе, то этого с тобой не случилось бы. — Мои руки превращаются в кулаки.

Она соскальзывает с табурета. Становится между моих ног и потирает мои руки, заставляя расслабить их, чтобы потом обхватить их своими пальцами.

— Тогда бы Пол нашел другой способ добраться до меня. Здесь нет твоей вины. Я счастлива, даже более чем счастлива, что мы вместе. Я знала, что делала, осознавала, на какой риск иду, соглашаясь на отношения с тобой, и не изменила бы ни единой детали. Я выбирала бы тебя каждый раз. Я слишком люблю тебя, чтобы не быть с тобой. Просто мне бы так хотелось, чтобы было все и сразу: и ты, и карьера, но, кажется, так не получится.

— Детка... — Я опускаю голову. — Это убивает меня нахрен. Мне нужно сделать хоть что-нибудь. Нужно быть способным помочь тебе.

Она рукой касается моего лица, вынуждая посмотреть на нее.

— Я утром собираюсь пойти в полицию и рассказать, что меня шантажируют. Мне нужно, чтобы ты пошел со мной. Так ты сможешь помочь мне.

Вздыхая, я говорю:

— Если ты уверена, что хочешь решить это так...

— Уверена. — Она смотрит на меня, и в ее взгляде нет сомнения.

— Тогда, конечно, я пойду с тобой.

Она водит пальцами вокруг моего уха, зачесывая за него волосы.

— После полицейского участка я собираюсь связаться с СМП и рассказать им о нас, и я приму последствия. Мне совершенно точно будет нужно, чтобы в это мгновение ты держал меня за руку. — Она улыбается мне с грустью.

— Что угодно, детка. Я сделаю для тебя все. — Я обнимаю ее за талию и притягиваю к себе. — Но ты потеряешь лицензию на практику.

В ее глазах стоят слезы, она прикусывает губу. Я знаю, что она пытается не плакать, и это разрывает меня на части.

— Я не знаю, чем я буду заниматься. Я умею только быть психотерапевтом и помогать людям. Мне нужна работа, чтобы оплачивать счета. То есть, у меня есть кое-какие сбережения, так что какое-то время мы продержимся, но мне придется найти новое занятие.

— У меня много денег. Тебе не нужно работать. Просто заботься о себе и Джетте.

— Нет. — Она качает головой. — Я не буду иждивенкой.

— Иждивенкой? — Я смеюсь в смятении. — Индия, я люблю тебя. Больше чем влюблен. Я твой, полностью и безраздельно. А ты моя. — Я обхватываю ее лицо ладонями. — Ты и Джетт для меня все. И нет других аргументов. Я позабочусь о вас обоих.

— Леандро... Я работала всю свою жизнь, чтобы только обеспечить сына. Я не смогу не работать.

— Тогда ты можешь найти другую работу. Что-то, что любишь. Просто понадобится время, чтобы понять, что это. А до того времени я буду заботиться о тебе, детка.

Пока она будет искать работу, я переселю ее и Джетта к себе, после чего, надеюсь, надену кольцо на ее палец, сделав ее своей навсегда, чтобы ей никогда не пришлось работать снова.

Она льнет ко мне, располагая свою голову в изгибе моей шеи. Я обнимаю ее очень крепко. Ее горячее дыхание касается моей шеи, отчего я завожусь. Я знаю, что сейчас не время быть похотливым, но я был без нее слишком долго. Как она пахнет, а как приятно прижимается ко мне всем телом.

Она оставляет поцелуй на моей коже и медленно прокладывает влажную дорожку вверх по моей шее, добирается до челюсти, после чего достигает моего рта. И прижимается к нему поцелуем.

— Отведи меня в постель, — шепчет она мне в губы. — Я хочу забыть обо всем. Хочу думать только о тебе и чувствовать лишь тебя.

Я языком провожу по ее нижней губе.

— Детка, когда я закончу с тобой, ты не будешь помнить даже год.

Она улыбается у моих губ.

— Я обожаю тебя, Леандро Сильва.

— И я обожаю тебя. Теперь идем наверх, чтобы я мог показать, насколько сильно.

Глава тридцать шестая

ИНДИЯ

Я СМОТРЮ НА ЛЕАНДРО, лежащего рядом со мной в постели, и наблюдаю за тем, как он спит. Его длинные черные ресницы овевают его кожу. Его волосы взъерошены и закрывают лоб. Он выглядит потрясающе.

Мы с Джеттом и Леандро в Италии. Мы остановились в роскошном двухспальном номере в Милане, всего в десяти милях от автодрома «Монца». Последние несколько дней мы расслабляемся, смотрим достопримечательности и едим настоящие итальянские блюда.

Завтра у Леандро квалификация. Джетт в восторге от посещения всех гонок и от путешествий по разным странам.

Прошла неделя с того дня, когда я отправилась в полицейский участок и рассказала о том, что Пол меня шантажирует. Рассказывать офицерам всю историю было кошмарно, и в их глазах я видела осуждение, когда говорила, что Леандро был моим пациентом. Но, думаю, мне придется привыкнуть к подобным взглядам.

С СМП легче не было. Было даже хуже. Моя лицензия на практику приостановлена до следующего обсуждения. Даже несмотря на мое признание, что я в отношениях с бывшим пациентом, мне придется пройти через официальное слушание. Может, когда мы начали наши отношения, Леандро и не был моим пациентом, а я не была его психотерапевтом, но мы целовались, когда я все еще занималась его лечением. Для коллегии это имеет огромное значение.

И для меня тоже.

Даже несмотря на то, что я люблю свою работу, я больше не отношусь к ситуации так, как прежде. Хотя я и опустошена из-за того, что больше не могу помогать людям, но знаю, что это правильно.

Единственный человек, неодобрения которого я не выдержу, это Джетт. И слава богу, он не думает обо мне плохо. Мой сын мудр не по годам.

После похода в участок и к Совету, я усадила Джетта и рассказала ему абсолютно все. Как мы с Леандро познакомились. О том, что его отец выпущен из тюрьмы. О взломе. Попытке Пола шантажировать меня. Мне не хотелось, чтобы Джетт узнал это от кого-то другого.

И после того, как я вывалила ему все это, он сказал:

— Пока ты в порядке и счастлива с Леандро, только это будет иметь значение. Остальное чепуха.

Я заплакала. А как было не разрыдаться? Уже тогда, обнимая сына, я знала, что все будет хорошо. Все образуется само собой, и все случившееся произошло не без причины.

Пол был арестован и возвращен в тюрьму за нарушение условий досрочного освобождения, что означало — он отсидит весь положенный ему срок. А также он предстанет перед судом за шантаж и вымогательство. И снова главной свидетельницей буду я. В конечном счете, что касается дела о попытке шантажа, мое слово против его. Но мой ноутбук и распечатанные Полом файлы о Леандро были конфискованы из дома вымогателя.

Факт, что, высказавшись, я потеряла все и не приобрела ничего, покажет, что я говорю правду. Надеюсь, он получит еще несколько лет к его нынешнему сроку. Я молюсь, чтобы к моменту выхода Пола Джетт стал взрослым мужчиной, и надеюсь, что сам Пол будет достаточно предусмотрителен, чтобы оставить нас в покое.

В школе все еще каникулы, обратно отправляемся на следующей неделе. Леандро

мучился от мысли, что ему придется оставить нас, несмотря на то, что Пол снова за решеткой, так что мы приехали к нему на время Гран-при.

Я чувствую себя расслабленной и защищенной впервые с момента, когда Пол вышел из тюрьмы. Утешало меня лишь то, что все теперь открылось.

Пресса не раздула историю о Поле, ну или как мы с Леандро познакомились. Может, они еще сделают это. А, может, и нет. Если все же новость разлетится, мы справимся с этим вместе.

— Ты наблюдаешь за тем, как я сплю, — бормочет он с закрытыми глазами, удивляя меня. Его голос хриплый после сна и сексуальный как сам ад.

— Такое может быть. — Я прижимаюсь к нему, закидываю ногу на его бедро и ощущаю его утреннюю эрекцию. — Просто ты выглядишь так умильно, когда спишь.

Он открывает один глаз, поглядывая на меня.

— Что я умильный можно подумать только в самую последнюю очередь. А вот ты, с другой стороны... — Он открывает второй глаз и одной рукой проводит по моей заднице, гладит бедро, после чего забирается под пижамные шорты и кончиками пальцев трогает мои быстро намокшие трусики.

Я резко вдыхаю от его легких и воздушных прикосновений.

— Джетт может не спать.

— Тогда мы будем тихими. — На его лице сексуальная усмешка, из-за которой я тут же готова сделать все, что он захочет.

В ответ я целую его. Пальцами он пробирается под трусики и одним из них толкается в меня.

— Боже, — выдыхаю я, когда он имеет меня, а большим пальцем ласкает клитор. — Мне нужно дотронуться до тебя. — Рукой я заползаю под его пижамные штаны и беру его за член. Схватив его, я начинаю водить по нему вверх и вниз. Обожаю, как он шипит сквозь зубы, реагируя на мои прикосновения.

Дальше я понимаю, что мои шорты и трусики уже спущены по ногам вниз, и меня совершенно не нежно переворачивают на другой бок. Спиной к нему.

— Раздвинь ноги, — шепчет он мне на ухо.

Я выполняю его просьбу. Чувствую, как головка его члена трется о мой вход и клитор, после чего он толкается у меня.

— Черт, — рычит он мне на ухо. Рукой проскальзывает под мой топ и кладет ладонь на мою грудь, начиная массировать сосок.

Из меня вырывается крик.

— Ш-ш-ш, — шепчет он, другой рукой закрывая мне рот, медленно двигаясь во мне туда-обратно. — Мне нужно затыкать тебя, детка? Или ты будешь хорошей девочкой?

Мысли, как он затыкает меня, возбуждают меня, и к этому примешивается ощущение его руки на моем рту, но все же я качаю головой.

— Я буду хорошей, — бормочу я ему в руку.

Оставляя руку на моих губах, другой он снова сжимает сосок. Я царапаю его ладонь зубами. Он рычит и начинает трахать меня жестче. Звук плоти, ударяющейся о плоть, так заводит.

— Потри свою киску, Индия. Я хочу, чтобы ты трогала себя.

Раньше я перед ним никогда себя не трогала, но эта мысль меня увлекает.

Я прижимаю пальцы к своей киске, кончиками пальцев касаясь его члена, когда тот

вколачивается в меня и выходит обратно. Затем я начинаю массировать клитор.

— Черт. Да, вот так, — говорит он хрипло мне на ухо. — Доведи себя до оргазма. Хочу, чтобы ты кончила и сжалась вокруг моего члена, как тиски.

Я тру клитор интенсивнее. Я возбуждена до предела. Мне нужно кончить. Сейчас только это имеет значение.

Я откидываю голову назад и оглядываюсь на него. Его рука соскальзывает с моего рта, и пальцами он запутывается в моих волосах. Хватая меня за локоны, он притягивает мой рот к его, и целует меня страстно и жестко. От ощущения его языка, переплетенного с моим, его члена во мне и моих пальцев, ласкающих клитор, я кончаю сильно и стону от удовольствия ему в рот.

— Черт... — шепчет он хрипло. — Твоя киска кажется такой чертовски узкой.

Он вколачивается в меня еще несколько раз, после чего я чувствую, как его тело напрягается, готовясь к освобождению.

— Я кончаю, детка, — шепчет он. — Кончаю в твою горячую тугую киску.

Я смотрю на него, когда он отходит от оргазма. Обожаю его взгляд, полный удовольствия, и легко читаемую любовь ко мне в чертах его лица. До того, как Леандро полюбил меня, я никогда не была любимой. Я и не подозревала, насколько любовь волнительна.

Он снова целует меня, все еще оставаясь во мне.

— Нет ничего лучше, чем проснуться и быть в тебе.

Я улыбаюсь, но улыбка переплетается с легкой грустью.

— Я буду скучать по нашим пробуждениям, когда ты будешь уезжать на гонки.

Он одаривает меня ошеломительной улыбкой.

— Только до ноября, а после ты каждое утро будешь просыпаться и чувствовать меня в себе.

— До следующего сезона.

— Нет. Каждое утро до скончания вечности. — Он делает глубокий вдох. — Индия, это будет мой последний сезон. Я уйду из Формулы-1.

— Что? — восклицаю я, поворачиваясь к нему лицом, думая, что он дурит меня.

— Кажется, мы превратили наши простыни в хлам. — Он посмеивается, указывая на внезапно открывшееся после моих передвижений влажное место.

— Уходишь? — Игнорирую я его веселость. — Это потому, что я потеряла работу из-за наших отношений, и ты чувствуешь вину? Потому что, если так, то тогда не нужно, ты не можешь так поступить. Я не допущу.

Он обхватывает мое лицо ладонями, убирая волосы большими пальцами.

— Нет. Не из-за этого. Мое решение об уходе было принято еще до всего произошедшего. Мне было паршиво находиться вдали от тебя, когда я был в Бельгии. В этом году заканчивается мой контракт. Я достиг всего, чего хотел. Поборол своих демонов и вернулся на трассу. Но гонки больше не дарят мне тех ощущений, что раньше. Я хочу начать жить с тобой и Джеттом. Не хочу быть вдали от тебя большую часть года.

Я чувствую проносающуюся через меня теплоту.

— Ты уверен, что хочешь этого? — спрашиваю я мягко.

— Да. Однажды я женюсь на тебе и наполню твой живот маленькими Сильвами.

— Несколькими? — лепечу я.

Он усмехается и подмигивает.

— Конечно. Я думаю о трех или четырех. — Он равнодушно пожимает плечами.

Из меня вырывается глухой смех, а глаза расширяются.

— Трех или четырех? Притормози-ка, мистер Плодовитость. С чего ты взял, что я вообще еще хочу детей?

Я хочу. В голову не приходит ничего лучше, чем родить детишек от Леандро. Хотя, вероятно, не четверых. Но я обожаю дразнить его.

Мышцы его лица застывают. Затем, так же быстро, как застывают, они так же стремительно расслабляются.

— Тогда меня устроит все как есть. Джетт мой, так что...

— Что? — Воздух застревает в горле.

— Я сказал, Джетт — мой. — Его голос смягчается, кончиками пальцев он проводит по моей щеке. — Учитывая, что я в отношениях, Джетт мой сын. Я не пытаюсь наступать на пятки Киту. Я знаю, что он растил Джетта, как своего собственного. Но я хочу быть Джетту отцом, если он сам того захочет.

Мои губы дрожат, на глаза наворачиваются слезы.

— Я почти уверена, что Джетт будет не против. Да и Кит тоже.

Он улыбается, приподнимая уголок губ.

— Хорошо.

Боже, я люблю его. Невообразимо сильно.

— И я хочу завести еще детей, просто чтобы ты знал. — Я дарю ему нежную улыбку.

Он целует меня снова.

— Как только сезон закончится, можем начать делать ребенка номер один. Просто нам нужно потренироваться заранее.

Я прижимаю руку к его груди в области сердца.

— И как только я стала такой удачливой, что ты полюбил меня, Леандро Сильва?

— Это я счастливчик, детка. Поверь. До знакомства с тобой моя жизнь катилась вниз по наклонной. Ты спасла меня больше чем один раз. Любовь к тебе мое спасение.

Накрывая своей рукой мою, он снова целует меня, медленно и проникновенно, до тех пор, пока снова не начинает двигаться во мне, выполняя тренировку по заделываю детей, о которой говорил.

Эпилог

ЛЕАНДРО

Три месяца спустя

 ОСТРОВ ЯС, АБУ-ДАБИ

КОГДА Я НАЧАЛ УЧАСТВОВАТЬ В ГОНКАХ, то знал, что рано или поздно этот день настанет, но не думал, что буду чувствовать себя так, как сейчас, или что закончу сезон именно таким образом. Я думал, что буду участвовать в гонках, пока меня не остановит возраст или смерть. Но точно не потому, что просто пришло время, и что я могу начать свою жизнь с любимой женщиной и ее сыном, которого люблю с той же силой. Он не просто сын Индии. Он и мой тоже. Чем больше времени я провожу с Джеттом, тем глубже этот парень проникает в мое сердце, туда же, куда и его мама.

Если бы несколько лет назад мне кто-нибудь сказал, что сейчас моя жизнь будет такой

— что я влюблюсь в прекрасную женщину и обзаведусь двенадцатилетним сыном — я бы рассмеялся ему в лицо.

Теперь же моему счастью нет предела. Я нашел свое место в этом мире. Место, которое я и не подозревал, что искал, пока не обнаружил его.

Даже осознавая, что это финальная гонка, и хотя ее сопровождает легкая грусть, я готов к завершению, чтобы, наконец, отвезти свою семью домой и начать новую главу своей жизни с ними.

Шлем надет, и я проговариваю слова, которые не произносил с момента аварии, которая изменила все. Гонки, которая, я думал, практически лишила меня жизни, но вместо этого отведшая меня прямо к лучшему, что случилось в ней — Индии.

— Быть вторым значит быть первым среди проигравших, — шепчу я на одном выдохе.

Бросаю последний взгляд на Индию, рядом с которой стоят Джетт и моя мама, и одними губами говорю ей "я люблю тебя".

Потрясающая улыбка осветляет ее лицо, после чего она губами отвечает мне тем же, наполняя мое сердце до краев.

Я забираюсь в кокпит. *Время.*

Я проезжаю прогревочный круг. Затем мы занимаем позиции на стартовой решетке. Я на пол-позиции, что было выяснено на вчерашней квалификации. Теперь мне необходимо выиграть эту гонку.

Красный...

Красный...

Обыкновенное мигание вызывает тревогу в моей груди. Но я контролирую ее, а затем и вовсе рассеиваю.

Красный...

Красный...

Красный.

Вперед!

Болид срывается с места, и пока я лечу по трассе, стремительно набирает скорость. Голоса в моем ухе заглушены моей сосредоточенностью на победе и желании вернуться к семье.

Моей семье.

— Да! — Я возвожу кулак к небу, когда пересекаю финишную прямую, приезжая первым.

Когда я торможу, моя команда уже мчится к болиду. Я вытаскиваю руль, убираю его в сторону и выбираюсь из авто. Снимаю шлем и тут же чувствую объятия и похлопывания по спине и плечам моих членов команды. У меня в ушах звенит от поздравлений и криков толпы, сам же я в это время взглядом ищу Индию.

Мы тут же встречаемся глазами, и меня пронизывает ощущение облегчения, заставляющее меня улыбнуться еще шире. Я проталкиваюсь через толпу. Добираясь до нее, я сгребая ее в объятия. Она руками обхватывает мое лицо, и я целую ее.

Разрывая наш поцелуй, задыхаясь, она бросает быстрый взгляд на людей на трибунах, окружающих нас и отмечающих мою победу.

— Ты уверен, что хочешь оставить все это? — Она мягко кивает, подбородком указывая в направлении трибун.

Я коротко смотрю на то, что происходит за ее плечами. Вижу баннеры с моим именем, и на некоторых из них просьбы не уходить из спорта. Затем я снова смотрю на мою девочку.

— Более чем уверен.

На ее лице растягивается улыбка, и она своими губами прижимается к моим, оставляя на них нежный поцелуй.

Боже, я люблю ее охерительно сильно.

— Прощу прощения за прерывание фестиваля любви, — раздается за моей спиной голос Каррика, после чего я чувствую его руку на своей спине, — но нам нужно занять свои места на подиуме.

Я с неохотой отрываюсь от губ Индии.

— Я подожду здесь, — говорит она мне.

Поворачиваясь к Каррику, я обнимаю Индию за талию. Энди походит к Каррику, и он обнимает ее за плечи.

— Ты имеешь в виду подиум, на котором я буду занимать первое место.

На лице Каррика появляется ухмылка.

— Ты же знаешь, что я поднес тебе эту победу на блюдечке? То есть, это меньшее, что я мог сделать в связи с твоим уходом и при условии, что по очкам уже выиграл Гран-при в этом году.

Смеясь, я качаю головой.

— Ты придурок, ты знаешь это?

— Да, Андресса говорит мне это все время.

Энди шлепает его по животу.

Джетт подходит ко мне и становится рядом.

Я кладу ему руку на плечо.

— Хочешь подняться на подиум вместе со мной? — спрашиваю я Джетта.

Его лицо светлеет, и он улыбается.

— По-настоящему?

— По-настоящему. — Я улыбаюсь ему. — С тем же успехом, однажды, ты можешь ощутить на себе, каково это подняться туда и получить свой собственный приз.

Его улыбка становится еще шире, и я чувствую, как рука Индии на моей талии сжимается сильнее. Я убираю руку с плеча Джетта и смотрю на нее, обнаруживая направленный на меня взгляд ее глаз, полных любви и слез, как бывает, когда я делаю что-то для Джетта.

— Я люблю тебя, — шепчет она.

Я кладу ладонь на ее щеку и прижимаюсь к ее губам нежным поцелуем.

— Я тоже тебя люблю, детка.

Отпуская Индию, я беру ее за руку и снова обнимаю Джетта за плечи.

— Идем, сынок. Давай, я покажу тебе, каково смотреть сверху вниз на Каррика Райана.

Каррик, скрывая ото всех, аккуратно показывает мне средний палец. Я раздражаюсь смехом и, одной рукой удерживая Индию, а другой обнимая Джетта, со своей семьей я иду вперед, чтобы подняться на подиум в последний раз.

Эпилог

ИНДИЯ

Пять лет спустя

+ НОРТГЕМПТОН, АНГЛИЯ

Я В БОКСЕ в "Сильверстоуне", наблюдаю за тем, как Джетт готовится к своей первой гонке. Леандро с ним.

Моему малышу семнадцать лет, он подписал контракт с его первой командой и сейчас дебютирует в европейском чемпионате ФИА Формула-3. Леандро — его менеджер. Их них получается прекрасная команда.

— Кое-кто маленький ищет тебя.

Поворачиваясь на голос Кита, я улыбаюсь маленькой девочке, вертящейся у него на руках.

— Мама! — Адриана тянет свои ручки ко мне.

— Привет, малышка. — Я забираю ее у Кита.

У Адрианы темные глаза ее отца, его волосы и — безусловно, я пристрастна — она самая красивая девочка в мире. Ей только что исполнилось два года. Чтобы забеременеть, нам с Леандро пришлось постараться около года, но во время попыток мы неплохо развлеклись.

— Ты сможешь ее держать? — Кит кивает на мой сильно выпирающий живот.

Уже шестой месяц. У нас будет мальчик.

— Несколько минут смогу. — Я целую Адриану в мягкие волосы. — Хотя она становится тяжелее. — Я нежно тискаю малютку.

— Она суетилась наверху, — рассказывает Кит. — Ты знаешь, как она любит быть в центре внимания.

— Прямо как ее отец, брат и дядя.

Кит посмеивается от этой реплики.

— Петра здесь? — спрашиваю я Кита.

— Она в пути.

Кит остепенился и женился на Петре, лучшей подруге Энди. Чтобы наконец быть вместе, им пришлось пройти немало неприятных препятствий, по большей части из-за моего брата, но в итоге они справились. Сейчас они счастливы вместе. Я правда рада за них, потому что Петра подходит ему.

Я так рада, что он нашел себе кого-то.

Надеюсь, они скоро подарят мне племянницу.

Адриана начинает стягивать милый маленький розовый приемник, аккуратно надетый на ее ухо.

— Нет, этот оставь, Эдди, — прошу я ее.

— Думала ли ты когда-нибудь, что мы будем стоять здесь в ожидании, когда наш парень сделает первый шаг в мир гонок Формулы? — спрашивает Кит, стоя рядом со мной.

Наши взгляды встречаются, я улыбаюсь ему.

— Нет. Но я рада, что мы здесь, если бы еще не нервы.

— Да, понимаю, соглашусь с каждым пунктом, — выдыхает он. — Но он там, где ему и было суждено оказаться. Как и тебе.

Моя жизнь кардинально изменилась с тех пор, как в нее вошел Леандро. Не то чтобы до него она была плохой, потому что это не так, но с тех пор, как он появился, он привнес гораздо больше красок в мои будни.

После того, как Леандро ушел из спорта, мы учились жить вместе постепенно, привыкая друг к другу в рутинной жизни. Сначала мы жили отдельно друг от друга, но Леандро все чаще оставался у меня, пока практически не стал обитать только здесь.

Это было самое плавное и правильно развитие события для всех нас. Ведь очень долгое время нас было только трое, и я не хотела, чтобы Кит чувствовал себя отвергнутым. Я старалась оберегать чувства Кита, но дом, без сомнений, становился слишком маленьким для нас четверых.

Затем, когда Леандро отвел меня в его ресторан, где прошло наше короткое первое свидание, он попросил меня выйти за него после шести официальных месяцев наших отношений. Сказать, что я была удивлена, значит ничего не сказать, но я была в восторге. Конечно же, я хотела сказать "да" прямо там и в ту же секунду, но подумала о Джетте и Ките, как отреагировали бы они. Замужество — это сильная перемена. Тогда Леандро, увидев мои колебания, заверил меня, что получил их благословение заранее. Как только я узнала об этом, то уже ничто не могло помешать мне ответить "да".

Как только мы поженились, у Леандро оказался для меня еще один сюрприз. Он купил нам дом в Букингемшире, в нескольких милях от места жительства Каррика и Энди. Я сильно привязалась к Энди, что странно, учитывая то, как мы познакомились, но сейчас она и Петра мои лучшие подруги.

Джетт помогал Леандро выбирать дом. Но я беспокоилась о Ките, где будет жить он. Я не хотела, чтобы он думал, будто мы отдаляемся от него, женившись и переехав в новый дом. Потому что, честно говоря, я не знала, как вообще жить без Кита поблизости.

Но Леандро опередил меня. Он подумал и об этом. Словно знал наперед, какие тревоги у меня будут и упреждал их, делая все возможное, чтобы осчастливить меня.

Он купил еще один дом, чтобы в нем жил Кит, менее чем в пяти минутах ходьбы от нас. Даже несмотря на то, что Леандро мог позволить себе купить Киту дом, не колеблясь и секунды, Кит был в своем стиле и сказал, что примет его только при условии, если будет платить аренду. Леандро согласился без обсуждений.

Кит и Петра живут там до сих пор. В итоге дом стал принадлежать им, так как Леандро сделал его свадебным подарком. Леандро в итоге всегда добивается того, чего хочет. Люблю это в нем.

Я счастливейшая женщина в мире, мужчина которой не только любит ее, но и делает так, чтобы семья, которую люблю я, была от меня неподалеку.

Так что я была замужней женщиной, Джетту было тринадцать, и он был независим, практически не нуждался во мне. Я начинала чувствовать себя ненужной. У меня не было работы. Моя лицензия, как и ожидалось, была отнята у меня на слушании, которое прошло через несколько месяцев после нашего возвращения из Италии, где проходила гонка Леандро. Хоть я ждала такого развития события, осознание того, как все обернется, не умаляло боли ни на йоту. Я продала дело другому психотерапевту в надежде, что тот будет наслаждаться этой работой так же, как наслаждалась я.

Я чувствовала лишения, но не была одна. Леандро был в таком же положении.

Конечно, Джетт занимался картингом, к которому подходил очень серьезно, чем занимал нас, но мы с Леандро трудящиеся люди. Мы оба работали на протяжении всей

нашей жизни, так что нам нужно было нечто большее.

И тогда, после одной из гонок Джетта, Леандро пришел домой с великолепной идеей. Он услышал, что в нескольких милях от нас продается земля. Он решил, то мы приобретем ее и превратим в трассу для картинга, и одновременно в молодежный центр. В место для детишек, которым некуда податься, нет возможности поучаствовать в гонках или просто развлечься. Я тотчас же влюбилась в эту идею, потому что это значило, что я могла помогать людям — таким же детям, какими были мы с Китом — потерянным и не знающим, куда идти. А также это могло быть местом для тренировок Джетта.

Так что уже на следующий день Леандро сделал щедрое предложение. Оно было приятно довольно стремительно, и через шесть недель место было нашим. На то, чтобы обустроить его и запустить ушло несколько загруженных месяцев, но через семь месяцев после начального предложения двери картодрома "Сильвия Харрис" официально открылись.

Мы ввели бесплатный вход для детей, а деньги на запуск получали благодаря благотворительным взносам и сбору пожертвований, за который отвечала я. Когда мы ездили на гонки, то раздавали входные билеты. Конечно, имя Леандро привлекало людей, а также мы просили о содействии знаменитых пилотов, друзей Леандро. А именно, мы просили Каррика заезжать на гонки так часто, как только могли в моменты, когда он не был на Гран-при. Также Леандро в центр вложил много собственных денег, но он — ладно, *мы* можем позволить себе это.

Управлять центром потрясающе. Леандро помогает тренировать детей на картах, но у нас есть и рабочий персонал. Сейчас он принимает активное участие в развитии карьеры Кита, и это отнимает у него немало времени.

Кит помогает нам с центром, когда может. Но сейчас он очень занят. Он больше не модель, теперь он актер. Снимается в фильмах и сериалах. Кит создал себе имя.

Мой брат знаменитый актер — кто бы мог подумать?

Адриана начинает вертеться у меня на руках. Она не ручная. Не любит находиться долго в бездействии.

— Мама, хочу папочка, Джетт-Джетт. — Она начинает тянуть меня за волосы.

— Хорошо, малышка. — Я поворачиваюсь к Киту. — Идешь?

Он кивает, и мы идем туда, где разговаривают Леандро и Джетт. Обсуждают гоночную стратегию, даже не сомневаюсь.

Как только мы доходим до Леандро, Адриана тянется к нему.

— Папочка!

При виде нее его лицо начинает сиять.

— Эдди бабочка.

Он ухмыляется ей, берет на руки, забирая у меня, и она визжит, хватаясь за его волосы, когда он фырчит ей в щеку.

Обожаю наблюдать за ними. Чего-то такого Джетт, не имея отца, не получил. Но, слава богу, у него был Кит, а теперь еще и Леандро.

— Глупый — папочка! Не Эдди бабочка! — отвечает она ему.

Он смеется ей и смотрит на меня.

— Как ты, детка? — Он кладет руку мне на живот и гладит его.

— Хорошо. — Я кладу свою руку поверх его и улыбаюсь ему с обожанием.

Затем я поворачиваюсь к Джетту. Он выглядит в точности так, как в его возрасте выглядел Кит. Возраст, в котором я узнала, что беременна им.

Скоро мой мальчик будет разбивать сердца по всему миру, если еще не разбивает.

— Какие ощущения перед гонкой? — спрашиваю я его.

— Нормальные. — Он лениво пожимает плечами. Он усвоил все эти подростковые штучки.

— Не нервничаешь?

Обычно на гонках на картах он чувствует себя нормально, но Формула-3 уже совсем другая лига. Если верить словам Леандро, то Джетт доберется до Формулы-1 примерно через три-четыре года. А он знает толк.

Джетт бросает взгляд на Леандро, потом смотрит на меня:

— Ха, дело в шляпе, мам. — Он ухмыляется мне.

Обожаю его уверенность в своих силах. Он всегда был уверенным, но несколько лет им занимался Леандро, после чего его вера в себя возросла в разы. Наблюдать за развитием все улучшающихся взаимоотношений между Леандро и Джеттом сплошное удовольствие. Настоящая привилегия. У них связь. Связь отца и сына.

У моего сына могло не быть биологического отца, но у него есть кое-что получше. У него есть отличный дядя, любящий его как своего собственного сына, и потрясающий мужчина, который, может, и вошел в его жизнь позже, но любит его так, словно находится рядом с самого рождения.

У него было двое мужчин, готовых сделать для него все что угодно.

После нашей с Леандро женитьбы Леандро сообщил мне, что хочет стать отцом Джетта официально, по закону, что хочет усыновить его. После аккуратного обсуждения этой темы с самим Джеттом, мы узнали, что он и сам этого хочет.

Мы с Леандро были очень счастливы оформить документы официально, но у нас было непреодолимое препятствие, и я знала, что нам с ним будет сложно. И, к несчастью, так и было. Леандро не мог законно усыновить Джетта, потому что Пол отказывался подписать бумаги. Он не соглашался идти на это не из любви к сыну. Он делал это назло.

Но это не имело значения. Леандро все равно считал себя его отцом. Но Джетт не забывал эту ситуацию, он хотел сделать что-то такое, чтобы показать Леандро, что он и есть его отец. Потому Джетт нас сильно удивил, когда на шестнадцатый день рождения пришел домой и сообщил, что законным путем изменил свою фамилию на Сильва. Даже несмотря на то, что у него была моя девичья фамилия и не было никакой связи с Полом, он хотел продемонстрировать Леандро, что считает его отцом, и что мы теперь семья во всех смыслах.

Не считая дня рождения Адрианы, это был единственный раз, когда я видела Леандро доведенным до слез. Само собой, я тоже плакала.

Раздавшийся звонок возвещает нам о том, что первая гонка скоро начнется.

Я обнимаю Джетта.

— Увидимся на финише, — говорю я ему, обхватывая его щеки.

— Я пересеку его первым. — На его лице самоуверенная ухмылка.

— Без сомнений. Люблю тебя, парень.

— И я люблю тебя, мам. — Он оставляет поцелуй на моей щеке и уходит к автомобилю.

Леандро передает мне Адриану и идет с ним.

Как только Джетт готов, Леандро возвращается к нам.

Он забирает Адриану и одной рукой обнимает меня, притягивая к себе ближе.

— Джетт в норме? — спрашиваю я.

Он улыбается мне.

— В норме, детка. Не беспокойся.

— Ты не беспокоишься?

— Нет, потому что знаю, насколько он хорош. И тренировал его я, так что, сама знаешь... — Он самодовольно лыбится. — Лучше пойду к командному мостику, чтобы я мог говорить с парнем во время гонки. — Он кивает в сторону мостика, где команда Джетта смотрит на экраны с надетыми приемниками, чтобы связываться с пилотом.

— Хорошо.

Он приближается ко мне и целует в губы.

— Я люблю тебя.

— И я люблю тебя.

Он целует Адриану в шею, из-за чего та визжит от счастья.

— Ты в порядке? — спрашивает меня Кит, наблюдая за уходящим Леандро.

— Ага. Хотя, сейчас я действительно нервничаю.

— Джетт великолепен, Инди. У него дело в шляпе.

— Ага. — Я смотрю на него и одариваю несмелой улыбкой. — Ты прав.

Двигатели ревут. Мое тело напрягается и на экранах, находящихся рядом со мной, я вижу, что гонка началась.

Я думаю о моей жизни тогда и сейчас.

Если бы кто-то сказал той напуганной до смерти беременной семнадцатилетней девчонке готовиться к тому, что примерно через восемнадцать лет малыш, растущий в ее животе, будет принимать участие в его первой гонке Формула-3 в роли пилота, то она бы сказала этому кому-то, что он совершенно свихнулся.

Или если бы пять лет назад кто-то сказал мне, что я буду счастлива замужем и беременна вторым ребенком от сломленного, озлобленного бразильского пилота, только что вошедшего в дверь моего кабинета, я бы определенно предложила ему обратиться к специалисту.

Влюбиться в Леандро не входило в мои планы, и уверенно заявляю, что и в планах Леандро этого пункта не было, но, боже, как же я рада, что это случилось.

Мы не подходили друг другу, но оказались самыми подходящими в полном смысле этого слова.

Нам было суждено пройти по этому пути.

Жизнь полна перипетий, крутых поворотов и невзгод на любой манер, но если ты справляешься с ними, то тебе воздается за это сполна.

Если ты тверд и честен с собой и окружающими, все будет по справедливости.

Рассказ правдивой истории о Леандро и обо мне доказал мне эту истину.

Да, может, я и лишилась карьеры из-за отношений, но совсем не жалею об этом. Ни единой минуты.

Леандро постоянно говорит мне, что я спасла ему жизнь. Но, по правде говоря, думаю, мы спасли друг друга. Я жила не полной жизнью. Пока не появился он. Теперь же мы оба используем максимум возможностей, вместе, будто так и было суждено. Мы пережили худшее, чтобы обрести друг друга.

Но то, через что мы прошли и с чем столкнулись по отдельности, сделало нас теми, кто мы есть.

И я бы ничего из этого не стала менять.

